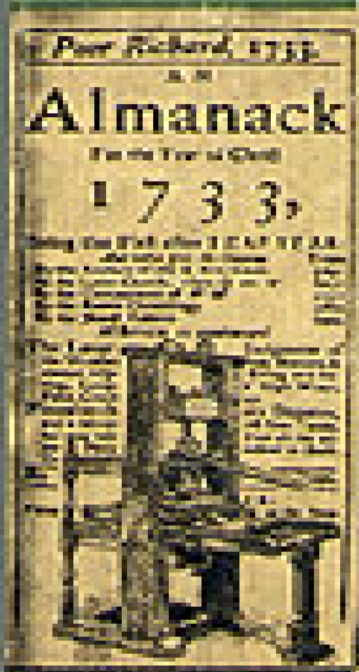
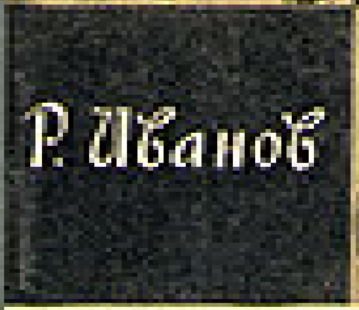
ФРАНКЛИН





Р. Иванов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Роберта Иванова рассказывает о жизни американского просветителя, государственного деятеля и учёного Бенджамине Франклине (1706 – 1790).

- Роберт Иванов
  -
  - Бостон
  - Филадельфия
  - Лондон
  - Возвращение на родину
  - Хунта
  - Типограф и издатель
  - «Я начал подумывать о деятельности на общественном поприще»
  - Военная карьера
  - Гуманизм Франклина
  - Ученый-энциклопедист
  - Религиозные взгляды
  - Дипломатическая миссия в Англии
  - Год в кругу семьи и друзей
  - Америка вступает на тропу войны за независимость
  - Посол революции
  - Последняя услуга родине
  - Основные даты жизни и деятельности Бенджамина Франклина
  - Краткая библиография
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Роберт Иванов
Франклин

Бостон

На склоне лет Бенджамин Франклин писал: «Мне иногда хочется сказать, что, будь у меня свобода выбора, я бы не возражал снова прожить ту же жизнь с начала и до конца; мне только хотелось бы воспользоваться преимуществом, которым обладают писатели: выпуская второе издание, они исправляют в нем ошибки, допущенные в первом».

Франклин был очень самокритичен, и, возможно, он несколько преувеличивал те упущения и ошибки, которые были им совершены, особенно в юные годы.

Но если справедливо, что в детстве и юности закладываются основы характера человека, то юные годы Бенджамина Франклина представляют не только большой интерес, но и весьма поучительны.

Франклин родился 17 января 1706 года в Бостоне. Его отец, Джозайа Франклин, содержал многочисленную семью, занимаясь не очень приятным, но достаточно прибыльным в то время ремеслом. Его небольшая мыловаренная мастерская поставляла на бостонский рынок мыло и сальные свечи. Мать Бенджамина Франклина, Абиа Фолгер, была второй женой Джозайи Франклина. Даже по тем временам семья Франклина была многочисленной: от первого брака Джозайа имел семь, от второго брака – десять детей. Бенджамин, названный так в честь одного из братьев отца, был пятнадцатым ребенком в семье.

Подрастая, дети обучались какому-либо ремеслу, обзаводились собственными семьями. Бенджамин Франклин писал, что из семнадцати братьев и сестер ему запомнились тринадцать, постоянно собиравшихся за обеденным столом. Средств, чтобы нанять работника, семья не имели, и Джозайа Франклин вел свое немудреное, но достаточно трудоемкое хозяйство с помощью одного из своих старших сыновей. Даже при самых скромных потребностях, прокормить огромное семейство было очень сложной задачей. И Джозайа трудился с утра до ночи не покладая рук.

Быт семьи был прост и примитивен, как и сам город Бостон. В 1683 году, когда отец Франклина, эмигрировавший из Англии, высадился в Бостоне, в городе насчитывалось всего пять тысяч жителей. В то время трудно было предположить, что вскоре это будет один из крупнейших городов Америки.

Городок состоял всего из нескольких пыльных, немощеных улиц, застроенных одноэтажными и двухэтажными домами. Бостон был втиснут в небольшую лощину, ограниченную с одной

стороны берегом удобной Массачусетской бухты, а с другой – бескрайним дремучим лесом с гигантскими вековыми деревьями. По ночам немногочисленных обитателей Бостона будил рев диких зверей, подходивших к самой окраине города. Но больше всего тревожили бостонцев костры индейцев, которые нередко появлялись у самого городка.

Узкий высокий двухэтажный дом Франклинов, расположенный на одной из главных улиц Бостона, Милк-стрит, был типичным домом колонистов среднего достатка. Пуританская простота и аскетизм сказывались во всем. Никаких украшений ни снаружи, ни внутри бревенчатого дома. Весь нижний этаж занимала одна большая комната, которая служила и кухней, и столовой, и гостиной. На втором этаже находились спальни, в мезонине – кладовая. В доме было только самое необходимое – столы и скамейки, сколоченные из некрашеного теса, несколько кроватей, ящиков и полок.

Дети Франклинов в полном смысле слова росли на лоне природы, предоставленные самим себе. Отец был постоянно занят в мастерской, находившейся здесь же во дворе дома. Мать, обремененная огромной семьей и многочисленными хозяйственными заботами, была не в состоянии нянчиться с детьми.

С семи-восьми лет девочки становились помощницами матери. Они присматривали за малышами, оказывали посильную помощь в домашних делах. Мальчики, освоив азы грамоты, шли в ученики к какому-нибудь ремесленнику, приобретая специальность и облегчая бремя содержания большой семьи.

Все в доме – мать, отец, дети – носили самую простую, грубую одежду, были с ранних лет приучение к умеренности в еде, к бережливости во всем.

В огромном эпистолярном наследстве Бенджамина Франклина сохранились, его письма к отцу, матери, братьям, сестрам, детям, внукам, племянникам и прочей многочисленной родне. Став человеком широко известным в Америке и за границей, обремененный массой забот, никогда не располагая большим досугом, Франклин все же всегда находил время для встреч и переписки с родными и близкими. Он оказывал всемерную и зачастую очень значительную помощь тем своим родственникам, которые в ней нуждались. А было таких немало.

Обладая сильно развитым чувством родственной связи, он проявлял большой интерес к своему происхождению. Автобиография его начинается словами: «Я всегда любил собирать сведения о своих предках». Находясь в Англии, Франклин съездил на родину отца и пытался разузнать

подробности о Франклинах. Бенджамин гордился не менее знатных английских дворян, старавшихся проследить свою родословную в глубинах веков, своим трудовым родом. На основании документов он установил, что его предки триста лет жили в деревне Эктон в Нортгемптоншире, владея небольшим земельным наделом в тридцать акров.

Интересно, что эта местность находилась всего в двенадцати милях от имения Салгрейв, где находился наследственный дом Джорджа Вашингтона.

Тридцатиакровый участок в Эктоне не мог прокормить всех Франклинов, и по давно установившейся традиции старшего сына обучали кузнечному ремеслу.

У деда Бенджамина Франклина было четверо сыновей, достигших зрелого возраста: Том, Джон, Бенджамин и Джозайа. Все они были далеко не заурядными личностями. Англия XVII века отнюдь не баловала выходцев из народа заманчивыми перспективами и возможностями, но братья Франклина волей случая смогли раскрыть свои недюжинные способности.

Старший дядя Бенджамина Франклина, Томас, следуя семейной традиции, готовился стать кузнецом. Но выдающиеся способности этого человека обратили на себя внимание эсквайра Палмера, самого влиятельного прихожанина их округи, который всемерно поощрял учебу Томаса и остальных братьев.

С помощью Палмера Томас стал адвокатом и впоследствии играл важную роль в общественной жизни графства и города Нортгемптона. Томас пользовался большим расположением и покровительством лорда Галифакса, высоко ценившего этого выходца из простых крестьян. Благожелательное, дружественное отношение лорда к простолюдину было очень редким явлением, и, очевидно, для такого отношения были серьезные причины в виде действительно выдающихся способностей Томаса Франклина. Бенджамин Франклин многое унаследовал от своего дяди Томаса. Обращаясь к своему сыну, Бенджамин Франклин писал, что Томас «скончался в 1702 году, 6 января, ровно за четыре года до моего рождения. Мне вспоминается, что, когда несколько стариков, которые его хорошо знали, описывали его характер, то тебя очень поразил их рассказ, так как тебе многое напомнило меня. „Умри он, – сказал ты, – четырьмя годами позже в тот же день, то можно было бы предположить переселение душ“. Другого своего дядю, тоже Бенджамина, Франклин хорошо знал лично. Бенджамин приезжал к Франклинам в Бостон и прожил с ними несколько лет. „Он был недюжинным человеком“, – писал он о своем дяде. И действительно, после смерти этого красильщика шерсти остались две большие тетради рукописей

стихов. Бенджамин изобрел собственную систему стенографии и обучил своего племянника этой системе.

Дядюшка Бенджамин питал большую слабость к политике. Когда Франклин был в Лондоне, он приобрел восемь томов политических брошюр, написанных его дядей в течение 1641—1717 годов. Как показывала нумерация томов, это было далеко не полное собрание политических сочинений представителя английской ветви Франклинов.

Джозайа, отец Бенджамина Франклина, был менее образован по сравнению со своими братьями. В Англии он был красильщиком, но, переехав в Америку и перепробовав ряд ремесел, стал мыловаром и мастером по производству сальных свечей. Джозайа не блистал общеобразовательной подготовкой, но был от рождения одаренной личностью. Отец Франклина хорошо рисовал, и, очевидно, его сыну Бенджамину передались по наследству способности к искусству графики, в котором Бенджамин Франклин, став печатником, добился значительных успехов. Джозайа играл на музыкальных инструментах и прекрасно пел, У него была природная склонность к механике, технологии, что позволило ему значительно усовершенствовать свое ремесло. «Но главным его достоинством, – писал Бенджамин Франклин, – было умение глубоко разбираться в сущности всякого сложного вопроса и здраво судить о нем, независимо от того, касалось ли это общественных или личных дел». Природный здравый смысл Джозайи Франклина, доброжелательное отношение к людям, сильно развитое чувство справедливости – все это заставляло друзей и знакомых постоянно обращаться к нему при решении всевозможных спорных вопросов. Отец Франклина был очень обязательным и любознательным человеком. Больше всего он любил приятный, задушевный разговор, и нередко за его обеденным столом собирались многочисленные друзья и соседи. Скромная трапеза завершалась интересной, захватывающей беседой. Это была поучительная школа познания для детей Франклина.

Бенджамин Франклин был особенно привязан к отцу, которому он посвятил много теплых, проникновенных слов в своей автобиографии и письмах.

Мать Бенджамина Франклина тоже принадлежала к отнюдь незаурядной семье. Ее отец, Пит Фолгер, давно переселился в Америку и оставил определенный след в политической и общественной жизни северо-американских колоний Англии раннего периода. Дед Франклина по материнской линии был не только хорошим оратором, но и неплохим мастером художественного слова. Он написал несколько стихотворений на

злободневные общественные темы. Типографий в то время в колониях еще не было, и поэтому его стихотворения распространялись среди колонистов переписанными от руки. Только одно из них было напечатано. Это стихотворение было посвящено актуальнейшей в то время проблеме – свободе совести. Автор ратовал за веротерпимость, выступал против догматов англиканской церкви.

Убежденным поборником свободы совести был и Джозайа Франклин, который покинул родину в поисках свободы религии за океаном. В Англии он был довольно зажиточным человеком. В Бенбери, большом селе недалеко от Оксфорда, Джозайа Франклин имел красильное заведение. И слыл состоятельным человеком.

Во всяком случае, Джозайа Франклин был не из тех переселенцев, которые ради куска хлеба отправлялись в далекое и очень рискованное путешествие в Америку.

Единственной причиной, заставившей его продать дом, землю, доходную мастерскую и с тремя малолетними детьми переехать в Америку, было стремление укрыться за океаном от религиозных гонений. Бенджамин Франклин писал, что его семейство рано примкнуло к Реформации. Франклины были протестантами во время правления королевы Марии и подвергались опасности за выступления против папистов.

В середине XVI века Англия стала ареной ожесточенной религиозной борьбы. Широко распространившееся в Германии учение Лютера нашло достаточно приверженцев и в Англии. Паписты были глубоко убеждены, что только католицизм является подлинно христианской религией, и жестоко преследовали лютеран. Католическое духовенство считало незыблемыми догматы религии, а малейшие сомнения в непогрешимости папы расценивало как кощунство.

Католики утверждали, что все богослужение должно вестись по старым церковным книгам, написанным на латинском языке, что перевод библии на народные языки – святотатство.

Бенджамин Франклин вспоминал, что в их семье была библия, переведенная на английский язык, которую почитали как святыню и берегли как зеницу ока. Еще в Англии прапрадед Бенджамина иногда по вечерам собирал все свое семейство и, тщательно закрыв окна и двери, поставив наблюдателем возле дома кого-нибудь из детей, приступал к чтению священного писания.

Библия пряталась под обивкой складного стула, к которому она крепилась тесемками. Приступая к чтению, прадед Томас перевертывал стул у себя на коленях и при первом же сигнале

опасности ставил стул на место, скрывая от посторонних глаз священную реликвию.

Франклин писал в автобиографии: «Вся семья продолжала пребывать в лоне англиканской церкви примерно до конца правления Карла II, когда некоторые священнослужители были изгнаны за неподчинение уставам англиканской церкви и за то, что они устраивали тайные религиозные собрания в Нортгемптоне. Мой дядя Бенджамин и мой отец Джозайа примкнули к ним и сохранили им верность до конца жизни. Остальные члены семьи остались в лоне епископальной церкви».

Желание освободиться от догматов официальной религии, стремление не верить на слово, а попытаться разумом постигнуть суть религиозных воззрений – все это было присуще многим представителям семейства Франклинов. Свободу совести Франклин впитал с молоком матери, но в вопросах свободы религии он пошел значительно дальше своего отца, дяди или кого-либо другого из Франклинов. Глубокий аналитический ум Бенджамина не позволил ему ограничиться заменой старых религиозных догматов новыми. Он выработал свое собственное отношение к религии, которая, к слову сказать, никогда не занимала сколь-либо серьезного места в его жизни.

Франклин ставил значительно выше религиозных догматов чистосердечные, искренние отношения между людьми, стремление построить жизнь так, чтобы дела личности служили интересам общества.

Такой взгляд на жизнь Бенджамин постигал с самых ранних детских лет. Семья, в которой он рос, во многих отношениях могла быть примером правильного воспитания детей в моральном, духовном и физическом отношении.

Несмотря на то, что достаток был довольно редким гостем в семье Франклинов, между отцом и матерью никогда не возникало ссор по материальным вопросам. Ровное, спокойное отношение друг к другу и к детям было постоянной нормой взаимоотношений в этой семье. Требуя или запрещая что-либо детям, родители всегда объясняли им, почему они так поступают. И, очевидно, это было одной из причин того, что воля родителей была законом для детей и беспрекословно выполнялась ими.

Дети росли физически крепкими, жизнерадостными. Бенджамин еще в детстве прекрасно научился плавать, был хорошим гребцом. Одно время он, исходя из коммерческих соображений, даже подумывал о том, чтобы открыть нечто вроде профессиональной школы обучения плаванию. Пешеходные прогулки, плавание, гребля, путешествия, специально подобранные физические упражнения, любовь к физическому

труду – все это являлось неотъемлемой частью жизни Бенджамина Франклина до глубокой старости.

Франклин обладал отменным здоровьем, унаследованным от родителей. О своем отце он писал: «У него было превосходное здоровье, роста он был среднего, но хорошо сложен и обладал большой физической силой».

Под стать ему была и жена: «Моя мать, – вспоминал Франклин, – тоже обладала превосходным здоровьем. Она сама вскормила грудью своих десятерых детей. Я не помню, чтобы мой отец или моя мать чем-нибудь болели до своей смерти; он скончался в возрасте восьмидесяти девяти лет, а она – в возрасте восьмидесяти пяти». Это действительно были люди сильные и духом и телом – лучшие представители ранних поселенцев Америки, призванные вместе со своими потомками свершить те великие дела, которые привели к созданию первого независимого государства на далеком Американском континенте.

Атмосфера семьи, в которой рос и воспитывался Бенджамин Франклин, благоприятствовала развитию тех выдающихся талантов, которыми так щедро наградила его природа.

Однако на жизненном пути Франклина было и серьезнейшее препятствие – бедность семьи, не позволившая ему получить даже начального систематического образования.

В трудовой семье Франклинов каждый имел многочисленные обязанности и некому было отвечать на многочисленные вопросы Бена, который с самого раннего детства отличался поразительной любознательностью. Не получая у старших ответа на многие свои вопросы, он должен был сам удовлетворять свою любознательность. Бен внимательно присматривался ко всему, что его окружало, пытаясь уяснить суть непонятных явлений.

Читать и писать Бенджамин научился самостоятельно в возрасте около пяти лет, наблюдая, как старшие братья и сестры готовят уроки.

Франклин писал в своей автобиографии: «Я не помню времени, когда бы я не умел читать». На всю жизнь любовь к чтению осталась самой сильной страстью Франклина и самым главным источником изучения мира, расширения знаний. Большие познания в самых различных отраслях науки, приобретенные Франклином, были результатом самообразования и в первую очередь чтения. Франклин был гениальным самоучкой. Все, что он знал, было результатом самообразования, и учился он всю жизнь.

С восьмилетнего возраста Бен вел переписку со своим дядей Бенджамином, жившим в Англии. Письма племянника, глубокие по содержанию и, яркие по форме, поразили Бенджамина-

старшего. Трудно было поверить, что их автору всего восемь лет. Бенджамин писал своему брату, что мальчика надо обязательно отдать в грамматическую школу, чтобы тот прошел подготовительный курс для поступления в университет.

«Однако, – вспоминает Франклин, – мне довелось посещать грамматическую школу менее года, хотя за это время я постепенно передвинулся из середины класса на первое место и меня перевели в следующий класс, откуда должны были к концу года перевести в третий».

Поразительно похожи в этом отношении судьбы двух великих американцев – Бенджамина Франклина и Авраама Линкольна, который тоже проучился в школе менее года.

В конце концов отец Франклина пришел к выводу, что не сможет из-за скудости средств дать сыну образование, и забрал его из грамматической школы. Бенджамина определили в школу, где обучали письму и арифметике. Это было нечто более практическое, что могло пригодиться в будущей профессии ремесленника.

Бенджамин не любил арифметики, которая никогда ему не давалась. И тем не менее он с большой благодарностью вспоминал Джорджа Браунелли, который содержал эту школу. «Браунелли, – писал Франклин, – был превосходным педагогом, достигшим больших успехов с помощью самых мягких и стимулирующих методов». Но даже высокое педагогическое мастерство Браунелли вынуждено было капитулировать перед антипатией Франклина к арифметике. Успехи нового ученика по этой дисциплине были довольно скромными. Обучение в новой школе продолжалось недолго. Когда Франклину исполнилось десять лет, отец забрал его и из этого учебного, заведения.

Опять решающую роль сыграли материальные трудности семьи. Один из старших сыновей, Джон, который до этого помогал отцу в мастерской, женившись, решил открыть собственную мастерскую. Не желая конкурировать с отцом, Джон уехал в Род-Айленд, чтобы там начать новое дело. Джозайа лишился помощника, и это определило судьбу Бенджамина. Ему пришлось оставить школу и стать помощником отца.

Непререкаемый авторитет отца, унаследованное от родителей трудолюбие, сознание того, что надо помочь родителям поставить на ноги и других детей, – ничто не могло преодолеть отвращения Бенджамина к возне с салом и мылом.

Обязанности помощника отца были несложными. Он должен был нарезать фитили, заливать формы для отлива свечей, укладывать готовые свечи в ящики, помогать в лавке, бегать на дом к заказчикам.

Отец видел отвращение сына к работе в мыловарне и старался особенно не загружать его работой, не лишать ребенка радостей общения со сверстниками детских игр. Тем более что во всех детских забавах Бенджамин, как правило, всегда был инициатором и руководителем.

Однажды группа мальчишек во главе с Беном использовала камни, приготовленные для строительства дома, в качестве материала для возведения пристани, с которой им было удобно удить пескарей. Пристань была построена, и довольно добротная, но инициатива Франклина обернулась для ребят серьезной неприятностью. «Хотя я доказывал полезность нашей работы, – вспоминал Франклин, – мой отец убедил меня, что ничто нечестное не может быть действительно добродетельным».

С детских лет Бенджамина тянуло к морю. Определенную роль в этом увлечении сыграл старший брат Иосиф, который прельстился романтикой морских путешествий и, убежав из дому, нанялся матросом на торговое судно. Родители серьезно опасались, что Бенджамин пойдет по стопам старшего брата, и делали все возможное, чтобы помешать этому.

Но забыть о море было невозможно хотя бы потому, что оно напоминало о себе приходом в Массачусетскую бухту кораблей из какого-то другого, интересного и неведомого мира. Любознательному мальчишке грезились далекие и столь заманчивые страны, путешествия, полные опасности, бескрайние просторы морей и океанов.

Как и все мальчишки прибрежных городов, Бенджамин большую часть свободного времени проводил на море и у моря. Он рано научился плавать, и никто из ребят не мог равняться с ним в этом искусстве. Бенджамин прекрасно владел веслами, парусами. На всю жизнь он сохранил любовь к морю.

Уже в детские годы проявилась большая склонность Франклина к изобретательству. Его друзья были очень удивлены, когда однажды Бенджамин пришел на купанье с небольшими дощечками, сделанными по размеру кисти и стопы. Надев эти самодельные ласты, он поплыл с такой скоростью, что все очевидцы не могли поверить, что это достигнуто путем столь простого приспособления.

В другой раз Бен пришел к морю с огромным бумажным змеем. Дождавшись попутного ветра, он запустил змея, вошел в воду, перевернулся на спину и, держась двумя руками за бечевку, поплыл, как под парусами, вызвав изумление и восторг многочисленных сверстников.

Младший сын Бен бредил морем, ненавидел мыловарение и производство сальных свечей; и родители пришли к выводу, что

надо найти ему занятие по душе, если они не хотят, чтобы он, как и старший брат, сбежал когда-нибудь из дому.

Джозайа проявил такт настоящего педагога при решении этого сложного вопроса. Учитывая печальный опыт двухлетней работы Бенджамина в качестве его помощника, он опасался, что принуждение сына к какой-либо специальности может вызвать у него такое же отвращение к новому ремеслу, как и к мыловарению.

Отец начал брать Бена с собой на прогулки и дал ему возможность познакомиться с работой плотников, каменщиков, токарей, медников и других ремесленников. В маленьком городке многие хорошо знали друг друга, и мастера приветливо встречали Джозайю Франклина, пользовавшегося большим авторитетом у жителей Бостона.

Это были не только интересные, но и очень полезные прогулки. Бен наблюдал за работой ремесленников и сам получил возможность поработать на токарном станке, несколько дней он работал на кирпичном заводе и в кузнице. Позднее это очень пригодилось ему. Когда Франклин приступил к своим научным экспериментам, он смог сам изготовлять многие необходимые для этого приборы.

Франклин был действительно мастер на все руки; в зрелые годы он прославился не только своими знаменитыми опытами по электричеству, но и стал автором целого ряда ценных изобретений. Достигнуть этого можно было, только имея определенное представление о различных ремеслах. Франклин любил и умел делать все хорошо и ценил высокую профессиональную квалификацию у других людей. Уже в преклонном возрасте, работая над автобиографией, он, вспоминая свое знакомство с работой ремесленников Бостона, писал: «Мне всегда с тех нор доставляло удовольствие видеть, как управляются со своими инструментами хорошие мастера».

Отец и сын обходили одну мастерскую за другой. Своеобразный «день открытых дверей» катастрофически затягивался, так как Франклин-младший все не мог подобрать себе дела по душе.

Наконец, было решено остановиться на ремесле ножовщика. Это казалось тем более приемлемым, что мастерскую по изготовлению ножей содержал Сэмюэль Франклин, двоюродный брат Бенджамина. Немаловажное значение имело а то обстоятельство, что Сэмюэль был опытный мастер, у которого было чему поучиться. Он постигал вершины своего ремесла в Лондоне, откуда незадолго до этого возвратился.

Бенджамин прошел испытательный срок в несколько дней, и

на этом закончилась его карьера ножовщика, Сэмюэль обошелся с кузеном и дядей отнюдь не по-родственному. Он заломил такую цену за обучение, что все разговоры на эту тему пришлось немедленно прекратить.

Так потерпела фиаско попытка подобрать для Бенджамина ремесло, которое было бы ему по душе и открывало перед ним приемлемые материальные перспективы.

Трудность решения этого вопроса во многом определялась тем, что младший сын Франклина резко выделялся среди сверстников своим развитием.

Любознательность, стремление познать окружающий мир, не по-детски серьезное восприятие действительности дополнялись у Франклина подлинной страстью к чтению, которая с годами все более укреплялась.

Библиотек в колониях не было, и книги, стоившие очень дорого, Франклину приходилось покупать. Он тратил на них все те небольшие деньги, которые у него появлялись. Вначале Франклин зачитывался книгами о путешествиях. Первыми книгами, купленными Франклином, были разрозненные тома сочинений Бениана. Денег на покупку новых книг не было, и тома Бениана, после того как они были прочитаны, пришлось продать. На вырученные деньги было куплено собрание исторических произведений Р. Бертона.

О каком-либо направленном чтении не могло быть и речи. Франклин читал то, что мог достать. Небольшая библиотека его отца состояла из религиозно-полемических сочинений. Это было не самое интересное чтиво для любознательного мальчишки, но за неимением другого Бенджамин добросовестно штудировал все имевшиеся тома. С детских лет для Франклина было характерно стремление все познать собственным умом, а не воспринимать на веру, сколь бы ни было авторитетно то или иное суждение. Схоластические аргументы ученых-теологов ни в коей мере не показались Бенджамину, убедительными, они не поразили его воображения. Более того, беспредметные религиозные дискуссии на всю жизнь потеряли для него какой-либо интерес. Пожалуй, уже в эти ранние годы были заложены основы деизма, которому Франклин остался верен всю жизнь.

Религиозная проблематика, вопреки мнению некоторых биографов Франклина, никогда не занимала сколь-либо заметного места ни в его духовной жизни, ни в творчестве. Говоря в своей автобиографии о религиозных книгах, прочитанных в детстве, Франклин откровенно писал: «С тех пор я не раз сожалел о том, что в то время, когда у меня была такая тяга к знанию, в мои руки не попали более подходящие книги».

Несравненно большее значение Франклин придавал другим книгам. Он писал, что уже в детстве зачитывался «Жизнеописаниями» Плутарха, в которых повествовалось о жизни и деятельности пятидесяти выдающихся греческих и римских государственных деятелей и полководцев. В своей автобиографии Франклин писал: «И сейчас еще я считаю, что это очень пошло мне на пользу».

С огромным интересом прочитал Франклин книгу «Опыт о проектах», написанную Дефо, автором «Робинзона Крузо», и сочинение доктора Мезера «Опыты о том, как делать добро».

Интересно отметить, что две последние книги были отнюдь не для читателей школьного возраста. Например, в книге Дефо речь шла об улучшении работы банков, строительстве дорог, о создании ассоциации для оказания помощи при каких-либо бедствиях, об учреждении приютов, о необходимости женского образования, о значении торговли для процветания общества, о создании академий, военных колледжей и т. д.

Следует подчеркнуть, что Франклин читал эти книги в двенадцатилетнем возрасте, когда его сверстников волновали вопросы совсем иного склада и их воображение ни в коей мере не захватывали проблемы торговли и дорожного строительства. Причем Франклин читал работы по этим вопросам не только с интересом, но и с большой пользой для себя. «Эти книги, – писал он, – возможно, оказали влияние на мой духовный склад, что отразилось на некоторых важнейших событиях моей жизни».

Страсть к чтению и определила жизненный путь младшего сына Джозяйя Фнанклина. Отец пришел в конце концов к выводу, что есть единственная профессия, которая придется по душе сыну-книголюбу, – это печатание книг. Джозайа принял это решение, несмотря на то, что один из его сыновей уже избрал эту специальность, а обычно в семье редко два брата обучались одинаковому ремеслу.

В 1717 году брат Бенджамина Джемс вернулся из Англии, где изучал типографское дело. Он привез в Бостон печатный станок, шрифты и все, что было необходимо для обзаведения типографией. Бенджамин не сразу дал согласие на подписание контракта, и причиной колебаний была не только все еще сохранившаяся любовь к морю. В те времена ученичество было своеобразной формой долголетнего рабского услужения. За кусок хлеба и крышу над головой подмастерье должен был не только во всем помогать хозяину в работе и одновременно осваивать профессию, но и быть домашним слугой, мальчиком на побегушках, нянькой – всем, кем прикажет быть хозяин. Укоренившейся традицией было подкреплять воспитание ученика

телесными наказаниями. Многие не выдерживали этого каторжного режима, и бегство учеников от своих хозяев было очень распространенным явлением. В случае поимки нарушителя контракта ожидало тяжелое наказание и еще более суровые условия. Причем ученичество продолжалось не год и не два, а семь-десять лет. Это было своеобразное долголетнее, тюремное заключение, которому подвергался ученик за право овладеть тем или иным ремеслом.

Франклину все это было хорошо известно, и он серьезно колебался, прежде чем подписать контракт. «Некоторое время я сопротивлялся, – вспоминал Франклин, – но, наконец, не выдержал и подписал контракт о вступлении в ученичество, хотя мне и было тогда всего двенадцать лет». Как показали последующие события, колебания Франклина не были напрасными.

По подписанному им контракту Бенджамин на девять лет поступал в ученичество к своему брату. На протяжении этого времени он обязывался, как было сказано в тексте договора, «верно служить своему мастеру, хранить его тайны, добросовестно исполнять его приказания. Не портить и не расхищать вещей, принадлежащих ему, не покупать и не продавать ничего без его разрешения, не причинять ему никакого ущерба и неприятностей. Не ходить по трактирам, кабакам и пивным, не играть в карты, кости и в другие запрещенные игры. Не вступать в брак. Не отлучаться без позволения мастера».

Статьи контракта были сформулированы очень категорически и звучали иногда зловеще. Во всяком случае, не по-родственному. Это был типичный контракт между хозяином и учеником.

В свою очередь, Джемс Франклин обязывался «с полным старанием обучать своего ученика типографскому делу и предоставлять ему в течение девяти лет пищу, питье, квартиру и все необходимое».

Только в последний год Бенджамин должен был получать заработную плату взрослого работника. Он поступил в ученичество не к постороннему человеку, а к брату. Джемс и Бенджамин были сыновьями Джозайи Франклина от разных матерей. Это сулило какие-то более привлекательные перспективы по сравнению с обычным учеником. Брат, в частности, обещал каждую неделю отпускать его домой, а домашние могли часто навещать его в типографии Джемса.

Типографское производство в начале XVIII столетия находилось на очень низком уровне развития, особенно в Америке, где имелось всего несколько типографий. Примитивные печатные станки часто выходили из строя, не было запасных

частей и приспособлений. И только хороший механик мог обеспечить более или менее бесперебойное функционирование такого оборудования.

Здесь Франклину очень пригодились его изобретательность, способность все делать своими руками. Он самостоятельно чинил оборудование, вносил усовершенствования в технику печатания, даже научился самостоятельно отливать новые шрифты. «За очень короткий срок, – вспоминал Франклин, – я достиг значительных успехов в этом деле и оказывал своему брату большую помощь.

Процесс познания нового ремесла доставлял большое удовлетворение молодому ученику. Удачно выполненная работа укрепляла уверенность в своих силах, рождала желание работать с еще большим упорством.

И, пожалуй, самое главное заключалось в том, что Франклин получил возможность читать много новых и интересных книг. Дома после ужина и вечерней молитвы вся семья ложилась спать, а в типографии никто не мешал юному ученику просиживать за книгами иногда ночи напролет. Характер работы позволил Франклину завести знакомства с учениками книготорговцев, а отсюда был прямой путь к книгам.

«Умный и здравомыслящий человек, – вспоминал Франклин, – по имени Мэтью Адаме, имевший прекрасное книжное собрание и часто навещавший нашу типографию, обратил на меня внимание, пригласил меня посмотреть его библиотеку и очень любезно предложил давать мне читать любые книги по моему выбору». Незаурядным людям часто нелегко бывает подбирать круг знакомых. Не сразу нашел себе интересного собеседника и Бенджамин. Таким человеком для него оказался Джон Коллинс, который был года на два старше Франклина и учился вместе с ним в грамматической школе. Когда Бенджамин поступил учеником в типографию, Джон Коллинс все еще продолжал учебу в грамматической школе. Так же, как и Франклин, Коллинс был страстным книголюбом и большим мастером полемики.

Уединившись от сверстников, друзья с увлечением обменивались мнениями по проблемам, которые для ребят их возраста обычно не представляли интереса. Например, однажды темой дискуссии явился вопрос о том, нужно ли женщинам давать образование и обладают ли они достаточной для этого силой интеллекта.

Стороны не пришли к взаимно приемлемой точке зрения. Франклин, занятый в типографии, не мог часто встречаться с другом и решил изложить свою точку зрения письменно. Коллинс ответил ему. Завязалась переписка, которая случайно попала в

руки отца Бенджамина.

С интересом прочитав письма Джона и Бенджамина, Джозайа Франклин дал обстоятельный критический разбор и формы и содержания этих писем. Отец отметил, что Бен оказался сильнее своего противника в правописании и пунктуации. Очевидно, сказались любовь Бенджамина к чтению и работа в типографии. Однако на ряде примеров отец показал, что его литературный слог оставлял желать много лучшего. Не хватало изящества выражений, последовательности и логичности аргументов.

Отец всегда был для Бенджамина авторитетом при решении всех вопросов, и уж очень убедительны были приведенные им примеры. «Я увидел, – вспоминал Франклин, – справедливость его замечаний и решил во что бы то ни стало улучшить свой стиль».

Бенджамин работал над своим литературным стилем с таким же упорством и настойчивостью, как и при выполнении любой другой работы. Взяв прозаический текст, который ему казался шедевром литературного стиля, он кратко записывал смысл каждой фразы. Через несколько дней Бенджамин возвращался к своим записям и пытался столь же совершенным литературным языком пересказать содержание оригинала. Затем он сравнивал свой текст с оригиналом и правил обнаруженные ошибки. Нельзя сказать, чтобы молодой литератор пришел в восторг от своего творения. «Оказалось, – вспоминал Франклин, – что мне не хватало то ли запаса слов, то ли сноровки в их употреблении».

Бенджамину казалось, что последний недостаток можно будет преодолеть путем стихосложения. Он вновь возвращался к первоначальному оригиналу и излагал содержание прочитанного в стихах. Спустя значительное время, когда основательно забывался текст, Бенджамин переводил свои вирши в прозу, пытаясь хорошим литературным языком и логично изложить содержание оригинала.

Тренируя память и отрабатывая логичность изложения материала, Франклин тасовал, как колоду карт, свои каждодневные записи, а спустя несколько недель вновь возвращался к ним. И вновь – в который раз! – он находил ошибки и исправлял их.

Так, перебирая «словесную руду», молодой Франклин оттачивал свой слог и способ выражения мысли. Это была кропотливая и далеко не всегда приносящая удовлетворение работа, так как сравнение оригинала с собственным текстом чаще всего было далеко не в пользу последнего. «Но иногда я льстил себя мыслью, – писал Франклин, что в некоторых незначительных деталях мне удалось улучшить изложение или язык, и это заставляло меня думать, что со временем я, пожалуй, стану

неплохим писателем, к чему я всячески стремился».

Эти слова были написаны Франклином, когда ему было около семидесяти лет и когда он действительно давно уже стал блестящим мастером художественного слова. Литературное наследство Франклина огромно. И как всякий настоящий большой писатель, он умел даже об опытах по электричеству или о философских проблемах писать ярко, захватывающе и, что особенно важно, очень доходчиво, понятно.

За сто пятьдесят – двести лет, которые отделяют произведения Франклина от наших дней, английский язык претерпел значительные изменения. И тем не менее работы Франклина и сегодня как по художественности выражения, так и по доходчивости, ясности изложения значительно выигрывают по сравнению со многими трудами о его жизни, написанными в наши дни.

Поражает целеустремленность молодого Франклина, его готовность пожертвовать всем ради знаний, книг. Работа в типографии и многочисленные хлопотливые обязанности ученика занимали почти все время. Оставались ночь, утренние часы до работы и воскресенья. Особенно удобными были для самостоятельных занятии воскресные дни. Франклин писал о воскресных днях: «Я старался оставаться один в типографии, избегая, насколько возможно, посещать общественное богослужение, чего от меня неуклонно требовал отец, когда я находился на его попечении… я не мог позволить себе тратить на это время».

Был еще один резерв времени, который Франклин решил использовать в интересах самообразования. В шестнадцать лет под влиянием прочитанных книг он решил стать вегетарианцем. Очередное увлечение Бенджамина создало серьезную проблему для хозяина типографии. Джемс не имел семьи и вместе со всеми подмастерьями столовался в соседнем доме. Хозяйка дома не могла приноровиться к вегетарианским вкусам молодого ученика и была не в состоянии готовить для него блюда отдельно.

Вопрос был решен на чисто деловой основе. Бенджамин предложил, чтобы Джемс выплачивал ему половину тех денег, которые шли на его питание, с тем чтобы столоваться самостоятельно. Джемс с готовностью принял это предложение. Бенджамин стал готовить себе различные вегетарианские кушанья и обнаружил, что может укладываться в половину той суммы, которая ему выплачивалась. Так у него появились дополнительные деньги на покупку книг.

Помимо этого, в обеденный перерыв все уходили из типографии, и Бенджамин, быстро приготовив свою немудреную

снедь и пообедав, брался за книги. Круг интересов молодого типографа быстро расширялся. Арифметика, геометрия, риторика, логика – книги по этим и другим отраслям знании привлекали теперь его внимание.

С особым интересом читал Франклин работы, посвященные жизни Сократа. В этих трудах его привлекал, в частности, Сократов метод ведения полемики. Бенджамин в совершенстве овладел им. Серией умело подобранных вопросов Франклин загонял в тупик своих собеседников и добивался признания ими правоты своей точки зрения. В течение ряда лет он шлифовал этот метод и в конце концов стал непревзойденным мастером полемики.

Однако постепенно приобретаемый жизненный опыт подсказывал Франклину, что категорические суждения не убеждают, а раздражают собеседника, настраивают его на агрессивный, несговорчивый лад. В своей автобиографии он вспоминал: «Я предпочитал говорить: „Мне представляется, или думается, что дело обстоит так-то“, или: „В силу таких-то причин я бы сказал, что…“, „Если я не ошибаюсь, то…“ Такая привычка, как я полагаю, сослужила мне хорошую службу, когда впоследствии мне не раз приходилось убеждать людей в своей правоте и получать их согласие на осуществление тех мер, которые я стремился провести».

Спор ради спора Франклин считал не только пустым, но и вредным времяпрепровождением; такая привычка, по его мнению, делала человека невыносимым в обществе.

Отвращение к пустой трате слов исходило у Франклина, очевидно, и из чисто деловых соображений. Обозревая жизненный путь этого человека, поражаешься, откуда он брал время и силы, чтобы добиться столь многого на поприще науки, изобретательства, литературной и общественной деятельности, дипломатии и прочего и прочего.

Жизненный путь Франклина убедительное доказательство того, что талант – это способность, помноженная на трудолюбие. И у него была поистине поразительная работоспособность.

Деловой, практический подход к решению всех вопросов был характерен для класса нарождавшейся в Америке буржуазии. Первые уроки такого отношения к жизни Франклин получил еще в раннем детстве. Огромная семья была задавлена нуждой, и деньги в руках у детей были столь редким событием, что Франклин запомнил на всю жизнь случай, когда отец дал ему деньги и разрешил купить на ярмарке любую игрушку, которая ему понравится.

Семилетнего ребенка восхитила дудка, из которой можно

было извлекать самые замысловатые трели. С детской непосредственностью Бен отдал торговцу все имевшиеся у него деньги и был несказанно рад, когда дудка оказалась у него в руках. Гордый своей покупкой, он вернулся домой, где его ждало страшное разочарование. Оказывается, он уплатил за дудку во много раз больше того, что она стоила; ему разъяснили дома, что нужно было не только узнать, сколько стоит дудка, но и основательно поторговаться.

Урок пошел впрок, Франклин запомнил этот случай на всю жизнь. В письме к одному из своих друзей, семидесятитрехлетний Франклин, вспоминая об этом эпизоде, писал: «С тех пор всякий раз, когда мне хотелось купить какую-либо бесполезную вещь, я говорил себе: „Не плати слишком дорого за дудку!“ – и деньги оставались у меня в кармане. Познавая жизнь, наблюдая за поведением людей, я видел, что многие слишком дорого платят „за дудку“. Когда я встречал честолюбца, который не жалел ни здоровья, ни труда, лишь бы только получить высокое звание или добиться милости знатных, я задумывался: „Этот человек платит слишком дорого за дудку!“ Когда я видел несчастного, который в погоне за деньгами отказывает себе в удовольствии иметь друзей, делать добро, добиваться всеобщего уважения, я говорил: „Бедняга! Как дорого платит он за дудку!“ Когда я встречал тщеславного мота, который все свое состояние спускал за вкусную пищу, роскошную квартиру, за красивую одежду и за пустячные развлечения, я думал: „Дорого платит он за свою дудку!“ Одним словом, можно сказать: значительная часть человеческих несчастий вызвана тем, что люди не знают настоящей цены вещам и платят слишком дорого „за дудки“».

В конце 1719 года Джемс Франклин приступил к изданию «Бостонской газеты» и отпечатал сорок экземпляров этого издания. После чего печатание «Бостонской газеты» было передано другому типографу, а в августе 1721 года Джемс начал издавать свою собственную газету – «Нью-Ингленд курант». Издание этой газеты было довольно крупным событием в истории американской журналистики и в политической жизни всех колоний, так как это была вторая газета в Америке. Пятнадцатилетний Бенджамин принимал самое деятельное участие в издании газеты. Он набирал и печатал очередной номер, а потом разносил газету подписчикам.

Вокруг газеты довольно быстро сложился круг людей, которые были не только читателями и подписчиками нового издания, но и авторами. Постоянно присутствуя при беседах этих людей, собиравшихся в типографии, слушая их высказывания о достоинствах и недостатках того или иного материала,

опубликованного в газете, Франклин сам загорелся желанием испробовать свои силы в журналистике.

Опыт авторской работы – правда, не очень удачный – он уже имел. Джемс обратил внимание на то, что Бенджамин пишет стихотворения. Хозяин типографии был деловым человеком и решил сделать на этом небольшой бизнес. Джемс предложил Бенджамину написать в стихах пару баллад; что им и было сделано. В первой балладе «Трагедия у маяка», рассказывалось о кораблекрушении, жертвами которого стали капитан судна и две его дочери. Во второй – о пирате «Черная борода». Позднее Франклин писал: «Это была жалкая стряпня в духе уличных баллад, а когда они были напечатаны, он (брат) отправил меня продавать их по городу».

Обе баллады были посвящены любимой теме Франклина – морю. Раскупались они нарасхват, и это приятно щекотало самолюбие автора. Все шло хорошо, пока отец не вылил на молодого стихотворца ушат холодной воды, с беспощадной правдивостью показав, что с литературной точки зрения этим виршам грош цена. «Так, – писал Франклин, – я избежал опасности сделаться поэтом, да к тому же, вероятно, плохим».

Урок, преподнесенный отцом, пошел на пользу. Бен очень тщательно готовил свою первую корреспонденцию, неоднократно зачеркивал и правил написанное. Когда статья, наконец, была закончена, он переписал ее измененным почерком и, подписав «Молчальница», подсунул ночью под дверь типографии. Он обратился к испытанному средству – укрылся за псевдонимом.

С огромным нетерпением ждал Бенджамин, какое впечатление произведет статья на брата и на автора газеты, которые были частыми гостями владельца типографии. Оценка превзошла все ожидания. Восторгам не было конца, все восхищались блестящим литературным стилем и глубиной затронутых вопросов. В газете впервые появилась публикация неизвестного корреспондента, и все терялись в догадках: кто же в городе мог написать такую блестящую статью?

Ободренный столь лестной оценкой, Бенджамин таким же путем опубликовал еще несколько материалов, которые были приняты столь же восторженно.

Статья Франклина за подписью «Молчальница» была напечатана в газете 2 апреля 1722 года – это первое известное прозаическое произведение Бенджамина Франклина. Показательно, что уже первая работа шестнадцатилетнего юноши была посвящена серьезным проблемам, которые волновали колонистов. Это во многом и определило ее успех. Автор писал: «Я враг порока и друг добродетели. Я сторонник безбрежного

милосердия и активно выступаю за прощение людских недостатков». Таково было моральное кредо шестнадцатилетнего Франклина. Оно не выходило за общепризнанные каноны, освященные церковью и гражданскими законами – отрицание пороков, поощрение добродетели, милосердия и терпимости.

Однако далее содержание и тон статьи приняли иной характер. «Молчальница» выступала с резкой критикой в адрес религиозных ханжей, которые, прикрываясь маской благочестия, использовали религию в личных карьеристских целях.

Особым успехом пользовалась его статья в тринадцатом номере с резкой критикой вульгарной ночной жизни Бостона. Франклин бичевал пьянство, как один из наиболее распространенных и опасных пороков современной ему Америки. «Молчальница», – писал один из биографов Франклина, – была по-американски грубовата, так же как «Спектейтор»[1] был по-английски элегантен».

Когда же «Молчальница» переходила к изложению своих политических взглядов, это не могло не вызвать восторга радикально настроенных читателей и резко отрицательной реакции власть имущих. Автор без обиняков заявлял, что он «смертельный враг деспотического правительства и неограниченной власти». И, наконец, следовало программное заявление: «Я полна решимости на протяжении всего пути, который предстоит мне пройти, сделать все, чтобы служить интересам моих соотечественников».

Франклин выполнил это заверение, данное в шестнадцатилетнем возрасте. Он действительно посвятил всю свою жизнь борьбе за интересы своих соотечественников, выступая с позиций зарождавшейся американской буржуазии.

Франклин мечтал учиться, получить образование. И он считал вопиющей социальной несправедливостью, что неимущие американцы были лишены этой возможности. В своей первой статье он в аллегорической форме рассказывал о том, что «Молчальница» стремилась поступить в Гарвардский колледж, но ее мечтам не суждено было сбыться.

Автор начертал довольно своеобразную картину системы образования в Америке. Вход в храм Науки ограждают Богатство и Бедность. Бедность решительно поворачивает от входа в этот храм тех, кого не рекомендует Богатство. Внутри храма Науки на высоком троне восседает Ученость. Большинство поклоняющихся ей «довольствуются тем, что сидят возле ног Учености с Мадам Бездельем и ее прислужницей Невежеством».

Все это было написано образным языком, в сатирической манере и не могло не привлечь внимания самых широких кругов

читателей.

Вспоминая нелегальное появление своих корреспонденции на страницах газеты брата, Франклин писал:

«Я хранил свою тайну до тех пор, пока мое маленькое вдохновение на произведения такого рода не иссякло; тогда я раскрыл тайну, после чего знакомые брата стали несколько больше со мной считаться.

Брату же это не понравилось…»

С самого начала ученичества между братьями сложились отнюдь не идиллические отношения. Деловой расчет в отношениях между колонистами традиционно брал верх над родственными связями, и Франклины ни в коей мере не были исключением. Ножовщик Сэмюэль Франклин заломил несусветную сумму за обучение своего двоюродного брата Бенджамина Франклина и лишил его возможности приобщиться к этому ремеслу. Бесправное положение ученика Франклина в типографии усугублялось и домостроевскими замашками брата.

Между братьями часто возникали резкие ссоры, арбитром в таких случаях выступал отец, который чаще всего принимал сторону младшего брата. Но даже большого авторитета отца было недостаточно, чтобы полностью нормализовать отношения. Джемс при всяком удобном и не очень удобном случае оскорбительно подчеркивал, что он хозяин, а Бенджамин только бесправный подмастерье.

И вдруг Джемс был поставлен перед фактом, что Бенджамин уже не мальчик на побегушках. Незаметно из ученика вырос серьезный, полностью сформировавшийся человек, с определившимися взглядами на важные социальные и политические вопросы, блестящий литератор, статьи которого украсили его газету, и он сам создавал рекламу брату, восхищаясь статьями неизвестного автора.

Джемс был взбешен. После успешного дебюта Бенджамина в качестве журналиста отношения между братьями еще более обострились. Франклин писал о своем ученичестве: «Мой брат был очень вспыльчив и часто бил меня… Мне думается, что его суровое и тираническое обращение со мной вызвало во мне то отвращение ко всякой деспотической силе, которое сопутствовало мне на протяжении всей моей жизни».

«Нью-Ингленд курант», издававшаяся Джемсом Франклином, пользовалась большим успехом в Бостоне и за его пределами. В отличие от других изданий, носивших скучно-деловой информационный характер, эта газета отвечала духу времени и тем антибританским настроениям, которые все больше распространялись в колониях.

Колония Массачусетс, главным городом которой был Бостон, управлялась губернатором, назначавшимся английским правительством. От губернатора, как верховного правителя колонии, тянулась цепочка к судьям и многочисленным чиновникам, которые им назначались. В Массачусетсе, как и в других колониях, имелось законодательное собрание, или ассамблея. Однако акты, принятые собранием, получали силу закона только после утверждения их губернатором. Последний имел неограниченное право вето, предоставленное ему королем в отношении любого решения собрания.

Деспотическая власть британской короны вызывала все более растущее сопротивление колонистов. Особенно это было заметно в городах, которые являлись средоточием развития ремесел, торговли, нарождавшейся промышленности. Молодой буржуазии колоний было тесно в жестких рамках законодательной и исполнительной власти, установленной британской короной в своих североамериканских владениях.

Борьба, развертывавшаяся в колониях, отнюдь не носила чисто экономический характер – это не было движение за создание лучших условий для развития местных ремесел, торговли, промышленности. Колонисты требовали демократизации политической и общественной жизни, расширения своих избирательных прав, добивались свободы вероисповедания. Важную роль в нараставшем освободительном движении играли демократически настроенные круги иммигрантов. К ним принадлежали люди, не побоявшиеся уехать на край земли в поисках свободы, счастья, лучшей доли. Они бежали от эксплуатации, политической деспотии, религиозной нетерпимости не для того, чтобы вновь столкнуться со всем этим в Америке.

Северная Америка была особой, не похожей на остальные колонии территорией. В других колониях белый был колониальным чиновником, судьей, миссионером, торговцем или военным. Выходцы из Европы были привилегированной, господствующей и очень небольшой частью населения колоний, подавляющее большинство жителей которых состояло из местного туземного населения.

Здесь же уже к началу XVIII столетия в результате политики истребления индейцев значительную часть населения составляли белые переселенцы, далеко не однородные по своему классовому составу. Но подавляющее большинство белого населения североамериканских колоний по экономическим и политическим причинам было заинтересовано в ослаблении связей с короной, если не в полном разрыве отношений с ней.

Центробежные силы, действовавшие на североамериканской периферии Британской империи, усиливались политикой, которую проводила по отношению к Америке британская корона. В Лондоне не хотели или не могли понять, что белые колонисты Америки не будут терпеть бесправное экономическое и политическое положение, с которым вынуждены были мириться туземцы в других колониях.

Британская империя находилась в зените своего могущества, и высокомерный Лондон считал ниже своего достоинства относиться с должным вниманием к интересам населения североамериканских колоний. Но и у метрополии были свои трудности и проблемы, у нее было немало врагов, и достаточно сильных, на международной арене.

Великобритания была огромной колониальной империей. Она обладала самой мощной в мире промышленной базой, и ее по праву называли «промышленной фабрикой мира». Мощный флот Англии связывал разбросанные по всему миру огромные колонии в единое целое с метрополией.

Казалось, ничто не могло противостоять колоссальной мощи этого гиганта. Во всяком случае, трудно было поверить, что рост национального самосознания в американских колониях, сопровождавший процесс формирования североамериканской буржуазной нации, завершится движением, которое через 200 лет приведет к краху одну из крупнейших в мировой истории колониальных держав.

События в Америке между тем развивались. Брожение, начавшееся в американских колониях, должно было находить какие-то формы для своего выражения. Вот почему достаточно радикально настроенная газета Джемса Франклина нашла широкий круг читателей. Газета остроумно высмеивала тупость и бюрократизм чиновников, корыстолюбие богачей, лицемерие служителей многочисленных церквей, существовавших в Америке.

Образчиком таких выступлений явился один из номеров газеты, в котором утверждалось, что «лицемерные поборники религии» приносят больший вред интересам общества, чем «открытые богохульники. Многие лица, которые внешне выглядят очень религиозными, со многих точек зрения хуже тех, кто совершенно не претендует на то, чтобы быть религиозным». В другом номере утверждалось, что особенно опасен для общества лицемер, «тем более если он занимает пост в правительстве».

Подобные выступления газеты привлекали к ней читателей, расширяли круг ее почитателей и создавали вместе с тем определенные трудности в работе. Не только колониальное

чиновничество, но и некоторые влиятельные граждане Бостона считали, что своими выпадами против властей и священнослужителей газета подрывает «устои» общества.

Репрессии были неизбежны, и они последовали. «Одну из статей в нашей газете, – вспоминал Франклин, – по какому-то политическому вопросу, по какому именно, я уже забыл, ассамблея сочла для себя оскорбительной. Брата арестовали и посадили на месяц в тюрьму». Произошло это 12 июня 1722 года.

По единодушному мнению всех друзей газеты Бенджамин был единственным человеком, который мог в отсутствие издателя выпускать ее. Молодой наборщик теперь не только верстал, набирал текст, печатал, но и выполнял обязанности редактора, корректора, автора. Показателем его успешной работы являлось то, что увеличился тираж, расширился круг читателей, газета стала приносить большие прибыли.

После окончания краткосрочного тюремного заключения Джемс вышел на свободу. Он продолжал публиковать резко критические материалы, что неизбежно должно было привести к новым репрессиям. После опубликования очередной антирелигиозной статьи власти приняли решение, что отныне Джемс Франклин должен каждый номер газеты, брошюры или какого-либо другого издания, появляющегося от его имени, визировать у секретаря провинции.

Выход из затруднительного положения был найден, и довольно своеобразный. Решили издавать «Нью-Ингленд курант» от имени Бенджамина Франклина. В связи с тем, что подмастерье не мог иметь собственного дела, Бенджамину вернули контракт, на обороте которого было написано, что он получил полный расчет. Одновременно был составлен тайный контракт, в котором повторялись все условия старого договора между учеником и его хозяином.

В январе 1723 года шестнадцатилетний Бенджамин Франклин стал издателем газеты. Очевидно, это был самый молодой в мире издатель. Дела в газете шли хорошо, но, как писал один из биографов Франклина: «Газета не была достаточно большой, чтобы в ней хватило места для двух Франклинов! Джемс, женившийся в феврале 1723 года на Анне Смит, был способным типографом и журналистом, а Бенджамин в своя семнадцать лет был самым умным человеком Бостона и самым лучшим учеником в мире».

Столкновения между братьями продолжались. Джемс никак не мог примириться с мыслью, что младший брат способней и талантливей его во всех отношениях. В глазах Джемса Бен по-прежнему оставался мальчишкой-учеником, который только в

силу счастливо сложившихся для него обстоятельств стал издателем газеты, да и то номинально; соответствующим образом Джемс и относился к своему младшему брату.

После нескольких резких столкновений с Джемсом для Бенджамина стало очевидным, что разрыв неизбежен, тем более что в ссорах между братьями отец принимал теперь сторону старшего брата. Бенджамин попытался найти работу в какой-либо другой типографии. Но Джемс сорвал эти попытки, переговорив со всеми владельцами типографий. Как удачно отметил один из исследователей жизни и деятельности Франклина: «Хозяева должны стоять друг за друга даже тогда, когда этого не делают братья».

Отныне в пределах Бостона Франклин оказывался на положении человека, живущего по волчьему билету. Так отомстили работодатели города строптивому юноше, который осмелился в своих статьях выступить с резкими нападками на «сильных мира сего» и, самое главное, нарушил писаные и неписаные законы делового мира, разорвав контракт со своим хозяином.

Оставался один выход – бежать. «Я продал часть своих книг, – писал Франклин, – чтобы иметь немного денег, меня тайно взяли на борт шлюпа, ветер был попутный, и через три дня я очутился в Нью-Йорке, почти в трехстах милях от своего родного дома, в возрасте семнадцати лет (6 октября 1723 г.), не имея никаких рекомендаций, не зная здесь ни одной живой души и почти без гроша в кармане».

Филадельфия

Всегда грустно покидать родной дом. Особенно в первый раз, и тем более, если ты должен бежать из дому, не чувствуя за собой какой-то особо серьезной вины. Мальчишеская страсть к морю прошла, но любовь к морской стихии осталась у Франклина навсегда. Но сейчас его не радовало даже то, что ему предстоит совершать морское путешествие. Грустно начиналось это первое в жизни Бенджамина путешествие…

Утешало только сознание того, что ему хватило мужества разрубить гордиев узел своих напряженных отношений с братом и принять трудное, но единственно правильное в создавшихся условиях решение. Не по годам взрослый и самостоятельный, Франклин не мог не чувствовать удовлетворения и оттого, что так или иначе, но он, наконец, стал свободным и независимым ни от кого человеком.

И уже первые шаги на этом большом пути оказались очень поучительными и полезными. Франклин был вегетарианец, и он не преминул высказать свое неодобрение, когда увидел, что матросы, наловив рыбы, жарили ее на ужин. Суждения молодого философа были категоричны: **нельзя убивать живое существо, чтобы удовлетворить голод**. Человек может существовать, питаясь растительной и молочной пищей. Рыба, заявил Франклин, сотворена, чтобы жить в воде, и она должна там находиться. Собеседники Франклина были поражены. Ничего подобного они никогда не слышали, но простые матросы нашли аргументы, чтобы возразить Франклину. Они убедительно доказали ему, что философия жизни всегда сильнее любых теоретических воззрений. Это был один из первых уроков реальной действительности, запомнившийся Франклину на всю жизнь.

«Если мы не будем убивать животных, – заявили оппоненты Франклина, – то они так расплодятся, что начнут поедать людей». «Не может рабочий человек прожить без мяса», – добавляли другие.

И, наконец, Франклину было выдвинуто возражение, оказавшее на него наиболее сильное впечатление. Повар, занявшийся уловом, подозвал к себе Франклина и показал только что выпотрошенную рыбу. В желудке у большой он нашел мелкую рыбешку. «Для чего нам голодать и щадить этих тварей, которые пожирают друг друга? – сказал повар. – Если бы я не убил сегодня эту рыбу; она завтра сожрала бы десяток маленьких рыбок».

Это были аргументы, над которыми нельзя было не

задуматься. Тем временем подготовка к ужину завершилась, и приятный аромат свежей жареной рыбы разнесся по всему суденышку. Франклин вспомнил, что с утра у него не было ничего во рту, кроме куска хлеба, и капитулировал. Предложение матросов принять участие в общем ужине было принято.

Так было покончено с вегетарианством. Франклин с детства был приучен к простой и здоровой пище, к умеренности в еде. И он сохранил эту привычку на всю жизнь. Франклин предпочитал растительную пищу, он ел любые блюда, не обращая никакого внимания на то, какого они происхождения. Франклин был неприхотлив в выборе блюд и, как говорил он сам, через пару часов не мог припомнить, что ел за обедом.

Франклин много путешествовал, и эта неприхотливость в еде сослужила ему хорошую службу. Там, где другие страдали, не имея возможности получить привычный стол, он быстро приспосабливался к новому рациону и не испытывал никаких затруднений.

На четвертый день утром шлюп бросил якорь в гавани Нью-Йорка. Распрощавшись самым дружеским образом с командой и с капитаном, который оказал ему большую услугу, перевезя нелегально в Нью-Йорк, Франклин сошел на берег. После оплаты проезда у него осталось очень мало денег. У Франклина не было ни рекомендаций, ни связей в этом городе, но у него была уверенность в своих силах, и его настраивало на оптимистический лад то, что он уже вел самостоятельно и успешно большое по тем временам типографское дело.

Франклин решил предложить свои услуги престарелому печатнику Уильяму Бредфорду, который был первым печатником Пенсильвании и был вынужден покинуть эту колонию из-за ссоры с губернаторам Кейсом.

Старый печатник не смог предоставить работу Франклину, но, убедившись в его высоком профессиональном мастерстве, порекомендовал Франклину направиться в Филадельфию, где содержал типографию его сын.

В то время, в 1723 году, даже для Америки, где всё и все были молоды, этот город был молодым, ему едва исполнилось сорок лет. В Филадельфии насчитывалось около десяти тысяч жителей, и она не могла равняться с Бостоном ни как экономический, ни как культурный центр. Однако это был город с блестящей перспективой, и в течение следующего пятидесятилетия он стал коммерческим центром Северной Америки.

От западной Джорджии до долин Потомака и Саскачевана процветающие фермеры Британской Северной Америки

выращивали пшеницу, хлопок, коноплю, лея, разводили крупный рогатый скот и свиней, снабжая продовольственными товарами Американский континент и прилегающие острова. Сельскохозяйственная продукция этого района шла и на экспорт в Европу.

Быстрыми темпами развивалась здесь и промышленность, представленная железоплавильными предприятиями и кузницами центральных колоний и мастерскими Филадельфии. По традиции, восходящей еще ко временам Уильяма Пенна, Филадельфия радушно встречала иностранцев. Она стала воротами Америки для иммигрантов из Германии, Северной Ирландии и других европейских стран. Через Филадельфию один поток иммигрантов направлялся на юго-запад, в долины Виргинии и Каролины, другой – на запад по направлению к горам и перевалам Огайо. «Таким образом, – писал американский историк, – Филадельфия стала фокусом коммерции и культуры Старого Запада».

Франклин возлагал большие надежды на свою поездку в Филадельфию, так как типографское производство в Америке только начало развиваться и найти типографскую работу было очень трудно.

Предстояло еще одно морское путешествие в сто миль. В то время Нью-Йорк по сравнению с Бостоном был захолустным маленьким городком, на ознакомление с которым ушло немного времени. Ничто больше не задерживало Франклина в Нью-Йорке, и в тот же день на небольшом судне он отплыл в Амбой, откуда еще предстояло добраться до Филадельфии.

Второе путешествие Франклина было не столь удачным, как первое. Как только судно вышло из залива, налетел сильный шторм, гнилые паруса были разорваны в клочья, и почти неуправляемый шлюп понесло вдоль Лонг-Айленда. Во время шторма Франклин проявил быструю реакцию, успев схватить за кудлатую голову пьяного голландца, сброшенного волной за борт.

С большим трудом рулевому удалось приблизиться к Лонг-Айленду, но продолжавшийся шторм не позволил высадиться на остров. Пришлось бросить якорь и заночевать на шлюпе. Промокшие до нитки пассажиры спустились в трюм, но и здесь не было спасения от воды. Начавшийся дождь сквозь палубу просачивался внутрь, и измученные борьбой со штормом мореплаватели не сомкнули глаз в течение всей ночи.

На следующий день шторм утих, и шлюп продолжал свое плавание к Амбою. Ни капитан, ни пассажиры не рассчитывали на столь длительный рейс, который продолжался уже тридцать часов, а на судне не было никаких припасов, в том числе и воды.

На этом злоключения не кончились. К концу второго дня пути Бенджамина свалила жесточайшая лихорадка. Преодолевая огромную слабость, Бенджамин переправился утром на пароме на берег и отправился пешком в Берлингтон, откуда еще предстояло на лодках плыть до Филадельфии. Пятидесятимильный путь до Берлингтона оказался для него тяжелейшим испытанием. Франклин шел под проливным дождем, ослабевший от лихорадки, шатаясь от усталости. Когда он наконец добрался до Берлингтона, его ждал новый удар: лодки в Филадельфию только что ушли. Пришлось несколько дней дожидаться очередной оказии.

С огромными трудностями Франклин добрался до цели своего путешествия. Вид у него был довольно жалкий. Шторм, длительные пешие переходы под дождем, необходимость наряду с матросами работать тяжелыми веслами при плавании от Берлингтона до Филадельфии, недосыпание и лихорадка – все это измотало молодого путешественника до крайности. Платье Франклина было измято и испачкано, лицо побледнело и осунулось.

Прохожие на улицах оглядывались на этого странного человека. В тех местах, где он останавливался на отдых, на него смотрели с подозрением: не является ли человек, попросивший ночлега, беглым учеником или слугой?

И чем ближе был конец пути, тем более измученным и жалким становился его вид. Когда Франклин расплатился с лодочниками в Филадельфии, у него осталось в кармане всего несколько пенни, на которые он купил три булки хлеба. Карманы его были забиты немудреными пожитками, и Франклину пришлось положить по одной булке под мышки, а третью он стал есть. В таком неприглядном виде Франклин медленно прошествовал мимо дома мистера Рида, отца его будущей жены.

Все было как в романе. В первый же день пребывания в незнакомом городе он случайно вышел к дому своей будущей жены. И более того, она стояла возле дома и с удивлением смотрела на этого странного молодого человека.

Таково было далеко не триумфальное вступление Франклина в Филадельфию – город, в котором он прославился своими делами. И впоследствии исторической гордостью Филадельфии стало то, что здесь провел большую часть своей жизни выдающийся американский ученый и государственный деятель Бенджамин Франклин.

Отоспавшись в дешевой гостинице «Приют заблудших», удивительно подходившей по своему названию к положению, в котором оказался Франклин, и по возможности приведя себя в

порядок, он отправился на следующий день с визитом к печатнику Эндрю Резерфорду, адрес которого дал ему в Нью-Йорке Бредфорд-отец. Франклина ждало здесь новое разочарование – работы не было, молодой Бредфорд только что нанял себе помощника.

В типографии Бредфорда Бенджамина ждал и один приятный сюрприз. Он встретил здесь Уильяма Бредфорда, который столь любезно принял его в Нью-Йорке. Бредфорд-старший выехал верхом из Нью-Йорка и прибыл в Филадельфию раньше Франклина. Бредфорды приняли самое живое участие в судьбе Бенджамина, а Уильям Бредфорд был настолько любезен, что проводил Франклина к некоему Кеймеру, недавно открывшему в городе еще одну типографию.

Во время этого визита Бенджамин получил наглядный урок «деловых» взаимоотношений. Старый Бредфорд представил Кеймеру молодого типографа и попросил взять его на работу. В завязавшейся беседе Бредфорд, не сказав Кеймеру, что он отец другого типографа, ловко выудил у хозяина типографии интересные детали, касающиеся его работы. «Когда Кеймер, – вспоминал Франклин, – стал распространяться о своих намерениях забрать большую часть дела в свои руки, то Бредфорд хитрыми вопросами и незначительными сомнениями выудил у него все подробности касательно того, на чье влияние он рассчитывает и каким образом намеревается действовать. Я стоял рядом и все слышал и сразу понял, что один из них – старый пройдоха, а другой – зеленый новичок. Бредфорд оставил меня с Кеймером, который страшно удивился, когда я ему сказал, кто был этот старик».

Типография, в которую поступил Франклин, имела очень убогий вид. Все оборудование состояло из сломанного печатного станка и небольшого изношенного комплекта английских шрифтов.

Хозяин типографии питал слабость к поэзии и сам писал стихи, такие же жалкие по форме и содержанию, как и оборудование типографии, в которой они печатались.

Франклину не стоило большого труда убедиться, что Кеймер ничего не смыслит в книгопечатании. Всю работу Бенджамину пришлось взять на себя. Начинать пришлось с наладки и ремонта станка; и очень скоро хозяин убедился, что нанятый им работник большой мастер своего дела.

Добрая молва о типографии Кеймера распространилась по всей Филадельфии. Круг заказчиков быстро расширялся и появилась постоянная клиентура; ознакомившись с качеством работы, заказчики не хотели идти в другую типографию. Важную

роль играло и то обстоятельство, что Бредфорд был не лучшим печатником, чем его конкурент Кеймер.

Постепенно налаживался и быт Франклина. По рекомендации своего хозяина Бенджамин поселился у мастера Рида, дочь которого была свидетельницей появления Франклина в Филадельфии. Правда, вид молодого типографа был теперь более привлекателен. Прибыли вещи, которые он отправил из Нью-Йорка, и новый постоялец Ридов выглядел на этот раз вполне прилично.

Несмотря на тяжелые материальные условия, молодой наборщик был доволен своей жизнью в Филадельфии. Он чувствовал себя свободным как никогда ранее. Здесь не было отца, без разрешения которого ничего нельзя предпринять. А главное – не было мелочной и тяжелой опеки брата.

Франклин внутренне созрел для тех перемен, которые его ждали в Филадельфии. Если в Бостоне у него среди друзей только Джона Коллинса можно было отнести к числу книголюбов, то в Филадельфии он волен был сам выбирать круг знакомств. «Теперь, – писал Франклин, – у меня завелись знакомые среди тех молодых людей в городе, которые были любителями чтения».

Франклин писал Джону Коллинсу: «Я и не ожидал, что мне удастся так отлично устроиться в Филадельфии». Франклин был доволен своим положением, но для более прихотливого человека условия его жизни показались бы не столь уж хорошими.

Кеймер платил ему в два раза меньше, чем Бредфорд своим не столь квалифицированным работникам. Бенджамин работал в типографии одиннадцать часов в сутки, завтракал и ужинал зачастую куском хлеба с водой. Он не имел возможности ходить в гости или приглашать гостей, посещать трактиры.

Но самое главное заключалось в том, что он был не ученик, а свободный работник и никто не мог задержать его на работе дольше положенного срока. Все свое свободное время он мог использовать на чтение, на самообразование. Франклин привык спать не больше шести-семи часов в сутки и каждый вечер мог посвящать несколько часов книгам. Круг интересов молодого типографа все более расширялся. Он изучал математику, навигацию, философию, иностранные языки.

Франклин был очень общительным человеком, он проявлял живейший интерес ко всему, что его окружало, стремился все понять и познать. И, конечно, самым интересным были люди. Франклин очень любил встречи с умными, содержательными людьми. Беседа с интересным человеком на всю жизнь осталась для него самым приятным и полезным времяпрепровождением.

И не было ничего удивительного в том, что в Филадельфии,

где он впервые почувствовал себя действительно свободным человеком, Франклин с жадностью тянулся к людям, искал и находил много интересных и содержательных друзей.

Карл ван Дорен, автор лучшей биографии Бенджамина Франклина, справедливо подметил: «Касаясь Бостона, Франклин говорил главным образом о своих занятиях. Когда речь шла о Филадельфии, он говорил главным образом о своих друзьях».

Нельзя сказать, чтобы у Франклина не было друзей в Бостоне. Было немало товарищей по детским играм. Один из них, Джон Коллинс, близкий Франклину по интеллектуальным интересам, по складу ума, стал близким другом его юности. Только ему он доверил тайну своего бегства из Бостона, только он знал, что Бенджамин обосновался в Филадельфии. И только с Коллинсом вел Франклин переписку в течение первого года своего пребывания в Филадельфии.

С появлением Франклина в городе возникло объединение, напоминавшее клуб любителей чтения. По вечерам друзья Франклина устраивали совместные чтения, которые заканчивались обсуждением прочитанного. Во время диспутов филадельфийские любители чтения поражались уму Франклина, его глубоким познаниям. По городу поползли слухи о необыкновенном семнадцатилетнем мудреце.

Бенджамин все больше втягивался в круг новых забот и новых интересов и постепенно забывал о Бостоне. Но вскоре ему напомнили и о Бостоне и о родных. Муж его сестры Роберт Холмс был хозяином шлюпа, совершавшего регулярные рейсы между Бостоном и Делавэром. Однажды, находясь в Ньюкасле, расположенном в сорока милях от Филадельфии, Холмс услышал там о своем родственнике и прислал ему письмо. Он писал, что все были глубоко огорчены и обеспокоены его внезапным исчезновением. Холмс заверял Бенджамина, что родные сохранили к нему самое дружеское расположение и горят желанием видеть его. И что если он вернется в Бостон, то его судьба устроится там так, как он этого захочет.

Бенджамин ответил Холмсу подробным письмом, в котором благодарил его за дружеское участие и подробно аргументировал причины своего бегства из Бостона, чтобы рассеять его убеждение в неправомерности отъезда Бенджамина из родного города.

Франклин умел глубоко и обоснованно излагать свое мнение и по отвлеченным вопросам, но когда речь шла о том, что было пережито и выстрадано, его красноречие удесятерялось. Очевидно, это было действительно мастерски написанное письмо. Во всяком случае, таково было мнение губернатора Пенсильвании Уильяма Кейса, который беседовал с Холмсом, когда последнему

доставили письмо Бенджамина. «Губернатор, – писал Бенджамин, – прочел его и, по-видимому, удивился, когда узнал, сколько мне лет. Он сказал, что я произвожу впечатление многообещающего человека и меня надо поддержать».

Уильям Кейс был типичным порождением эпохи и условий, характерных для Пенсильвании того времени.

В Пенсильвании значительную часть белого населения составляли квакеры. Это не было официальным названием секты. Квакеры, то есть трясуны, – так называли сторонников этой секты их противники. Сами же члены секты называли себя «Обществом друзей». Квакеры отрицали церковные обряды, отказывались носить оружие и участвовать в войнах, не принимали присягу, отказывались платить церковную десятину, то есть выступали против и светской и духовной власти.

Уравнительные призывы квакеров были покушением на священные принципы частной собственности, и не было ничего удивительного в том, что их преследовали не только в Англии, но и в американских колониях. Особенно жестокими были гонения против квакеров в Массачусетсе, где действовал закон о смертной казни за принадлежность к секте. В Бостоне трое квакеров, в их числе одна женщина, на основании этого закона была повешены. В более поздний период столь крайние меры уже не применялись, но пребывание в колонии им по-прежнему запрещалось. Была разработана специальная процедура изгнания сторонников секты из Массачусетса: нарушителя закона привязывали к повозке и, избивая кнутом, гнали через все населенные пункты к границе колонии.

Таким образом, широко разрекламированная веротерпимость в американских колониях представляла на практике довольно жалкое зрелище.

Пенсильвания, правда, не знала таких гонений против квакеров, что объяснялось традициями этой колонии, создателем которой был крупный деятель движения квакеров Уильям Пеня. Его отец, боевой адмирал британского флота, служил Кромвелю, руководил в 1655 году Вест-Индской военной экспедицией по захвату испанских колоний в Америке, участвовал в англо-голландской войне 1664—1667 годов. Уильям Пенн-младший еще мальчиком познакомился с учением квакеров. В шестнадцать лет он поступил в Оксфордский университет, но через два года был исключен из него за невыполнение церковных обрядов. После завершения образования во Франции и Италии, где он изучал теологию, латинский и греческий языки, Пени вернулся в Англию и приступил к изучению права. За опубликование ряда памфлетов с резкой критикой догматов англиканской церкви Пеня был

заключен в печально знаменитый Тауэр, а позже в Нью-гет.

Квакеры все чаще обращали свои взоры в сторону Америки, видя в ней обетованную землю, где можно было укрыться от гонений церкви и правительства и воплотить в жизнь принципы свободы совести.

В 1675 году Пени с группой единоверцев купил западную часть Нью-Джерси Спустя пять лет в Англии особенно усилились гонения против квакеров. Следствием этого явилось усиление иммиграции в Америку по религиозным мотивам, и в 1680 году Пени подал Карлу II петицию с просьбой в счет короны, задолжавшей его отцу 16 тысяч фунтов стерлингов, пожаловать ему земельные наделы в Америке. После долгого судебного разбирательства просьба Пенна была удовлетворена, и 4 марта 1681 года он получил патент на управление огромной территорией Пенсильвании, которая позднее была еще больше расширена. И Пени считался самым крупным в мире землевладельцем – ему принадлежало 47 миллионов акров земли.

Средоточие такого огромного богатства в руках одного человека противоречило уравнительным принципам учения квакеров, но это мало смущало Пенна. И вообще, переселившись в Америку, квакеры, которые и раньше были отнюдь неоднородны с имущественной точки зрения, оказались захваченными общим потоком развития капиталистических отношений в далеких американских колониях. Новые религиозные догмы, которые они выработали и которым поклонялись, квакеры довольно быстро согласовали с принципами и законами развития капиталистических отношений. Предприниматели-квакеры нашли в Америке, и довольно быстро, общий язык со своими коллегами, исповедовавшими другие религии.

За время правления Пенна в развитии Пенсильвании был достигнут значительный успех, вызванный во многом тем, что он провел ряд мероприятий, обеспечивших приток иммигрантов из Европы, особенно квакеров. В 1681 году на территории Пенсильвании проживало всего около 1 тысячи человек, а в 1689 году – уже около 12 тысяч человек. В Нью-Джерси, которая тоже принадлежала квакерам, насчитывалось 14 тысяч белых жителей.

В 1682 году на реке Делавэр был основан город Филадельфия, который явился важным центром притяжения переселенцев-квакеров из Англии, Германии и других стран Европы. Причем среди эмигрантов-квакеров был значительный процент лиц с изрядным капиталом.

В Пенсильвании шла ожесточенная борьба за власть между лордом – правителем колонии и Ассамблеей, избиравшейся

состоятельной частью населения. В конце концов борьба завершилась тем, что Ассамблея была признана верховным органом власти в Пенсильвании. Своеобразие государственного устройства Пенсильвании определялось тем, что это была единственная из тринадцати колоний Англии в Северной Америке, которая имела однопалатный законодательный орган. В результате долгой и изнурительной борьбы Пени сохранил за собой только одно право – назначать губернатора Пенсильвании.

С самого начала создания колоний Лондон рассматривал свои североамериканские владения как своеобразную свалку, на которую можно отправлять отбросы английского общества. Сюда ссылались уголовные преступники, поступали в изобилии и отбросы другого рода – титулованная знать, промотавшая свои состояния и скомпрометировавшая себя различными непривлекательными деяниями в метрополии.

Губернаторы и другие должностные лица, прибывавшие в колонии из Англии, были типичными временщиками, рассматривавшими свою службу как средство быстрого обогащения. Это была единственная побудительная причина, направлявшая деятельность огромной и прожорливой армии королевского чиновничества.

Особенно трудным было положение частных колоний. В Пенсильвании, например, гнет короны и ее ставленников дополнялся гнетом наследников Пенна, которые всеми имевшимися в их распоряжении средствами цеплялись за свои привилегии.

Если Пени был выдающимся деятелем, оставившим значительный след в развитии теории и практики квакерского движения и во всей истории североамериканских колоний Англии, то его потомки не заботились ни о чем, кроме своих личных выгод.

Уильям Кейс, губернатор Пенсильвании, заинтересовавшийся скромной персоной молодого типографа Филадельфии, был из той колоды промотавшихся английских аристократов, тасуя которую, наследники Пенна назначали губернаторов в свои владения. Сэр Уильям любил играть роль мецената, покровителя талантов.

Кейс пригласил Бенджамина в таверну и за стаканом доброй мадеры рисовал блестящее будущее молодого типографа. Франклин откроет собственную типографию в Филадельфии, а Кейс поддержит его казенными заказами и окажет всяческие услуги. Бенджамин был очарован доброжелательностью этого человека, тем живейшим участием, которое он принял в его судьбе, непринужденными, обходительными манерами

губернатора. «Губернатор, – вспоминал Франклин, – иногда приглашал меня отобедать с ним, что я считал за великую честь, в особенности потому, что он беседовал со мной самым любезным, непринужденным и дружеским образом, какой только можно вообразить».

Кейс разработал подробный план действий, который пока надо было держать в глубокой тайне.

Прежде всего губернатор написал пространное письмо отцу Франклина, убеждая его поддержать материально идею об открытии Бенджамином собственной типографии в Филадельфии. Кейс не преминул очень лестно отозваться в этом письме о достоинствах молодого Франклина.

В апреле 1724 года Бенджамин отпросился у Кеймера и под предлогом встречи с друзьями отправился на небольшом судне в Бостон. И на этот раз путешествие было не без опасных приключений. Судно село на мель, и открылась большая течь. Команде и всем пассажирам пришлось откачивать воду, чтобы сняться с мели и продолжать плавание.

Через две недели судно, наконец, бросило якорь в гавани Бостона. Бенджамин не был в родном городе семь месяцев и появился там столь же неожиданно, как в свое время исчез. Дело в том, что Роберт Холмс еще не вернулся в Бостон и ничего не успел сообщить родным. «Мое неожиданное возвращение удивило семью, – вспоминал Франклин, – все они, однако, были очень рады видеть меня и оказали мне радушный прием, за исключением моего брата».

Джемс воспринял как личное оскорбление визит Бенджамина в типографию и его беседу с работниками. Его раздражало все: рассказы брата о том, как хорошо он устроился в Филадельфии, часы, модный, хорошо сшитый костюм и даже доллар, который он дал на выпивку своим бывшим товарищам по работе.

Визит в Бостон закончился безрезультатно. Отец не дал согласия на открытие типографии в Филадельфии. Старый Джозайа Франклин считал, что мальчишке, которому надо было ждать еще три года до совершеннолетия, рано начинать собственное дело. Его самолюбию льстило, что губернатор обращался к нему с письмом, где столь благожелательно отзывался о достоинствах его сына, но, умудренный богатым жизненным опытом, Джозайа считал, что вся эта затея преждевременна. Отец порекомендовал Бенджамину вести правильный нерасточительный образ жизни, копить деньги, и в двадцать один год открыть собственную типографию, пообещав при этом оказать посильную помощь. Таковы были довольно скромные результаты деловой части визита Бенджамина в Бостон.

Но его не очень огорчил отказ отца. Бенджамин рад был повидать родных и друзей детства. Особенно приятной была встреча с Джоном Коллинсом. Наслушавшись рассказов о том, как хорошо Франклин устроился в Филадельфии, Коллинс загорелся желанием перебраться в этот город и устроиться там на работу. Бенджамин с большим желанием откликнулся на просьбу Коллинса помочь ему в выполнении этих планов. Друзья договорились встретиться в Нью-Йорке, а оттуда уже вместе добираться до Филадельфии.

В Нью-Йорке Бенджамина представили губернатору, который, узнав о приезде молодого образованного типографа, пожелал познакомиться с ним. Франклин писал об этой встрече: «Губернатор принял меня с отменной учтивостью, показал мне свою библиотеку, которая была очень обширной, и мы долго беседовали о книгах и писателях. Это был уже второй губернатор, оказавший мне честь своим вниманием, и для бедного юноши вроде меня это было очень лестно».

В Нью-Йорке ожидал Франклина Джон Коллинс, приехавший туда несколькими днями раньше. Этому способному молодому человеку прочили в Бостоне блестящее будущее. По сравнению с Бенджамином у него было два преимущества: во-первых, Коллинсу удалось получить систематическое образование. Помимо этого, он имел большие способности к математике, чем никогда не мог похвастаться Франклин.

Но за время отсутствия Бенджамина Коллинс пристрастился к крепким напиткам и, вырвавшись в Нью-Йорк, пьянствовал с утра до вечера. В довершение ко всему у него была неуемная страсть к азартным играм. Коллинс быстро проиграл все свои небольшие деньги и сел на иждивение Франклина, которому пришлось оплатить его квартирные расходы и путевые издержки до Филадельфии. Эти непредвиденные расходы пробили огромную брешь в скромном бюджете Франклина. Но самое худшее было впереди. Бенджамину дали доверенность на получение денег в Пенсильвании. Сумма была по тем временам значительная – 35 фунтов. Хозяин этих денег Вернон просил Бенджамина сохранить их до тех пор, пока он не скажет, как ими распорядиться. Узнав о существовании этих денег, Коллинс начал беспрерывно одалживать у Бенджамина, обещая рассчитаться, как только устроится на работу. Беспробудное пьянство наложило отпечаток на внешность Коллинса, и его нигде не брали на работу. Все это время Джон продолжал жить за счет Франклина, но скоро пришел конец и деньгам Вернона.

«Я с ужасом думал о том, – вспоминал Франклин, – что я буду делать, если мне вдруг предложат уплатить эти деньги…

Я не оправдал доверия Вернона в отношении его денег, и это было одной из первых больших ошибок в моей жизни; эта история показала, что мой отец не особенно ошибался, когда считал, что я слишком молод для важного дела».

Лондон

Отношения, сложившиеся у Франклина с Коллинсом, вскоре пришли к своему логическому концу. Джон нашел, наконец, работу. Ему предстояло стать воспитателем сына одного высокопоставленного лица на острове Барбадос. Коллинс принял это предложение и покинул Филадельфию, пообещав Франклину уплатить долг из первых же заработанных денег. С тех пор Франклин больше ничего не слышал о своем друге детства.

Тем временем губернатор Пенсильвании Уильям Кейс продолжал настойчиво склонить Бенджамина к открытию собственной типографии в Филадельфии. Ознакомившись с письмом Джозайи Франклина, вежливо возражавшего против планов сына относительно открытия собственного дела, Кейс заверил Франклина, что вопрос можно будет решить и без помощи отца.

Он сказал, что тверд в своем намерении наладить настоящее типографское производство в Филадельфии и не видит другой кандидатуры, кроме Франклина, для решения этого вопроса. Губернатор предложил составить список всего, что необходимо выписать из Англии для открытия типографии, с тем чтобы Франклин рассчитался с ним, когда будет иметь возможность.

Ознакомившись с составленным списком и одобрив его, Кейс спросил Франклина, не желает ли он сам поехать в Англию, отобрать на месте все нужное оборудование и проследить, чтобы оно было отличного качества. Тан был решен вопрос о поездке Франклина в далекую Англию. Но «Аннис», корабль, совершавший регулярные рейсы в Англию, отходил через несколько месяцев, и Франклин пока продолжал работать у Кеймера.

Наконец подошел срок отплытия «Анниса» в Англию. Франклин в который раз зашел к губернатору, чтобы получить обещанные рекомендательные письма и деньги, необходимые на закупку оборудования. Но не было ни денег, ни писем. Губернатор, сославшись на очень большую занятость не вышел к Бенджамину, а секретарь губернатора заверил Франклина, что ему пришлют на корабль все, что необходимо. Бенджамин был озадачен таким оборотом дела, но вернулся на корабль, все еще не сомневаясь в искренности заверений губернатора.

Плавание через Атлантический океан было грандиозным по тем временам путешествием, и оно было тем более интересным, что нашлись приятные и содержательные попутчики. На этом же корабле плыл в Англию знаменитый филадельфийский юрист

Эндрю Гамильтон с сыном Джемсом, который впоследствии стал губернатором.

За время путешествия Франклин сблизился и подружился еще с одним пассажиром – с купцом-квакером Денхамом. Дружба с этим человеком продолжалась у Франклина до самой смерти Денхама.

Вместе с Франклином в Англию отправился и его филадельфийский друг Джемс Ралф, один из любителей чтения, которые объединились вокруг Бенджамина. Ралф, служивший письмоводителем у купца, любил поэзию и сам писал стихи. Бенджамин мало верил в талант своего друга-стихотворца и, используя все свое красноречие, убеждал его отказаться от намерения стать поэтом. Будущее показало, что Франклин был прав. Поэта из Ралфа не получилось, но он стал неплохим прозаиком.

Путешествие омрачала только скверная погода и неопределенность положения, в котором оказался Бенджамин. У него все еще не было в руках ни рекомендательных писем, ни денег. Когда корабль уже вошел в Ла-Манш, капитан ознакомил Франклина с содержанием почты губернатора, которую тот пересылал в Англию. Ничего утешительного для себя Франклин в этой корреспонденции не нашел.

Только в Англии, анализируя некоторые действия Кейса и вспоминая детали разговоров с ним, Бенджамин стал догадываться, что он стал жертвой дурной шутки со стороны губернатора. Его догадки подтвердил Денхам. Относительно денег, обещанных Кейсом на покупку типографского оборудования, Денхам добавил, что об этом не могло быть и речи, ибо сам Кейс не располагал для этого никакими материальными возможностями.

Было от чего прийти в уныние: Франклина обманули, и самым бесчестным образом. Он оказался за тридевять земель, в незнакомой стране, без средств. Бенджамин получил еще один жестокий, но полезный урок. Он понял, что за импозантной внешностью, блестящими манерами и широковещательными обещаниями может скрываться ничтожество, мелкий и болтливый человек.

Лондон произвел огромное впечатление на молодого американца, прибывшего в столицу с задворков Британской империи. Город подавлял своим величием, серыми громадами многоэтажных домов, улицами, которым не видно конца, многочисленными экипажами, перевозившими куда-то постоянно спешивших лондонцев.

Деловая часть города поражала обилием контор, банков.

Чувствовался полнокровный, размеренный пульс жизни промышленного и торгового центра гигантской империи и всего мира. Здесь все было не так, как на родине. В глаза бросались великолепные здания церквей и дворцов, магазины ломились от разнообразных товаров, рассчитанных на самые изысканные вкусы, прохожие были одеты красиво, ярко, броско.

Вместе с тем поражали нищета и запустение окраинных районов столицы, трущобы, изможденные лица и лохмотья обитателей этой части города. Франклин вырос в трудовой семье, знал цену куска хлеба, и его трудно было удивить скромным образом жизни. Но здесь была вопиющая нищета, подчеркнутая контрастом центральных, богатых районов столицы. Таких резких социальных перепадов он не видел на своей далекой родине.

Надо было налаживать жизнь на новом месте. По совету Денхама Франклин решил устроиться на работу в известную типографию Палмера. Уровень развития типографского производства в Англии был значительно выше, чем в Америке, и такая работа могла принести значительную пользу.

Сложнее обстояло дело с Ралфом. Непризнанный поэт долго не мог найти себе подходящего места. И так же, как в случае с Коллинсом, друг превратился в нахлебника. Бенджамину пришлось взять Ралфа на свое иждивение, так как тот приехал в Англию, не имея никаких средств. Несколько месяцев Ралф и Бенджамин вели довольно веселый образ жизни, тратя на театры и другие развлечения большую часть заработка Франклина.

В Америке Ралф оставил жену и ребенка, к которым решил не возвращаться, в чем он признался Бенджамину уже после прибытия в Лондон. Вспоминая этот период своей жизни, Франклин писал: «Мы истратили почти все мои пистоли и теперь кое-как перебивались со дня на день. Он, по-видимому, совершенно забыл свою жену и ребенка, а я постепенно забывал мои обещания, данные мисс Рид. Я написал ей только одно письмо, в котором известил ее, что не собираюсь в скором времени возвращаться. Это была другая величайшая ошибка в моей жизни…»

По мере уменьшения кредитоспособности Бенджамина слабела их дружба, и в конце концов Ралф порвал отношения с Франклином, дав понять, что не намерен возвращать одолженные у него двадцать семь фунтов.

Компенсацией за потерянные деньги могло служить только то, что Франклин, наконец, избавился от расточительного друга и получил возможность вернуться к привычному ритму жизни: работа, строгий распорядок дня, книги, самообразование, встречи и беседы с интересными людьми.

Работа в типографии Палмера многим отличалась от того, что Бенджамин видел в Бостоне и Филадельфии. На родине он был печатником, наборщиком, ремонтировал и налаживал оборудование, корректировал рукописи и даже выступал как автор. Здесь все было иначе: каждый рабочий выполнял одну, строго определенную операцию. Работа от этого становилась более однообразной, скучной, нередко чисто механической, но качество и производительность труда значительно увеличивались.

Проработав у Палмера около года, Франклин перешел в типографию Уоттса, которая была больше и лучше оснащена. Здесь он получил возможность ознакомиться с новейшими достижениями типографского производства того времени. Не меньший интерес для него представляло знакомство с бытом, традициями довольно большого рабочего коллектива типографии.

Нельзя сказать, чтобы это знакомство оставило самое приятное впечатление. Многие из работников – а их было около пятидесяти – проявляли склонность к выпивке. Коллеги Франклина холодно встретили его проповеди о вреде пьянства, и за свою привычку пить только воду он сразу же получил прозвище «Водяной американец».

Франклин быстро зарекомендовал себя способным, все схватывающим на лету работником и завоевал расположение хозяина своей честностью, трудолюбием, трезвостью. Однако расположение хозяина к новичку ни в коей мере не способствовало росту его авторитета среди остальных рабочих.

После нескольких недель работы Уотте перевел Франклина от печатников к наборщикам. По установившейся традиции полагалось организовать для всех выпивку. Франклин решительно отказался сделать это, так как считал, что он отдал необходимую дань традиции, устроив выпивку печатникам при поступлении на работу.

Несмотря на красноречие Бенджамина, его новых товарищей по работе не убедили аргументы заокеанского трезвенника, и они начали планомерную атаку на новичка. Стоило Франклину отлучиться на самое короткое время, он находил смешанными свои литеры, спутанными и порванными печатные материалы. Это возымело свое действие: нарушителю традиции пришлось выкинуть белый флаг и пригласить наборщиков в пивную.

Так Франклин получил еще один урок, который усвоил на всю жизнь. «Я убедился, – вспоминал он, – что глупо жить в ссоре с теми, с кем приходится постоянно иметь дело».

Угощение, преподнесенное Франклином рабочим типографии

сломало стену отчужденности, и его отношения с новыми товарищами по работе быстро наладились. Более того, образ жизни Водяного американца быстро нашел подражателей, и мальчик, бегавший в соседнее питейное заведение за выпивкой, все чаще оставался без дела. Остроумие Франклина, его доброжелательное отношение к товарищам, обширные знания нового наборщика и его умение доходчиво и интересно рассказывать о многих диковинных вещах – все это расположило к нему рабочих. Пошли в гору а его материальные дела. Работал Франклин очень хорошо, и вскоре Уоттс перевел его на новую, выше оплачиваемую должность.

И, как всегда, вокруг Франклина собирались лучшие, наиболее интересные и талантливые люди. Вместе с ним в типографии работал печатник Вигейт, который имел хорошее по тем временам образование, знал латынь, говорил по-французски и был большим любителем чтения. С Вигейтом у Франклина быстро установились дружеские отношения. Тянулись к Франклину и другие, наиболее знающие и образованные рабочие.

Бенджамин с огромным увлечением изучал каждую новую книгу, которая попадала ему в руки, и у него все больше рос интерес к серьезным научным проблемам – в частности, к философии. Еще работая у Палмера, он участвовал в наборе второго издания книги английского философа Уильяма Волластона «Религия природы». Аргументы маститого философа не показались молодому наборщику убедительными, и он написал критическую брошюру с разбором его взглядов. Так появилась «Диссертация о свободе и необходимости, удовольствии и страдании».

К этому времени Франклин обладал уже познаниями в философии, достаточными для того, чтобы иметь самостоятельное мнение по серьезным философским проблемам. Образование Франклина не было систематическим, что компенсировалось глубиной познания, творческим подходом к изучаемым проблемам, столь характерным для Франклина и в юношеские годы. В работе над своей «диссертацией» он уже изучил работы видного английского философа-материалиста Джона Локка. И в его «диссертации», содержавшей много оригинальных мыслей, сказывалось влияние главной работы Локка – «Опыт о человеческом разуме».

Как убежденный деист, Франклин выступил в своей брошюре с резкой критикой церковного догмата о добре и зле, о пороке и добродетели. Он доказывал, что аргументы церковников, трактующих проблему добра и зла с позиций закостенелой теологии, не выдерживают критики.

Франклин посвятил эту работу Ралфу, с обращения к которому начиналась «диссертация». Высоко оценивая ум беспутного друга, автор писал, что всецело полагается на его мнение в оценке достоинств и недостатков своего труда.

Следует отметить, что Франклину не везло с посвящениями. Ралф оказался неблагодарным другом. Уже на склоне лет Франклин посвятил автобиографию незаконнорожденному сыну, который вскоре после этого предал идеалы отца, стал убежденным лоялистом и выступал против революционного освободительного движения в колониях.

Не имея средств для издания работы, Франклин сам набрал и отпечатал «диссертацию» в виде брошюры и в небольшом количестве экземпляров. Брошюра была анонимной, на титульном листе не значилась фамилия автора.

Франклин относился критически к этой ранней работе. Однако в ней было определенное рациональное зерно, и после того как она была напечатана и разошлась, на Франклина обратили внимание в Лондоне. Он познакомился, в частности, с Бернардом Мандевилем – автором блестящей философской сатирической работы «Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными». В этой работе подвергались резкой критике стяжательство, мошенничество и другие пороки буржуазного общества. Несмотря на то, что Мандевиль был на двадцать шесть лет старше Франклина, между ними установились хорошие, подлинно товарищеские отношения. Этому в немалой степени способствовала общность их взглядов на ряд важных вопросов.

Среди знакомых Франклина в Лондоне был Лионе, автор книги «Непогрешимость человеческого суждения», и член Лондонского Королевского общества доктор Пембертон, который обещал познакомить Франклина с Исааком Ньютоном. Но страстному желанию Франклина увидеть знаменитого мыслителя не суждено были сбыться. Ньютону было уже восемьдесят два года, и он почти не выходил из дому. Но зато Франклин познакомился с другим известным английским ученым – с преемником Ньютона на посту президента Королевского общества Гансом Слоуном. За большие заслуги в развитии науки Слоун стал первым английским ученым, избранным иностранным членом Петербургской академии наук. Слоун был широко известен и как страстный коллекционер. Собранные им различные диковинные вещи представляли большую научную и художественную ценность. Купленные английским правительством, они и составили основу знаменитого Британского музея.

Франклин внес свой вклад в сокровищницу Ганса Слоуна,

продав ему за большую сумму кошелек из асбеста работы американских индейцев и другие редкостные вещи, привезенные из Америки.

Работа в типографии и общение с образованными людьми давали возможность удовлетворять страсть Франклина к чтению. Для него всегда был характерен деловой, практический подход ко всем проблемам. Так как покупка книг для наборщика была непозволительной роскошью, он познакомился с хозяином соседнего книжного магазина и на взаимовыгодных условиях договорился с ним о возможности брать у того книги на время.

Услуги книготорговца были тем более важны для Франклина, что он принял решение вернуться на родину, а на дорогу в Америку требовались деньги, и немалые. Франклину приходилось экономить на всем – на книгах, которые он, правда не очень часто, но все же покупал, на еде, жилье.

Неожиданно подвернулся случай, который помог Франклину вернуться на родину значительно быстрее, чем он мог надеяться. Живя в Лондоне, Франклин продолжал поддерживать хорошие отношения с торговцем Денхамом, с которым познакомился во время плавания из Америки в Англию. Умудренный богатым жизненным опытом, Денхам неоднократно давал Франклину практические советы, следуя которым тот смог решить немало сложных проблем. Внимательно присмотревшись к юному знакомому и придя к выводу, что он может оказаться полезным и надежным помощником, Денхам предложил Франклину перейти к нему на работу.

Дело было для Бенджамина, новое и совершенно незнакомое. Денхам намеревался закупить в Англии большую партию ходового в Америке товара, вернуться в Филадельфию и открыть там торговое дело. Франклин должен был для начала помочь Денхаму в покупке, а затем сопровождать груз в Филадельфию и работать там приказчиком в магазине Денхама. Перед Франклином открывалась довольно многообещающая перспектива. Денхам предполагал, что, освоив бухгалтерию и все остальные премудрости торгового ремесла, Бенджамин сможет отправиться с грузом муки и хлеба в Вест-Индию и другие края, получая за эти операции большие комиссионные.

Возможность быстрого возвращения на родину была решающим аргументом. Бенджамин принял предложение Денхама, оставил работу в типографии и со всей энергией, на которую был способен, приступил к исполнению своих обязанностей. Дело подвигалось довольно быстро, скоро все товары были закуплены, упакованы и погружены на корабль. 21 июля 1726 года, после восемнадцати месяцев проживания в

Англии, Франклин отплыл в Америку.

Возвращение на родину

Вспоминая лондонский период, Франклин писал: «Хотя я нисколько не улучшил свое состояние, я обогатил свои знания, познакомился с интересными людьми, беседы с которыми принесли мне большую пользу, и много прочел». И все же он покидал Англию без сожаления. Франклина тянуло на родину, он все чаще вспоминал Пенсильванию, друзей, оставленных в Филадельфии, счастливое время, прожитое в этом краю.

Путешествие продолжалось больше двух месяцев, корабль прибыл в Филадельфию только 11 октября. Спокойный и однообразный порядок дня, масса свободного времени, что для Франклина всегда было редким явлением, – все это располагало к уединению, к размышлениям о прожитой жизни, к осмысливанию планов на будущее.

Размышления эти Франклин изложил в подробном дневнике, который вел во время плавания. К сожалению, полностью этот дневник не сохранился, но и то, что дошло до наших дней, свидетельствует о глубине мысли и недюжинных литературных способностях двадцатилетнего Франклина.

Франклин писал в автобиографии: «Пожалуй, самая важная часть дневника – это содержащийся в нем план, который я составил во время плавания на всю последующую жизнь. Этот план замечателен тем, что я следовал ему всю свою жизнь до старости».

Действительно, редко когда планы, составленные в юности, остаются руководством к действию до глубокой старости, как это было у Франклина. И в связи с этим несомненный интерес представляет это своеобразное жизненное кредо Бенджамина Франклина. Двадцатилетний философ, ссылаясь на мнение авторов художественных произведений, писал, что «тот, кто хочет написать что-либо достойное внимания, должен начать с выработки правильного плана и наброска работы. На мой взгляд, так должно быть и в жизни».

После этой преамбулы Франклин заявлял: «Отныне я вступаю в новую жизнь». И действительно, именно после возвращения в Филадельфию начался новый период в жизни Франклина, именно тогда он сделал первые важные шаги, которые прославили его как ученого и общественного деятеля. Он вступил в эту новую жизнь с четко определенными взглядами.

«1. В течение определенного времени, – писал Франклин, – я должен быть очень экономным, чтобы оплатить все, что мною приобретено.

2. Стремиться всегда говорить правду. Никого не огорчать намеком на то, что он не получит ответа. Более того, стараться быть искренним в каждом своем слове и действии – это самое приятное преимущество всякого разумного индивидуума.

3. Быть трудолюбивым во всем, за что бы ни взялся, не обольщаться непродуманными проектами быстрого обогащения. Только трудолюбие и терпение являются важнейшим путем к материальному благополучию.

4. Я решаю никогда не говорить плохого ни о ком, если он этого и заслуживает. Более того, надо по возможности извинять недостатки других и в удобный момент о каждом говорить все хорошее, что мне о нем известно». Этому плану морального самоусовершенствования Франклин следовал всю жизнь. Накапливался жизненный опыт, расширялись знания, а вместе с ними росла и требовательность к себе. Франклин позднее составлял новые заповеди, но главное было им сформулировано в этих четырех пунктах, которые определяли в основных чертах его взгляды на жизнь, на те отношения, которые должны, по его мнению, складываться между «разумными существами».

В Филадельфии за время отсутствия Франклина произошло много перемен. Ушел в отставку с поста губернатора Уильям Кейс, которого заменил майор Гордон. Вскоре после своего возвращения в Филадельфию Франклин случайно встретил Кейса, прогуливавшегося по улицам города. Бывший губернатор смутился при виде его, но не остановился и прошел мимо.

Франклина поджидала большая личная неприятность. Мисс Рид не дождалась своего суженого и вышла замуж за гончара Роджерса. Брак этот не был счастливым. Вскоре она ушла от мужа, у которого, как говорили, была другая жена. Уже после возвращения Франклина, в 1727 году или в 1728 году, Роджерс, наделав долгов, бежал в Вест-Индию и умер там.

Выполняя договор, заключенный с Денхамом, Франклин после прибытия в Филадельфию начал работать в его магазине. Нельзя сказать, чтобы дебет, кредит, гроссбухи, пыльные полки с товарами вдохновляли молодого приказчика. Но Франклин выполнял свои новые обязанности добросовестно и аккуратно, как и все, что он делал. Франклин всегда был сдержан в оценке своих успехов, и, очевидно, он действительно преуспевал на торговом поприще, потому что, вспоминая эти годы, писал: «Я прилежно занимался делами, изучал счета и за короткий срок стал специалистом в торговле».

Торговля была не та сфера деятельности, которая могла принести удовлетворение такому человеку, как Франклин, но новые занятия сослужили ему неплохую службу, Америка еще

только набирала темпы в своем развитии.

Стяжательство, нажива, беспощадная борьба с конкурентами, где удары ниже пояса были общепризнанной нормой взаимоотношений, – всё это уже в то время было присуще американской жизни. Чтобы в этих условиях не оказаться раздавленный и уничтоженным, надо знать законы делового мира и научиться на практике тем приемам, нередко запрещенным, с помощью которых можно завоевать место под солнцем.

Работа у Денхама была тем более полезной, что хозяину Франклина не чужд был интерес к науке, искусству, литературе, что ни в коей мере не было характерно для массы купцов, лавочников и прочих представителей нарождавшегося класса буржуазии.

У Денхама Франклин познал все премудрости делового мира и очевидно, оказался талантливым учеником. Во всяком случае, на протяжении своей долгой жизни Франклин был не только ученым, литератором, профессиональным политиком, дипломатом, но и деловым человеком. И никогда в коммерческих вопросах он не терпел фиаско: школа, пройденная у Денхама, сослужила ему добрую службу.

У него установились отличные, доверительные отношения с хозяином. «Мы, – вспоминал Франклин, – жили и столовались вместе, он чистосердечно привязался ко мне и помогал мне своими отеческими советами». Денхам был человек большой практической сметки, крупный специалист своего дела. С его помощью Франклин преуспевал в новой для себя сфере и был уверен, что с ремеслом типографа он покончил навсегда. Но Америке не суждено было получить в его лице новое пополнение рядов бизнесменов. В начале февраля 1727 года Франклин и его хозяин серьезно заболели. Тяжелейшая форма плеврита надолго приковала Франклина к постели, одно время была даже реальная угроза смертельного исхода.

В конце концов молодой здоровый организм поборол недуг, и Франклин стал постепенно поправляться. Позднее он проявлял большой интерес к медицине, и его познания в этой области науки были достаточно глубокими для того, чтобы со знанием дела следить за своим здоровьем и давать вполне квалифицированные рекомендации своим знакомым. Известен случай, когда Франклин своими советами не только излечил, но и спас от смерти одного человека. Франклин разработал для себя специальную систему физических упражнений и внимательно следил за тем, какое воздействие это оказывает на его организм. На основании длительного опыта он пришел к заключению, что водные процедуры и свежий воздух исключительно благотворны,

особенно для пожилых людей. И до глубокой старости Франклин пользовался тщательно дозированными физическими нагрузками как важнейшим средством для укрепления здоровья и повышения тонуса жизни.

На склоне лет в одном из своих писем он подробно рассказывал о том, как хорошо влияют на его здоровье физические упражнения, насколько учащается под их воздействием пульс, как нужно контролировать свое самочувствие, применяя физические упражнения. Точка зрения Франклина на роль физических упражнений в медицине тем более интересна, что в то время представления об этом были самые поверхностные и не существовало никаких систем использования этих упражнений в лечебных и профилактических целях.

Франклин отнюдь не был человеком атлетического сложения, но вместе с тем с юношеских лет он был очень крепок физически, пропорционально сложен, в нем гармонически сочетались сила интеллекта и крепкое здоровье.

Из всех словесных портретов Франклина лучший, пожалуй, принадлежит Карлу ван Дорену: «Франклин не был воплощением только разума и силы воли. Франклин – это горячая, неукротимая плоть… Крепко сбитый, с округлыми формами тела, как пловец или борец, он имел рост пять футов девять или десять дюймов. У Франклина была большая голова и правильной формы ловкие руки. Волосы у него были белокурыми, чуть рыжеватыми, глаза серые, выразительные и решительные, рот широкий, иронический… Хотя сам Франклин и другие говорили, что речь его была неуверенной, он был быстр и решителен в действиях».

Очевидно, интерес к медицине и с практической и с научной точки зрения появился у Франклина в ту тяжелую весну 1727 года, когда он находился на грани смерти и, по его собственным словам, «оставил всякую надежду на выздоровление».

Этот год был для Франклина трудным и потому, что после продолжительной болезни скончался Денхам. И вновь – в который уж раз! – Бенджамин остался без всяких средств к существованию. Франклин попытался найти место клерка в каком-нибудь торговом доме, чтобы зарабатывать на жизнь, используя те познания в коммерции, которые он приобрел у Денхама. Однако поиски оказались безуспешными, и Франклину пришлось принять предложение его бывшего хозяина Кеймера. Бенджамин не хотел возвращаться в типографию Кеймера, потому что слышал о нем в Лондоне много плохого.

Настораживало и то, что Кеймер неожиданно предложил ему плату, значительно превышающую ту, которую он обычно платил.

Правда, хозяин знал, что берет ценного, высококвалифицированного работника, понимая, что пребывание в Лондоне значительно повысило его мастерство.

Расчет Кеймера был предельно прост. Он хотел, чтобы Франклин сделал то, на что он не был способен сам: обучать многочисленных учеников типографскому искусству, одновременно ведя все дела в типографии. Кеймер был глубоко уверен, что Франклин успешно справится и с той и с другой задачей. А в дальнейшем обученные Франклином ученики будут работать за гроши, согласно тем контрактам, которые они подписали с хозяином типографии при поступлении на работу. От самого Франклина можно будет избавиться, как только он подготовит себе достойную замену.

Все эти планы стали ясны Франклину вскоре после того, как он приступил к работе. И тем не менее истосковавшись по любимому делу, он трудился с большим увлечением и интересом.

За время отсутствия Франклина Кеймер расширил свое производство и нанял несколько работников. Один из них, Хью Мередит, тридцатилетний пенсильванец из Уэллса, в дальнейшем сыграл определенную роль в судьбе Франклина. Это был благоразумный человек, с достаточным жизненным опытом, большой любитель чтения, но в не меньшей мере и любитель выпить.

Среди работников Кеймера была еще одна интересная личность – бывший студент Оксфорда восемнадцатилетний Джордж Уэбб. Видеть студента привилегированного университета Англии в роли подмастерья было отнюдь незаурядным явлением. Еще в школе Уэбб отличался большой склонностью к актерскому искусству и не только прилично играл в любительских спектаклях, но и опубликовал в местных газетах несколько вещиц в прозе и в стихах, что и открыло ему дорогу в Оксфорд. Однако Уэбб недолго пробыл в этом храме науки. Тяга к искусству взяла верх, и Джордж бежал из университета в Лондон, надеясь там поступить в театр. Но вместо театра он попал в дурную компанию, стал бродягой и, оказавшись совершенно без средств, подписал контракт о поездке в Америку.

Так Джордж Уэбб стал законтрактованным слугой. Это была настоящие белые рабы, которых можно было покупать и продавать, а в случае побега они подвергались в уголовном порядке жесточайшему наказанию.

Кеймер откупил Джорджа Уэбба на четыре года, чтобы сделать из него наборщика. «Это, – вспоминал Франклин, – был веселый, остроумный юноша с прекрасным характером, приятный товарищ, но до крайности ленивый, беспечный и опрометчивый».

Знания, приобретенные Франклином в лучших типографиях Лондона, сослужили ему хорошую службу на новом месте. Он сам конструировал и изготовлял литейные формы, отливал матрицы из свинца, усовершенствовал печатные станки, выполнял граверные работы, изготовлял типографскую краску, обучал наборщиков и печатников, работал в лавке Кеймера.

Благодаря огромной энергии Франклина предприятию Кеймера удавалось сводить концы с концами. Успешно продвигалось вперед и обучение Мередита, Уэбба и других учеников. Хозяин пришел к выводу, что настало время избавиться от управляющего, которому он платит большие деньги. Кеймеру не нравились и то, что рабочие типографии видели в лице Франклина не только общительного, доброжелательного человека, но и большого. мастера своего дела. У него было чему поучиться, и он не делал секрета из своих профессиональных знаний. Рабочие относились к нему с большим уважением, охотно выполняли его распоряжения, что задевало самолюбие хозяина, который считал, что Франклин подрывает его авторитет.

Кеймер не стал утруждать себя поисками каких-то предлогов для его увольнения. Использовав первый же резкий разговор с Франклином, Кеймер заявил, что не нуждается в его услугах и уволит своего управляющего через три месяца, как было оговорено условием контракта. С юных лет у Франклина было сильно развито чувство собственного достоинства. Кеймер неоднократно имел возможность убедиться в этом еще в то время, когда Франклин работал у него до отъезда в Англию. Хозяин типографии точно рассчитал удар. Столкновение происходило публично. И молодой управляющий заявил своему хозяину, что не намерен дожидаться окончания трехмесячного срока и немедленно слагает с себя все свои многочисленные обязанности.

Вновь рушились все жизненные планы. Франклин опять оказался без работы. Он всегда был доброжелателен, отзывчив, и эти качества помогли ему приобрести многочисленных друзей, которые оказывали поддержку в трудное для него время. Так было и на этот раз. Мередит, который был очень признателен Франклину за помощь в овладении типографским искусством, предложил ему свое содействие.

Разговор, состоявшийся между Франклином и Мередитом, наглядно отражал нравы делового мира. «Мередит, – вспоминал Франклин, – пришел вечером, и мы с ним обсудили мои дела. Он очень сожалел о моем уходе и особенно о том, что я ушел из типографии в то время, когда он должен был в ней оставаться. Он отговорил меня от возвращения на родину, о чем я начал подумывать, он напомнил мне, что Кеймер запутался в долгах,

что его кредиторы начинают терять терпение; что его лавка находится в жалком состоянии, так как он часто продает без прибыли, ради наличных денег и доверяет в кредит, не ведя учета; что он, следовательно, должен разориться, а это откроет вакансию, которой я смогу воспользоваться».

Когда Франклин отказался от этого заманчивого предложения из-за отсутствия средств, Мередит сказал, что деньги, необходимые для открытия типографии, даст его отец, а труд Франклина и будет его долей в предприятии. Прибыль компаньоны должны были делить пополам. После того как отец Мередита дал согласие на этот план, Франклин вздохнул с облегчением. Доволен был и Мередит-старший. Он верил в то, что под руководством Франклина новая типография будет процветать. Мередит-старший рассчитывал также, что, тесно общаясь с Франклином, его сын избавится от пристрастия к спиртному.

Соглашение об открытии новой типографии было решено держать в тайне, пока не прибудет заказанное оборудование. Тем временем Кеймер получил исключительно выгодный заказ на печатание бумажных денег в Нью-Джерси. Дело это было новое и очень сложное. Необходимо было выполнить тонкие граверные работы, сделать различные шрифты и т. д. Никто в Филадельфии, да и во всей Америке, не мог этого сделать, кроме Франклина. Кеймер был серьезно обеспокоен, что хозяин другой типографии, Бредфорд, пригласит Франклина и перехватит заказ.

Не видя иного выхода, Кеймер прислал Франклину письмо, в котором слезно просил забыть его несдержанность и вернуться на работу в типографию. Оборудование, заказанное отцом Мередита, должно было прибыть не скоро; кроме того, Мередит просил Франклина принять предложение Кеймера, чтобы иметь возможность повышать свою квалификацию под его руководством.

После недолгих колебаний Франклин вернулся на работу к Кеймеру, тем более что ему впервые предстояло выполнить столь интересный и сложный заказ, как печатание денежных знаков. Франклин всегда был очень сдержан в оценке своих успехов. И, очевидно, он действительно справился с этой трудной работой, которую он оценивал следующим образом: «Работа из Нью-Джерси была заказана, я изобрел для нее печатный станок с медной гравировальной доской – первой в Америке; я вырезал несколько орнаментов и штампов для банкнот. Мы поехали вместе с Кеймером в Берлингтон, где я удовлетворительно выполнил работу, а он получил такую большую сумму, которая на некоторое время спасла его от краха».

Пожалуй, одна из самых характерных черт Франклина – творческий подход ко всему, чем ему приходилось заниматься.

Показательно, что, когда Франклин впервые приступил к печатанию бумажных денежных знаков, он старался не только выполнить эту работу на высоком техническом уровне, но и осмыслить вопрос о роля денег в процессе производства, обмена, торговли, разобраться в природе стоимости. Франклин попытался взглянуть на проблему денег сквозь призму политэкономии. И это был взгляд наблюдательного исследователя, выводам которого могли позавидовать маститые профессора, претендовавшие на всестороннее знание предмета.

Высоко ценил вклад Франклина в развитие политэкономии Маркс. В своей работе «К критике политической экономии» Маркс писал: «Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени – мы находим у человека Нового Света… Этот человек – *Бенджамин Франклин,* который в своей юношеской работе, написанной в 1729 г. и напечатанной в 1731 г., сформулировал основной закон современной политической экономии. Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера – труд».

Маркс приводит большую цитату из работы Франклина «Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег», в которой автор делал вывод: «Трудом можно измерить стоимость серебра так же хорошо, как и всех других вещей».

Далее Маркс высказывает ряд критических замечаний в адрес Франклина: «Анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее развитие науки, так как он занимался только определенными вопросами политической экономии в связи с определенными практическими задачами». Но Маркс подчеркивал, что Франклин сумел сформулировать основной закон современной политической экономии.

В своем классическом труде «Капитал» Маркс вновь неоднократно возвращается к анализу взглядов Франклина на важнейшие проблемы политэкономии. Маркс писал, что «знаменитый Франклин» был «один из первых экономистов, который после Уильяма Петти разглядел природу стоимости». В «Капитале» Маркс дает оценку известного высказывания Франклина: «Война есть грабеж, торговля есть надувательство». В пятой главе первого тома «Капитала» – «Процесс труда и процесс увеличения стоимости» – Маркс писал: «Употребление и создание средств труда, хотя и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически

характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека как… животное, делающее орудия».

Давая критический разбор взглядов Франклина на сложнейшие проблемы политэкономии, Маркс отмечал его большой вклад в решение многих из этих вопросов. И важно подчеркнуть, что сложнейшие из этих проблем – такие, как природа меновой стоимости, – были поставлены и решены Франклином еще в юношеские годы.

Для гениального самоучки Франклина отправной точкой при решении многих научных проблем была практическая деятельность. Интерес к проблеме меновой стоимости и денег возник у него при печатании денежных знаков. Долгие годы работы в типографии развили интерес Франклина к вопросам науки. Работая в типографии, Франклин знакомился с литературой по самым различным отраслям знаний. Франклин-типограф работал над книгой не как наборщик и печатник, а как настоящий ученый, исследователь. Франклин любил читать книги с карандашом в руках. Его конспекты прочитанных работ были настоящими научными трактатами, совершенными не только по форме, но и по содержанию.

Франклин не был профессиональным ученым. Но он был в полном смысле слова человеком науки. Без изучения различных проблем, штудирования научных трактатов, обмена мыслями с такими же одержимыми тягой к знаниям людьми он не мыслил своего существования.

Франклин был, кроме того, блестящим организатором, что подтвердилось созданием им в Филадельфии знаменитой Хунты.

Хунта

Где бы ни жил Франклин – в Бостоне, Филадельфии, Лондоне, Париже, вокруг него всегда группировались поэты, писатели, ученые и просто умные, интересные люди, которые в общении с ним удовлетворяли свой интерес к знаниям, свое стремление к равным им по духу я интеллекту людьми. С юных лет и до глубокой старости Франклин был своеобразным магнитом, к которому тянулись все мыслящие, просвещенные люди.

Вернувшись из Лондона в Филадельфию, он сразу же возобновил свои знакомства с молодыми людьми, любителями чтения, входившими в кружок, которым он руководил в 1723—1724 годах.

Работа в типографии Кеймера давала ряд серьезных преимуществ для научно-просветительской деятельности. Это был своего рода культурный центр города. Кеймер не возражал против встреч товарищей в его типографии. К управляющему приходили спокойные, уравновешенные люди, которые никогда не устраивали никаких пирушек, не пили спиртного. Кеймер считал, что научные споры и дискуссии по книгам не помешают его бизнесу.

В своей автобиографии Франклин дал довольно яркую характеристику Кеймеру. «По правде сказать, – писал Франклин, – это был странный человек, в нем соединялись такие черты, как незнание общественной жизни, страсть резко противоречить общепринятым мнениям, неряшливость, доходящая до крайней неопрятности, энтузиазм в некоторых вопросах религии и в довершение всего некоторая склонность к мошенничеству».

Этот мошенник и религиозный ханжа проявлял свое религиозное рвение и в том, что требовал строжайшим образом соблюдать догматы Ветхого завета. Единственным авторитетом для Кеймера в организации распорядка дня был пророк Моисей, считавший субботу днем отдыха. В субботу и воскресенье Кеймер никогда не занимался никакими делами. Такой же распорядок он установил и для своих рабочих. Два дня в неделю типография не работала.

Пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями создавала исключительно благоприятные условия для самообразования, для встреч и бесед с единомышленниками, с такими же энтузиастами, стремившимися к знаниям, большими любителями интересной, содержательной беседы.

Организаторские способности Франклина нашли свое проявление в создании им в 1727 году Хунты, объединившей молодых людей, горячих энтузиастов научно-просветительной деятельности.

Литературное творчество всегда отражает взгляды, образ жизни автора, дает возможность правильно оценить его позицию по отношению к событиям, участником иди современником которых он был. Особенно это верно в отношении трудов Франклина, в частности его автобиографии – источника первостепенной важности, к которому мы и обратимся сейчас для изучения этого периода жизни Франклина.

Франклин писал в автобиографии, что Хунта имела своей «целью взаимное усовершенствование».

Франклин считал, что Хунта, этот союз единомышленников, создана для того, чтобы усовершенствовать его членов не только с точки зрения расширения их познаний в области науки, искусства, политики. Важную сторону деятельности Хунты Франклин видел и в моральном усовершенствовании тех, кто вступил в этот клуб, считая при этом, что он должен сам воспитывать их личным примером.

Франклин писал в своей автобиографии, что в 1728 году он «замыслил смелый и трудный план достижения *морального совершенства».* Рассмотрение деталей этого плана позволяет понять, что прежде всего представляет для Франклина моральную ценность. Его средства и методы морального совершенствования показательны и как иллюстрация его целеустремленности, стремления сделать все возможное для выполнения поставленной перед собой задачи.

Франклин пришел к выводу, что из всех добродетелей важнейшее значение имеют тринадцать, которые он расположил по степени важности:

1. *Воздержание.* Есть не до пресыщения, пить не до опьянения.

2. *Молчание.* Говорить только то, что может принести пользу мне или другому; избегать пустых разговоров.

3. *Порядок.* Держать все свои вещи на местах; для каждого занятия есть свое время.

4. *Решительность.* Решаться выполнять то, что должно сделать; неукоснительно выполнять то, что решено.

5. *Бережливость.* Тратить деньги только на то, что приносит благо мне или другим, то есть ничего не расточать.

6. *Трудолюбие.* Не терять времени попусту; быть всегда занятым чем-либо полезным, отказываться от всех ненужных действий.

7. *Искренность.* Не причинять вредного обмана, иметь чистые и справедливые мысли; в разговоре также придерживаться этого правила.

8. *Справедливость.* Не причинять никому вреда, не совершать несправедливостей и не опускать добрых дел, которые входят в число твоих обязанностей.

9. *Умеренность.* Избегать крайностей; сдерживать, насколько ты считаешь это уместным, чувство обиды от несправедливостей.

10. *Чистота.* Не допускать телесной нечистоты; соблюдать опрятность в одежде и жилище.

11. *Спокойствие.* Не волноваться по пустякам и по поводу обычных или неизбежных случаев.

12. *Целомудрие.* Совокупляйся не часто, только ради здоровья или произведения потомства, никогда не делай этого до отупения, истощения или в ущерб своей или чужой репутации.

13. *Смирение.* Подражай Иисусу и Сократу».

Сократ и Пифагор были любимыми философами Франклина. Долгое время он был убежденным поклонником Сократова метода полемики. Следуя же совету Пифагора, который в своих стихах убедительно доказывал необходимость ежедневного самоконтроля, Франклин выработал собственный метод контроля за выполнением этих тринадцати добродетелей.

Он завел специальную книжечку, где каждый день, по очень тщательно продуманной системе, отмечал случаи нарушения тех или иных добродетелей. И, к своему большому удивлению, автор новой системы достижения морального совершенства убедился, что он далек от совершенства, что случаи нарушения им добродетелей имеют место значительно чаще, чем он мог предполагать.

Франклин предпринял поистине героические усилия, чтобы следовать своей системе, но с присущей ему правдивостью констатировал, что его успехи на этом пути были довольно скромными.

Самую большую трудность представляло для него соблюдение распорядка дня. Франклин писал, что он с большим трудом соблюдал порядок и в отношении места для вещей, бумаг и т. п. Да и в этом не было большой необходимости, так как, обладая исключительно хорошей памятью, он всегда помнил, где что лежит. Будучи большим реалистом и не очень веря в непогрешимость и универсальность своей схемы достижения морального совершенства, Франклин пришел к выводу, что точный распорядок дня – совершенно нереальное требование к работникам целого ряда профессий.

Вставал он в пять часов утра, умывался, молился, составлял

план работы на день и приступал к занятиям. Около восьми часов Франклин завтракал, а с восьми до двенадцати работал. С двенадцати до двух – чтение, проверка счетов, обед. С двух до шести вновь рабочее время. С шести до десяти музицировал, участвовал в беседах или развлекался каким-либо другим образом, ужинал – подводил итоги дня, и вновь с десяти вечера до пяти утра – сон.

Моральный кодекс Франклина, тринадцать добродетелей, четко разложенных по полочкам по степени их важности, аккуратно разграфленная книжечка, где каждый день пунктуально отмечались успехи автора новой системы в его движении к вершинам морального совершенства, – все это было довольно далеко от реальной действительности, от образа жизни обычного человека. И Франк-лан прекрасно понимал это. Он писал: «…что-то вроде голоса разума время от времени нашептывало мне, что такая крайняя щепетильность, которой я от себя требовал, может оказаться своего рода фатовством в морали, которое, стань оно известным, сделает меня смешным».

Опасения Франклина, что его позиция уязвима и может сделать автора смешным в глазах современников и потомков, не были беспочвенными. Великий американский сатирик Марк Твен спустя много лет опубликовал рассказ «Покойный Бенджамин Франклин». «Герой сего рассказа, – писал Марк Твен, – отличался злобным характером и, поставив себе целью замучить будущие юные поколения, с ранних лет начал растрачивать свои таланты на выдумывания всяких поучений и афоризмов. Он нарочно даже в самых обыкновенных делах поступал с таким расчетом, чтобы вызвать мальчиков помериться с ним сноровкой, и тем навеки отнял у них безмятежное детство».

По мнению Марка Твена: «Именно для того, чтобы им насолить, стал он сыном мыловара, и теперь на всякого мальчика, пробившего себе дорогу в жизни, будут, пожалуй, поглядывать с подозрением, если он не сын мыловара».

Твен писал, что Франклин, «этот седовласый нарушитель божьего завета о воскресном отдыхе», вел жизнь праведника. «С коварством, равного которому не знает история, он весь день работал, а ночью при свете фитилька изучал алгебру». «Но ему этого было мало, и он завел привычку питаться только хлебом с водой и за трапезой изучать астрономию».

Процитировав ряд наиболее известных афоризмов Франклина и прокомментировав их в резко иронической форме, Твен приступал к пересказу великих деяний героя своего рассказа. Склонность Франклина к изобретательству он описывал следующим образом: «Он изобрел печку, которая за какие-нибудь

четыре часа может вас задымить до полного умопомрачения. И какое сатанинское удовольствие он от нее получал, ведь он даже окрестил ее собственным именем».

Подводя итоги деятельности своего героя на всех поприщах, Марк Твен писал в заключение: «Бенджамин Франклин совершил уйму великих деяний на благо своей молодой родины, тем самым прославив ее на весь свет как мать такого великого сына».

Поучительные притчи Франклина, его планы самоусовершенствования явились для Марка Твена побудительной причиной для написания одного из самых остроумных его сатирических рассказов. Известны и другие довольно многочисленные иронические оценки этой части литературного наследства Бенджамина Франклина.

И все же важное рациональное зерно в системе Франклина было. Следуя этой системе, он добился определенных успехов и если не достиг недостижимого в виде морального совершенства, то получил от стремления к этому определенные положительные практические результаты. Франклин отмечал, что, следуя своей системе, он всегда старался быть скромным в самом широком смысле этого слова. В частности, он всегда был скромен в дискуссиях с любым собеседником, никогда категорически не высказывал своего мнения, всегда подбирал слова, которые не задевали бы самолюбия собеседника.

Следуя сформулированным им законам Хунты, Франклин запретил себе на ее заседаниях употреблять слова или выражения категорического порядка. Из его лексикона совершенно исчезли такие слова, как *«конечно», «несомненно»* и т. д. Даже в тех случаях, когда он полностью был уверен в правоте своей точки зрения, он говорил *«я полагаю», «мне так кажется в данный момент».*

Постепенно такая манера выражать свое мнение стала для Франклина привычной и естественной. Он стал следовать ей не только на заседаниях Хунты, но и при общении с людьми на работе, в общественных местах, дома. И эта манера сослужила Франклину хорошую службу. «Думаю, что этой своей привычке, – писал Франклин, – (после моего качества – честности) я больше всего обязан тем, что мои соотечественники столь рано стали считаться с моим мнением, когда я предлагал ввести новые учреждения или изменить старые, а также своим большим влиянием в общественных советах, когда я стал их членом. Ибо я был плохим, некрасноречивым оратором, затруднялся в выборе слов, говорил не очень правильно и, несмотря на все это, обычно проводил свою точку зрения».

Франклину было двадцать два года, когда он сформулировал

свою систему и приступил к практическому осуществлению ее. Это говорит о том, что он не был сторонником известного изречения: человек должен делать ошибки в молодости, чтобы ему было о чем пожалеть в старости. По мере своих сил и возможностей он хотел застраховать себя от ошибок или, во всяком случае, не допускать их повторения.

На основании многолетнего опыта Франклин пришел к выводу, что ряд черт человеческой натуры поддается изменениям с большим трудом. «Вероятно, – писал он, – из всех наших прирожденных страстей труднее всего сломить гордость; как ни маскируй ее, как ни борись с ней, души, умерщвляй ее, – она все живет и время от времени прорывается и показывает себя… Ибо даже если бы я решил, что полностью преодолел ее, я, вероятно, гордился бы своей скромностью».

Убедившись, что планы достижения морального совершенства на практике невыполнимы, Франклин, взяв, то положительное, что можно было взять от своей системы, сконцентрировал все внимание на научно-просветительной деятельности Хунты.

Члены Хунты, в которую входило двенадцать человек, собирались по вечерам каждую пятницу. Согласно правилам, которые выработал Франклин, каждый член Хунты должен был в отведенное время сформулировать и вынести на суд других членов клуба тезис или несколько тезисов по вопросам морали, политики или натурфилософии. Обсуждение преследовало одну-единственную цель – познать истину. А лучшим средством ее достижения Франклин считал товарищескую доброжелательную дискуссию без категорических выводов и обобщений. Нарушение этого требования каралось небольшим денежным штрафом.

О широком круге интересов членов Хунты свидетельствовало разнообразие вопросов, которые обсуждались на ее заседаниях. В повестке дня Хунты стояли, например, такие вопросы: «Что такое звук?», «Почему самые ученые и образованные люди не всегда бывают самыми счастливыми?», «Почему пламя свечи поднимается острием вверх?», «Что менее преступно: плохое дело при хорошем намерении или хорошее дело при плохом намерении?» и т. п.

Что касается Франклина, то он ставил перед Хунтой те вопросы, на которые сам искал ответ: «Как определить полезность написанного?», «В чем заключается счастье разумного существа?», «Что такое мудрость?», «Может ли какой-либо человек быть мудрым все время и при всех обстоятельствах?», «Есть ли различие между знанием и благоразумием? Если да, то что из них более предпочтительно?», «Что лучше: иметь другом мудрого и

хорошего человека, который беден, или богатого, который не является ни мудрым, ни хорошим?»

Франклин затрагивал и целый ряд других вопросов, ознакомление с которыми позволяет понять не только характер деятельности Хунты, но и увидеть, что беспокоило, волновало Франклина, на какие вопросы он хотел получить ответ.

Широкий круг обсуждавшихся проблем тем более показателен, что большинство членов этого клуба были мастеровыми, людьми без какого-либо специального образования. Недоброжелатели, главным образом из состоятельных граждан Филадельфии, поспешили дать им презрительное, по их мнению, название – «Клуб кожаных фартуков».

Хунта оставила большой след в жизни Франклина, и он всю жизнь поддерживал связь с членами этого клуба и каждому из первых членов его дал меткую характеристику. В Хунту вошли три товарища Франклина по работе в типографии Кеймера: Хью Мередит, Джордж Уэбб и Стефан Поттс. Среди членов Хунты были столяр, сапожник, землемер, торговый служащий, переписчик.

Это были люди разных профессий и интересов, но всех их объединяло в первую очередь стремление к знаниям, желание использовать возможности, которые давал клуб, для расширения своего кругозора.

Все члены Хунты были способными, развитыми людьми, а многие из них в полном смысле слова глубоко одаренными. Томас Годфрей был, например, способный математик-самоучка. Он изобрел астрономический прибор для измерения высоты небесных тел. В науке этот прибор известен, как квадрант Хедлея, названный так по имени известного английского астронома, вице-президента Лондонского Королевского общества Джона Хедлея (1682—1744 гг.), который значительно позже Годфрея внедрил в практику аналогичный прибор, но несколько иной конструкции.

Первоначально они встречались в типографии, потом в таверне, а позднее в доме члена клуба Роберта Грейса. По характеристике Франклина, это был «состоятельный молодой джентльмен, веселый, остроумный и великодушный, любитель пошутить и хороший товарищ».

В те времена учреждение клубов для дружеских встреч и бесед было очень распространенным явлением. В этом сказывалось влияние традиций английской общественной и культурной жизни, которое было очень значительным в североамериканских колониях Великобритании. Но все эти клубы распадались столь же быстро, как и возникали. И только Хунта, созданная Франклином, просуществовала более тридцати лет.

Она стала, по существу, предшественницей Американского философского естественнонаучного общества, созданного по инициативе Франклина. Он стал первым президентом этой организации, которая является важным научным центром США и в наши дни.

Франклин был дипломатическим представителем Пенсильвании в Англии, или агентом, как говорили в то время, когда он получил в январе 1769 года сообщение об избрании его президентом научного общества. В сообщении говорилось, что это пожизненное президентство, что каждый год общество будет переизбирать его на этот высокий пост. В том же месяце Франклин получил еще одно назначение. Провинция Нью-Джерси сообщила, что она назначила его своим агентом в Лондоне. Как писал биограф Франклина Н. Кейс, «Франклин был не только старейшина американской дипломатии, но и старейшина американской науки».

Но все это дело будущего. Франклину еще предстояло через много лет пожать плоды своей научно-организационной деятельности. А пока в первые годы существования Хунты ее члены преследовали довольно скромные цели – научное самоусовершенствование в рамках тех возможностей, которыми они располагали.

Хунта была не только научным, но и в определенной мере развлекательным учреждением. Раз в месяц в подходящее время года заседания проводились на лоне природы, как правило, в живописном месте, за рекой. Раз в год устраивала юбилейный обед с песнями и тостами.

Односторонность всегда признак ограниченности, а Франклин был многогранной личностью, которой органически присущи данные ученого поистине энциклопедического масштаба, крупного государственного, общественного и политического деятеля. И помимо этого, он был настоящим жизнелюбом, обаятельным и простым человеком, прекрасным собеседником. Ни в коей мере не соответствует действительности представление о Франклине, навеянное огромным количеством низкопробных нравоучительных писаний о его жизни деятельности. В этих работах он предстает как непоколебимый вегетарианец, стойкий трезвенник, готовый в любую минуту читать долгую и нудную мораль любому, кто в его присутствии приобщится к вину или к другим более или менее запретным радостям жизни.

В оценке личных качеств Франклина лучше всего руководствоваться его мнением, выраженным в автобиографии, в многочисленных письмах к родным и близким.

Мемуарная литература имеет свою специфику, выражающуюся в том, что важнейший критерий ее объективности – добросовестность автора мемуаров, его объективность в оценке событий, о которых он пишет, самокритичность. При пользовании любыми мемуарами необходимо делать поправки с учетом неизбежной субъективности суждений их авторов.

В данном случае поправки могут быть мимолетными. Причиной этому является не только скрупулезная честность и самокритичность Бенджамина Франклина, но и тот факт, что автобиография писалась им для сына, что также налагало определенные обязательства на автора. В отличив от многих мемуаристов, стремящихся оправдать свои поступки, Франклин много говорит о своих недостатках, ошибках, стараясь предупредить сына от повторения этих ошибок и совершения других.

Франклин-старший не преуспел в выполнении этой задачи: его сын сделал в жизни немало ошибок, и главная из них – предательство тех идеалов, борьбе за осуществление которых отдал всю свою жизнь его отец. Но более важное значение имеет то, что, поставив перед собой эту довольно скромную задачу, Франклин написал автобиографическую работу, обладающую ценнейшими достоинствами. Без этой работы практически невозможно понять сложную и противоречивую жизнь этого великого гражданина Америки.

В автобиографии и в своих письмах уже убеленный сединой Франклин тепло, с исключительной симпатией вспоминал о своей молодости, связанной с первыми годами работы Хунты. И это отнюдь не были воспоминания только о научных диспутах, трактатах, открытиях и изобретениях,

В письме одному из своих друзей, вспоминая молодые годы и встречи с друзьями молодости в Хунте, Франклин писал: «Что до меня, то я люблю компанию, болтовню, смех, рюмочку и даже песню, как и тогда, и в то же время я больше, чем раньше, склонен к серьезным рассуждениям и мудрым замечаниям в разговоре стариков; так что я уверен, что Хунта доставила бы мне такое же удовольствие, как и прежде. Я поэтому надеюсь, что она сохранится, пока мы еще можем собираться ползком». Другое письмо Франклина своему другу и активному деятелю Хунты Хью Робертсу звучит как поэтическое воспоминание о далеких, но столь приятных годах молодости. «Мы любили, – писал Франклин, – и все еще любим друг друга: мы вместе поседели, и все же расставаться еще рано. Посидим вместе, вечер жизни еще не прошел. Последние часы – всегда самые веселые».

Типограф и издатель

Вскоре после возвращения Франклина и Кеймера из Нью-Джерси прибыло оборудование, заказанное для новой типографии на деньги отца Мередита; Франклин и Мередит рассчитались с Кеймером, на этот раз расставание с хозяином не было столь бурным, как предыдущее. Определенную роль в полюбовном решении вопроса об уходе Франклина из типографии сыграло то обстоятельство, что Кеймер еще не знал, что им предстоит в недалеком будущем стать конкурентами.

Молодые предприниматели подыскали дом под свою типографию, и летом 1728 года фирма «Б. Франклин и Х. Мередит» учредила свою «Новую типографию возле рынка». В целях экономии они взяли жильца, стекольщика Томаса Годфрея с семьей. Жильцы должны были платить значительную часть арендной платы за снятый дом, а холостые хозяева типографии столовались в их семье.

Финансовая база этого предприятия практически была равна нулю, так как все имевшиеся в наличии деньги пошли на покупку массы вещей, оказавшихся необходимыми для начала нового дела. Вот почему для Франклина было столь приятно то, что не успели они распаковать литеры и наладить печатный станок, как один из его друзей привел к ним первого заказчика. Это был простой фермер, заказ которого был очень скромным: первый взнос в кассу фирмы составил всего пять шиллингов.

Но лиха беда начало. Постепенно дело налаживалось, появлялись все новые и новые заказы. Один из членов этого клуба, Джозеф Брайнтал, работавший переписчиком у нотариуса, достал для новой типографии значительный заказ – печатание сорока листов истории секты квакеров. Остальные листы этого пухлого издания печатал Кеймер. Скупые квакеры, зная стесненные обстоятельства владельцев, выторговали очень низкую плату за печатание этого труда. И тем не менее этот заказ имел важное значение для Франклина и Мередита, так как был первым большим заказом, который они получили.

С помощью друзей, в первую очередь членов Хунты, новая типография получала много мелких заказов. Но все это ни в коей мере не могло обеспечить процветание нового дела. Франклин пошел на смелый шаг, рискнув открыть третью типографию в таком небольшом городе, каким была в то время Филадельфия. Конкуренция была жесточайшая, а позиции Франклина в этой борьбе были не очень прочные. Типографии Кеймера и Бредфорда работали уже не первый год. У них уже все было налажено, их

знали в городе, и она имели постоянный круг заказчиков. Франклину и Мередиту предстояло еще завоевать доверие представителей осторожного делового мира Филадельфии, тем более что ни для кого не было секретом, что владельцы новой типографии имели много долгов. Вскоре подошло время платить по векселям. Неумолимые законы бизнеса требовали выложить наличными довольно крупную сумму или признать свое банкротство.

И вновь на выручку пришла Хунта. Роберт Грейс и Уильям Коулман, единственные состоятельные члены Хунты, не сговариваясь между собой и без какой-либо просьбы со стороны Франклина, предложили ссудить его необходимой суммой. Молодое предприятие, еще не сумевшее встать на ноги, было спасено от, казалось, неизбежного банкротства. Вспоминая эти трудные времена, Франклин писал: «В эту тяжелую минуту ко мне, независимо один от другого, пришли два истинных друга, доброту которых я никогда не забывал и не забуду, пока мне будет служить память».

Компаньон Франклина тяготился своими новыми обязанностями, его пессимистический взгляд на будущее новой типографии укреплялся но мере возникновения все новых финансовых проблем. Мередита все чаще видели в питейных заведениях, на азартными играми, нередко заказчики типографии встречали его пьяным на улицах. Такое поведение компаньона подрывало и без того шаткие позиции предприятия; и Франклин был очень рад, когда Мередит решил взять свой пай из дела, попросив компаньона покрыть сделанные им мелкие яичные долги и выплатить ему тридцать фунтов. Необходимые деньги вновь были предоставлены друзьями из Хунты, и Франклин стал в 1730 году полным хозяином типографии.

Соглашение с Мередитом было подписано по всем требованиям делового мира и скреплено печатью. Довольны были обе стороны. Франклин избавился от компаньона, который наносил большой ущерб делу, а Мередит с большим удовольствием вернулся к занятию, к которому его готовили с юных лет, – стал фермером. В компании со своими земляками из Уэллса он уехал в Северную Каролину, где с увлечением и большим успехом занялся новым делом.

Между компаньонами сохранились отличные дружеские отношения. На следующий год Мередит прислал Франклину два подробных письма, в которых с большим знанием дела рассказал о Северной Каролине, о ее климате, почве, животноводстве. По характеристике Франклина, это было очень обстоятельное и квалифицированное описание Каролины. Франклин напечатал

оба письма в газете, и они вызвали интерес у читателей.

1730 год внес еще одно важное изменение в жизнь нашего героя. Франклин женился.

Он считал одной из серьезнейших ошибок своей жизни то, что, уехав в Лондон, он, увлеченный делами да и несерьезными юношескими встречами с представительницами прекрасного пола, забыл о своей невесте, оставленной в Америке, и был удручен, когда узнал, что Дебора Рид вышла замуж. Он искренне сочувствовал ей, когда стало известно, что брак этот был неудачен. Франклин чувствовал, что была и его доля вины в неудавшейся личной жизни Деборы, и это угнетало его. Он писал: «Я продолжал поддерживать дружеские отношения с семейством Ридов… Все они были ко мне расположены еще со времени, моего первого пребывания в их доме. Меня часто приглашали и просили моего совета в делах, в чем я иногда был им полезен. Печальное положение бедной мисс Рид возбудило во мне жалость. Она была обычно в подавленном настроении и избегала общества. Ее редко видели веселой. Я считал свое легкомыслие и непостоянство во время пребывания в Лондоне главной причиной ее несчастья…»

Франклин был завидный жених: трудолюбивый, непьющий, преуспевающий в делах, пользующийся авторитетом у влиятельных граждан города, человек, к которому не считали зазорным обратиться за советом и пожилые люди. Соседские девушки с интересом посматривали на симпатичного, ладно сложенного, остроумного и общительного парня. За хорошим женихом пристально наблюдали и пытались завлечь его в сети, расставленные умело и с большим знанием дела. И как это принято в среде состоятельных мелких буржуа, брак пытались сделать как можно выгодней, дать за невестой поменьше приданого. Такие попытки имели место. И Франклин писал, что стремление избавиться от домогательств непрошеных сватов явилось одной из побудительных причин, заставивших его поторопится с решением вопроса о женитьбе.

Женился Франклин гражданским браком 1 сентября 1730 года. О своей жене он писал: «Она оказалась хорошим и верным другом… Для меня было большой удачей, что моя жена была такой же трудолюбивой и бережливой, как и я сам. Она охотно помогала мне в моем деле, складывая и сшивая брошюры, присматривая за магазином, скупая старые льняные тряпки для изготовления бумаги и т. п. Мы не держали праздных слуг, наш стол был очень простым, наша обстановка – самой дешевой. Например, в течение долгого времени мой завтрак состоял из хлеба и молока (не чая), и я ел его оловянной ложкой из глиняной двухпенсовой миски».

Представление о Франклине, как о праведнике, все интересы которого замыкались на чтении книг, научных дискуссиях и общественной благотворительной деятельности, ни в коей мере не соответствует действительности. Личная жизнь выдающегося человека нередко обрастает подробностями, достоверность которых часто бывает очень сомнительна. И в таких случаях самое надежное, если данная личность отличается честностью и объективностью, присущими Франклину, руководствоваться автобиографическими материалами. О своей молодости Франклин высказывался довольно критически: «Неукротимые страсти юношеского возраста часто толкали меня на связи с женщинами легкого поведения, которые встречались на моем пути, что влекло за собой известные расходы и большие неудобства, а также постоянную угрозу моему здоровью, особенно меня страшившую, хотя, к моему величайшему счастью, я избежал этой опасности».

Карл Дорен, описывая холостой период жизни своего героя в Филадельфии после возвращения Франклина из Англии, писал: «Снова, как и в Лондоне, главный порыв, который он не мог сдержать или не регулировал, был сексуальный». Встречи с женщинами отнюдь не праведных моральных убеждений были случайны и непрочны. «Франклин в этих случаях не был галантен, и похоже, что он не влюблялся. Он шел на эти короткие встречи с женщинами жаждущий и тщательно скрывал их».

В 1730 или в начале 1731 года у Франклина появился незаконнорожденный сын Уильям. В апреле 1750 года, девятнадцати лет от роду, он переехал в дом отца. Многочисленные охотники до скандалов, несмотря на свои отчаянные усилия, так и не смогли выяснить, кто была мать этого ребенка. Политические противники Франклина заявляли в 1764 году, что матерью была недавно скончавшаяся женщина по имени Бербэра, работавшая за десять фунтов в год экономкой в доме Франклина. По их утверждениям, эта женщина была похоронена тайно, в неизвестном месте.

Выдвигалась и версия о том, что матерью Уильяма была Дебора Рид. Дорен писал, что в августе 1730 года, когда Франклин принял решение жениться на Деборе, он мог знать, что Бербэра или какая-то другая женщина ждала от него ребенка. С учетом этого надо было соответствующим образом решать вопрос о женитьбе на Деборе, чтобы не вызвать ее законного гнева, когда она позднее узнает обо всем. Если же, выдвигал Карл Дорен другой вариант, матерью ребенка была Дебора, то положение ее было еще более сложным. Официального извещения о смерти гончара Роджерса, мужа Деборы, не было. В этих условиях

Дебора, родив ребенка от другого мужчины, могла быть обвинена в двоебрачии. Тогда был неминуем грандиозный скандал. Лучшим выходом из положения было объявить, что отцом ребенка являлся Франклин, а матерью – неизвестная женщина. «Мужественный философ мог взять на себя всю вину. И он взял ее. Сын Франклина, рожденный неизвестной матерью, жил в новом доме под именем Уильяма Франклина, возможно незаконнорожденный, но признанный и нежно любимый. Дебора могла иметь причину быть благодарной своему мужу, а могла и просто простить. Сейчас это невозможно установить…»

Версия о том, что Дебора – мать Уильяма, довольно сомнительна. Есть сведения о том, что после переселения Уильяма в дом Франклина, отношения незаконнорожденного сына с Деборой были настолько напряженными, что во время одного из конфликтов она даже заявила, что он «величайший на земле злодей». Свидетель этой сцены утверждал, что сказано это было с такой «бранью, в таких отвратительных выражениях, которых я никогда ранее не слышал от воспитанной женщины». Франклин вынужден был пойти на то, чтобы сын, после того как он подрос, переехал жить в другое место. Постепенно отношения между Деборой и Уильямом улучшились, и она стала даже навещать его. Франклин писал в связи с этим своей супруге: «Я очень рад, что ты иногда посещаешь Берлингтон. Гармония в нашей семье и между нашими детьми доставляет мне большое удовлетворение». Уильям также писал отцу, что он с женой «посетил свою мать», и свои письма Деборе он подписывал: «Ваш всегда покорный сын». Во время похорон Деборы Уильям был «главным плакальщиком», и то, что это не было простой данью этикету, свидетельствует письмо Уильяма отцу, в котором он нежно писал о «моей бедной старой матери».

Но вернемся к 1730 году, когда «юная вдова, если она была ею, переехала в дом возле рынка как жена Франклина». Вместе с супружеской парой жила теща, и никто из них и из их друзей не мог сказать, что молодая чета вела себя в чем-либо не так, как нужно. Семья была дружная и спокойная. «Дебора, – писал биограф Франклина, – была крепкой, статной, яркой женщиной, не очень образованной и иногда резкой. Она проявляла мало интереса к занятиям мужа и к его размышлениям, но она была предана ему, бережлива и благоразумна».

Вероятно, последние из перечисленных качеств особенно помогли Франклину в тот сложный период самоутверждения в суровом и безжалостном деловом мире.

С самого начала новая типография, как и положено в мире бизнеса, столкнулась с ожесточенной конкурентной борьбой, в

ходе которой не всегда выдерживала испытания даже крепкая дружба, которой были связаны члены Хунты.

Франклин имел неосторожность рассказать Джорджу Уэббу, коллеге по работе в типографии Кеймера и члену Хунты, о намерении начать издание в Филадельфии газеты.

Франклин не преминул предупредить Уэбба, что тот должен держать в секрете все услышанное от него. Однако от Франклина Уэбб направился к Кеймеру и передал ему весь разговор. Стремясь опередить Франклина, Кеймер объявил об организации газеты и предложил Уэббу работать в ней. Так Франклин еще раз убедился, что в деловых вопросах гласность не лучшее средство для успешного ведения дел.

Франклин был еще молодым предпринимателем и не усвоил той истины, которую позднее в своем знаменитом «Альманахе. „Бедного Ричарда“ сформулирует очень четко: „Трое могут сохранить секрет, если двое помрут“.

Дела Кеймера шли неважно. Он не имел опыта редактирования и издания газеты, не было у него и способностей, необходимых для успешного ведения столь трудного дела. Стремясь рассчитаться с Кеймером, Франклин заключил союз с Бредфордом и опубликовал в его газете серию юмористических рассказов, в которых высмеивал начинание Кеймера. Рассказы эти пользовались большим успехом у читателей, и газета Кеймера влачила жалкое существование. В конце концов Кеймер вынужден был сдаться на милость победителя. Он предложил Франклину купить газету за ничтожную цену. «Я был к этому времени уже в состоянии издавать собственную газету, – писал Франклин, – и немедленно принял его предложение. Через несколько лет эта газета стала приносить большой доход». 27 сентября 1729 года все права на газету перешли к Франклину и Мередиту, который был еще его компаньоном. Так была одержана первая важная победа на фронте конкурентной борьбы с издателями.

Если Франклин в шестнадцать лет издавал газету, которая вызывала, большой интерес у читателей, то на этот раз его газета быстро завоевала популярность среди самых широких кругов жителей Пенсильвании. Стремительно росло число подписчиков, и, что важно было для успешной конкурентной борьбы, – среди них были именитые люди города.

В первую очередь Франклин изменил название газеты. Издание Кеймера называлось «Всеобщий наставник во всех искусствах и науках, или Пенсильванская газета» и выходило раз в неделю объемом в лист. Франклин и Мередит переименовали ее в «Пенсильванскую газету», которая выпускалась объемом в поллиста не один, а два раза в неделю, что было новшеством для

Америки. Когда практика подсказала, что такое издание не оправдывает себя, Франклин вновь превратил свое издание в еженедельник. Очень скоро Франклин нанес и Бредфорду удар сокрушительной силы. Члены палаты провинции Пенсильвания обратили внимание на высокое качество печати в типографии Франклина и поручили ему печатать законы, избирательные бюллетени и все другие материалы палаты. Это было выгодно материально, а кроме того, означало официальное признание газеты.

В 1732 году Франклин получил исключительно выгодный заказ на печатание бумажных денег для провинции Делавэр. Заказ был блестяще выполнен, что упрочило материальное положение фирмы и, кроме того, обеспечило Франклину выполнение заказов правительства провинции на протяжении всего периода его работы в качестве типографа, Франклин выполнял заказы и правительства провинции Нью-Джерси.

Он не был обычным типографом, занимавшимся печатанием работ исключительно из коммерческих соображений. Первой книгой, которую напечатала молодая фирма в 1729 году, были «Псалмы Давида» Уоттса. Это был автор, от работ которого Франклин был в восторге и чтил его всю жизнь. Отрывки из лирических стихотворений Уоттса Франклин декламировал за несколько часов до смерти. Молодой хозяин типографии не питал никаких иллюзий на тот счет, что напечатанная книга вызовет интерес у лавочников, купцов и ремесленников Филадельфии, будет быстро раскуплена и принесет ему прибыль. Он понимал, что серьезные книги не могут быстро расходиться, но это не означало, по его мнению, что их не надо было печатать.

Разумеется, Франклин ни в коей мере не был филантропом в типографском бизнесе. Как всякий деловой человек, он прекрасно понимал, что неумолимые законы конкурентной борьбы требуют, чтобы издания были прибыльными. И со всей присущей ему энергией и умением типографа экстра-класса он всегда стремился к рентабельности в своем деле и немало преуспел в этом.

Как писал биограф Франклина Пауль Форд, созданная Франклином газета была «поразительно прибыльным по тем временам изданием». Вторым партнером Франклина по ее изданию был Давид Холл. Когда Франклин отошел от бизнеса, с тем чтобы всецело заняться научными исследованиями, Дэвид Холл выкупил его долю и стал единственным владельцем газеты. С 1748 по 1766 год газета дала 12 тысяч фунтов прибыли в пенсильванской валюте от подписки и 4 тысячи фунтов от объявлений. Франклин заложил столь прочный фундамент этого издания, что газета процветала многие годы и издавалась до 1821

года, дольше, чем любая другая газета Америки.

Франклин стремился сделать свою газету интересной и полезной для самых широких слоев населения. И он не мог не учитывать в своей издательской деятельности, что уже в то время Америка была районом массовой иммиграции. В Пенсильвании, в частности, проживало много немцев, совершенно не владевших английским языком. Тенденция к росту иммиграции, в частности немецкой, прослеживалась с каждым годом все более четко. Следствием этого было усиление роли иммигрантов в экономической, общественной, политической и других сферах жизни колоний. И Франклин принимает решение охватить своей издательской деятельностью немецких иммигрантов в Пенсильвании. Спустя три года после покупки газеты у Кеймера Франклин намечает издание газеты для немецких иммигрантов. В последующие годы он опубликовал на немецком языке ряд памфлетов.

Как и во всем, за что брался Франклин, он был новатором и в издательском деле. Церковь была в те времена мощной и влиятельной силой; на общественную и политическую жизнь колоний накладывало сильный отпечаток то, что значительная часть иммигрантов покинула свою родину по религиозным мотивам. Во всяком случае, процент работ религиозного содержания, издававшихся в Америке, был значительным.

Франклин довольно решительно выступил против в той традиции. Из коммерческих соображений он не отказывался от печатания работ религиозного содержания. Так было, в частности, с историей секты квакеров, но он свел до минимума публикацию работ по религиозной тематике.

Для Франклина типография, издательское дело были не только бизнесом, средством существования. Он был человеком науки и использовал свою профессию в интересах развития и популяризации науки в Америке. В 1741 году в типографии Франклина был напечатан ранний американский медицинский трактат. Два первых в Америке памфлета против рабства также были напечатаны в его типографии. Франклин уже в первые годы своей издательской деятельности пошел на риск публикации двух небольших томов американской поэзии. Это действительно был определенный риск, так как колонии были страной не поэтов, а деловых людей, и нельзя было рассчитывать на хороший спрос таких изданий. Франклин перепечатал стихи и ряда европейских поэтов. В 1744 году Франклин опубликовал произведение Ричардсона «Памела» – первый роман, напечатанный в Америке. Еще в 1735 году Франклин издал первый в Америке перевод с латинского языка.

Самым большим успехом в издательской деятельности Франклина была публикация «Альманаха „Бедного Ричарда“. Это издание было начато в 1732 году и продолжалось двадцать пять лет. Франклин писал о нем; „Я старался сделать его одновременно занимательным и полезным“.

В «Альманахе» было все: календарь на предстоящий год, рассказы о знаменательных событиях, советы по хозяйству, медицинские рекомендации, география в самой популярной и занимательной форме, многочисленные пословицы и поговорки. Франклин писал, что эти пословицы и поговорки содержали мудрость многих поколений и народов. Ученые пришли к выводу, что авторство Франклина распространялось не больше чем на десять процентов этих пословиц и поговорок. Но его заслуга заключалась в том, что из фольклора многих стран и народов он сумел отобрать самое важное, интересное, привлекающее внимание самого широкого круга читателей.

Демократическая направленность этого издания подчеркивалась в самом названии – все повествование, все советы шли от имени «*Бедного* Ричарда», – простого человека из народа, не очень образованного, но умного и лукавого, умудренного большим жизненным опытом. Возникновение в Америке юмористической литературы было связано с авторской и издательской деятельностью Бенджамина Франклина. Все содержание «Альманаха», как солнечным светом, пронизано шуткой, юмором, оптимизмом, что также являлось важной причиной огромного успеха этого издания. «Альманах» расходился невиданными по тем временам тиражами, достигавшими 10 тысяч экземпляров в год, и приносил большой доход.

Франклин всегда стремился к тому, чтобы все, чем он занимался, давало практическую отдачу, приносило пользу. Таков был критерий его подхода к науке, общественной и государственной деятельности, к издательской и авторской работе. Он глубоко верил в то, что просветительская деятельность может сыграть важную роль в улучшении нравов, в решении проблем, важных для широких народных масс. Большую популярность «Альманаха» Франклин использовал, как он писал, «для наставления простого народа, который едва ли покупал какие-либо другие книги».

Через «Альманах» он популяризировал те добродетели, которые, по его мнению, могли решить все основные проблемы трудового человека: трудолюбие, бережливость как средство достижения благосостояния, трезвенность, честность и т. п. У Франклина выработался классовый, если так можно сказать,

подход к вопросу о практическом применении этих добродетелей в жизни. Устами «Бедного Ричарда» он, например, заявлял, что человеку, испытывающему нужду, труднее поступать всегда честно: «Пустому мешку нелегко стоять прямо».

Стремление выбиться в люди, прочно стать на ноги, завести собственное дело – вот какие идеалы владели умами основной массы колонистов в те, да и в значительно более поздние времена. Жизненный путь Франклина был, с этой точки зрения, самым лучшим эталоном: от бедности, граничащей с нищетой, благодаря своему трудолюбию, бережливости и другим положительным личным качествам – к материальному благополучию, славе, почету и бессмертию. Правда, было одно существенное обстоятельство – Франклин был человеком редкостных дарований и целеустремленности. Такие личности во все времена и, как правило, при всех обстоятельствах добиваются того, что не дано простым смертным.

Во всяком случае, добившись столь многого в жизни, Франклин имел полное моральное право на поучение, на то, чтобы, основываясь на своем личной опыте, помочь другим в решении житейских проблем.

В 1757 году Франклин собрал и свел воедино все пословицы и поговорки, разбросанные в многочисленных изданиях «Альманаха». Это была квинтэссенция жизненной мудрости, евангелие делового человека, в юмористической форме изложенные советы, как добиться в жизни материального благополучия, счастья.

Все газеты Американского континента подхватили это издание. Сборник получил исключительно широкое распространение в Англии, его перепечатывали на больших листах и вывешивали в домах на видном месте для всеобщего обозрения. Два перевода были сделаны во Франции. Через двадцать пять лет это издание под названием «Учение добродушного Рихарда» вышло в России и неоднократно потом переиздавалось.

Пословицы и поговорки, собранные в этом сборнике, наглядно отражали взгляды автора, ту мораль, которую он хотел привить своим читателям. «Праздность подобна ржавчине, она изнуряет больше, чем труд. Ключ, находящийся в употреблении, всегда отполирован до блеска», «Лень движется так медленно, что бедность догоняет ее», «Кто хочет приобрести здоровье, богатство и благоразумие, должен ложиться рано и вставать с зарей», «Деятельность порождает благосостояние. Господь не отказывает тем, кто трудится», «Не оставляйте до завтрашнего дня то, что можно сделать сегодня», «Кошка в рукавицах мышей не ловит»,

«Вода, падая по капле, пробивает камень», «У работающей пряхи всегда есть рубашка», «Три переезда равны одному пожару», «Не смотреть за работником – равносильно тому, чтобы отдать в его распоряжение свой кошелек», «В делах мирских не вера спасает, а неверие», «Не спеши покупать дешевые вещи. Глупо тратить деньги на покупку раскаяния», «Умные учатся на ошибках других, а дураки не становятся умнее от своих собственных», «Земледелец на ногах – выше дворянина на коленях», «Большому кораблю – большое плавание. Маленькая лодка должна держаться берега», «Рассудок наказывает того, кто его не слушается».

Как свидетельствуют приведенные выдержки из высказываний «Бедного Ричарда», Франклин высмеивал бездельников, тунеядцев, болтунов. В этих афоризмах четко прослеживалась и мораль буржуазного общества, подчеркивались преимущества третьего сословия над дворянством, над привилегированной знатью.

Франклин никогда не боялся работы, не стремился переложить на плечи ближнего работу потяжелее. Когда они с Мередитом открыли собственную типографию, то Франклин взял на себя самую трудоемкую и ответственную часть работы – набор текста. Он набирал по листу в день, что было очень значительной нагрузкой. Причем не уходил из типографии, пока не выполнял установленной для себя нормы.

Такое трудолюбие было быстро замечено окружающими и в немалой степени способствовало укреплению авторитета молодого типографа в деловом мире Филадельфии. Вскоре после того, как Франклин стал единоличным хозяином типографии, он открыл небольшую лавочку писчебумажных принадлежностей и приступил к торговле всевозможными бланками, бумагой, пергаментом, книгами для торговых записей. «Чтобы показать, что я не брезгаю своим делом, – писал он в автобиографии, – я иногда привозил домой бумагу, купленную мной в магазине, на тачке. Я слыл трудолюбивым и преуспевающим молодым человеком, аккуратно платящим по счетам. Купцы, ввозившие канцелярские принадлежности, просили у меня заказов; другие предлагали снабжать меня книгами, и дела мои шли прекрасно».

Деятельность Франклина-типографа являлась наглядным примером тех нравов, которые господствовали в деловом мире Америки. В начале своей автобиографии он с большой теплотой вспоминал, как сердечно, радушно приняли его в первые дни пребывания в Филадельфии типографы – отец и сын Бредфорды. Но когда Кеймер, наконец, разорился и уехал на Барбадос, где и умер через несколько лет, в Филадельфии осталось только два типографа – Бредфорд и Франклин. Тогда и началась между ними

борьба не на жизнь, а на смерть. Бредфорд заведовал в городе почтовой конторой, его типографию лучше знали, и поэтому издаваемая им газета получала значительно больше объявлений, чем газета Франклина, а объявления были очень важным источником дохода. Как заведующий почтой Бредфорд запретил почтальонам развозить подписчикам газету Франклина, и последнему пришлось подкупить почтальонов, чтобы они делали это тайно. «Я находил его поведение, – писал Франклин, – настолько низким, что впоследствии, оказавшись в его положении, старался ему не подражать».

С 1743 года в типографии работал новый подмастерье, шотландец Дэвид Холл. Спустя пять лет Франклин пригласил его в компаньоны. Холл занимался всеми делами типографии и аккуратно выплачивал своему компаньону причитающуюся ему долю прибыли. Это сотрудничество продолжалось восемнадцать лет, пока Холл не выкупил типографию и не стал ее единоличным хозяином.

Еще в 1739 году Франклин впервые послал одного из своих преуспевающих подмастерьев на самостоятельную работу. В тот год в городе Чарлстоне понадобился печатник. Франклин снабдил своего подмастерья печатным станком, шрифтами и отправил в далекую Южную Каролину. По заключенному соглашению бывший подмастерье выплачивал ему треть получаемой прибыли при условии, что Франклин погашал треть его расходов. Подобные соглашения Франклин вскоре заключил еще с несколькими своими наиболее квалифицированными подмастерьями. Таким образом, в Нью-Йорке, в Вест-Индии и в нескольких других местах появились своеобразные дочерние предприятия Франклина. И отовсюду он получал треть прибыли. Это уже был бизнес с американским размахом. Франклин утвердился в числе солидных предпринимателей Филадельфии.

Приступив к изданию «Пенсильванской газеты», Франклин широко использовал положительный опыт, приобретенный его братом и ни при издании газеты в Бостоне. Вокруг газеты Франклина в Бостоне быстро сложился круг авторов, благодаря которому удалось сделать газету не только интересной, но и полезной для широких кругов читателей. По этому проторенному пути Франклин пошел и в Филадельфии. Как только стала издаваться «Пенсильванская газета», он обратился к читателям с предложением принять самое активное участие в ее работе. И это не были пустые слова, Франклин всегда с большой готовностью публиковал в своей газете самые различные корреспонденции, в том числе а многочисленные материалы, поступающие из отдаленных районов.

Франклин был обходительным, деликатным человеком, он никогда не задевал самолюбия собеседников, всегда считал, что при возникновении спора необходимо внимательно выслушать обе спорящие стороны вне зависимости от своих симпатий и антипатий. Этих принципов Франклин придерживался и как издатель, что в немалой степени способствовало быстрому и прочному успеху «Пенсильванской газеты» сначала в Филадельфии и провинции Пенсильвания, а вскоре и далеко за их пределами.

Франклин понимал, что, оставаясь на принципиальных позициях, невозможно обойтись без того, чтобы не задеть интересы той или иной группы лиц. И, публикуя материалы, особенно по политическим вопросам, он смело шел на обострение отношений с теми, чью позицию не считал правильной. Это были неизбежные издержки работы издателя и в первую очередь издателя газеты, как самого боевого, оперативного печатного органа.

Франклин вел большую разъяснительную работу среди своих читателей, стараясь познакомить их со спецификой газетной и издательской работы. Он писал на страницах своей газеты, что кузнец, плотник, сапожник – представитель любого ремесла – может работать для людей самых различных убеждений и не портить с ними отношений. Торговец также может производить товарообмен с кем угодно без риска обострить отношения со своими партнерами. Прямо противоположна с этой точки зрения деятельность издателя, который, высказывая свое мнение по какому-либо острому вопросу, всегда должен быть готов к тому, что его заявление вызовет самую резкую оппозицию со стороны определенных кругов.

«Издавая свою газету, – писал Франклин в автобиографии, – я тщательно избегал всяких клеветнических и личных выпадов, которые позднее сделались столь постыдным явлением в нашей стране. Когда меня просили поместить в моей газете материалы этого рода, причем авторы обычно ссылались на свободу печати и утверждали, что газета должна быть подобна почтовой карете, в которой всякий, кто в состоянии заплатить, может занять место, я отвечал, что, если угодно, я могу напечатать это произведение отдельно, в количестве стольких экземпляров, сколько автор пожелает сам распространить; но что я отказываюсь заниматься распространением его клеветы и что, заключая контракт с моими подписчиками, снабжать их тем, что или полезно, или занимательно, я не могу наполнять свою газету частной перебранкой, которая их не касается, ибо в таком случае совершу явную несправедливость».

Как писал биограф Франклина Карл вал Дорен, он «был больше чем печатник. Франклин был лучшим писателем Америки». Если учесть, что значительную часть материалов, публиковавшихся в газете, писал или редактировал сам Франклин, то надо сделать вывод, что с литературной точки зрения его газета была на голову выше любого издания, публиковавшегося в то время в Америке.

Позднее, отойдя от активной работы в типографии и посвятив все свое время научной и общественно-политической деятельности, Франклин не потерял интереса к типографскому производству. В 1753 году он, например, обращается к своему агенту в Лондоне с просьбой прислать новое оборудование, с тем чтобы реализовать очередное изобретение, задуманное Франклином в типографском деле.

Он тщательно следил за всем новым, что появлялось в типографском и издательском деле. Когда Кадволд Колден предложил идею печатать со стереотипа и информировал Франклина об этом, последний провел серию экспериментов, чтобы проверить ценность этого изобретения. И, очевидно, позднее, когда Франклин был в Париже, он поделился этой идеей с другими книгопечатниками.

Франклин на протяжении всей своей жизни поддерживал контакты с крупнейшими типографами и издательствами. Он переписывался с Джоном Уолтером, который позднее прославился как основатель знаменитой лондонской газеты «Таймс». Франклин писал Уолтеру, что ознакомился с его трудами по вопросам книгопечатания и разделяет высказанные им новые идеи. Поддерживал он дружеские отношения и со знаменитым английским типографом Джоном Баскервиллом.

В 1743 году Франклин на деловой основе познакомился с другим известным английским книгопечатником, ставшим впоследствии королевским печатником и членом парламента, – Уильямом Стрехэном. Во время второго визита в Лондон это знакомство переросло в дружбу, и столь тесную, что они решили породниться, выдав дочь Франклина замуж за сына Стрехэна.

Уже глубоким стариком, отправившись с дипломатической миссией во Францию, Франклин и там создал маленькую типографию, где печатал небольшие пародии и произведения своих друзей. Он привез из Франции в Америку оборудование для типографии, которую создал для своего внука, чтобы тот мог посвятить себя «профессии типографа – первоначального занятия его деда».

Какие бы высокие и почетные посты ни приходилось ему занимать, он всегда с гордостью называл себя типографом. Свое

завещание он начал со слов: «Я, Бенджамин Франклин, типограф, позднее полномочный представитель Соединенных Штатов Америки при французском дворе, а в настоящее время президент штата Пенсильвания…» По его просьбе, изложенной в завещании, «типографы города со своими подмастерьями и учениками» получали право занять почетное место в его похоронной процессии.

Франклин, стоявший у истоков американской журналистики и издательского дела, с исключительной серьёзностью относился к своей деятельности в этих сферах. Особенно ответственной он считал работу издателя газеты. По его мнению, газета должна была служить не только информационным органом по вопросам внутреннего и международного положения, но и играть важную роль в воспитании общественности, в формировании общественного мнения.

Позиция Франклина, его взгляды на роль газеты в общественной и политической жизни были приятным и очень редким исключением. Уже в то время для американской печати были характерны те нравы и традиции, которые Марк Твен много позднее увековечил в своих сатирах.

«Я начал подумывать о деятельности на общественном поприще»

Эти слова Франклина относятся к периоду конца тридцатых годов, когда он, уже будучи почтмейстером Филадельфии, приступил к осуществлению ряда проектов, направленных на благоустройство города. Если брать понятие «общественная деятельность» в широком смысле слова, то начало этой деятельности надо перенести на значительно более ранний период. Уже создание Хунты явилось важным достижением Франклина в этой области. По его предложению члены Хунты снесли в комнату, отведенную Грейсом для заседаний клуба, свои книги и создали небольшую библиотечку, которой мог пользоваться каждый из членов Хунты. Однако спустя год библиотека прекратила свое существование, и книги разобрали владельцы.

Тогда Франклин и выдвинул свой первый общественный проект – создание библиотеки по подписке. И опять пришла на помощь Хунта, члены которой нашли пятьдесят подписчиков, внесших по сорок шиллингов вступительного взноса. Ежегодно взнос подписчиков в дальнейшем составлял десять шиллингов. Позднее число членов общества увеличилось до ста.

Соглашение об учреждении библиотеки по подписке было заключено 1 июля 1731 года. Имя Франклина стояло, на первом месте среди учредителей, собравшихся 8 ноября 1731 года, чтобы обсудить вопросы, связанные с будущей работой библиотеки. Удалось добыть сорок пять фунтов для покупки книг. Деньги и тщательно продуманный список книг, которые следовало закупить, были посланы в Лондон Питеру Коллинсону – торговцу-квакеру, связанному с Америкой. Книги прибыли в Филадельфию в октябре 1732 года. Среди полученной литературы были работы по юриспруденции, математике, астрономии, медицине, натурфилософии, многочисленная художественная литература.

Библиотекой могли пользоваться все «воспитанные джентльмены», но брать книги на дом могли только подписчики. По предложению Франклина был составлен и отпечатан каталог библиотеки, который получили все подписчики. Обязанности библиотекаря исполнялись по очереди, три месяца был библиотекарем и Франклин. Вначале библиотека находилась в доме Грейса, потом Уильяма Персонса, пока в апреле 1740 года по петиции Франклина, в то время клерка Ассамблеи Пенсильвании, ей не было предоставлено постоянное помещение

в доме правительства провинции.

И в последующие годы Франклин относился к своему детищу с большой заботой и вниманием. В 1760—1765 годах он был агентом этой библиотеки в Лондоне.

Значение этого начинания Франклина далеко вышло за рамки просветительства. Он имел полное основание заявить на склоне лет, что это общество «явилось родоначальником всех североамериканских библиотек по подписке, столь многочисленных в настоящее время. Это было большое событие, и значение его с течением времени все возрастало. Эти библиотеки расширили кругозор американцев, сделали обычных торговцев и фермеров столь же развитыми, как большинство джентльменов в других странах, и, может быть, в некоторой степени способствовали возникновению того сопротивления, которое оказали все наши колонии, защищая свои привилегии».

С этим высказыванием Франклина нельзя не согласиться. Революционный взрыв в Америке не был стихийным актом возмущения колонистов засильем британской короны. Революция могла начаться благодаря тому, что наряду с вызреванием ряда условий, приведших к революционной ситуации, передовыми умами Америки проводилась определенная общественно-политическая работа, направленная на мобилизацию всех сил, способных в той или иной степени к борьбе за освобождение колоний. Исключительно важную роль в распространении новых идей сыграли библиотеки по подписке, число которых к началу революции 1775—1783 годов было уже значительным.

При создании библиотеки Франклину пришлось столкнуться с определенными трудностями и даже враждебной реакцией некоторых из числа людей, которых он пытался завербовать в число подписчиков. Очень скоро Франклин заметил, что в целом ряде случаев столь отрицательная реакция была вызвана тем создавшийся ложным впечатлением, что он как инициатор этого начинания возвышается над окружающими. Тогда он изменил тактику. «Я, – вспоминал Франклин, – стал по возможности держаться в тени и представлять свой проект как замысел *многих друзей,* которые попросили меня обойтя тех, кого они считали любителями чтения, и предложить его им. После этого дело пошло более гладко».

Впоследствии Франклин довел этот прием до совершенства и успешно использовал его при решении других общественных начинаний.

В своей газете Франклин ратовал за благоустройство города. Филадельфия, как и прочие города Америки того времени, была скорее большой и неустроенной деревней. Отбросы зачастую

выбрасывались прямо на улицы, на которых зимой и осенью можно было увязнуть в грязи, а летом задохнуться от пыли. Настоящим бедствием были пожары, особенно в жаркие летние месяцы. В городе не было пожарной команды; и если начинался пожар, то каждый спасал свое имущество, не заботясь о том, чтобы предотвратить распространение огня. Нередко выгорали целые кварталы, гибли люди, уничтожались большие материальные ценности.

Серьезной проблемой был вопрос об охране порядка и имущества горожан. Все горожане по очереди несли специальную повинность, помогая ночью немногочисленным полицейским охранять город от воров. Повинность эта была хлопотливая и тяжелая. Стало традицией откупаться от нее, предоставляя деньги полицейским, которые нанимали себе в помощники на ночные часы кого попало, и часто среди таких платных блюстителей порядка оказывались бандиты и налетчики.

Франклин начал с организации охраны города. Он написал доклад для Хунты, в котором предлагал обложить всех граждан специальным налогом, в зависимости от величины их дохода, для того, чтобы содержать постоянную стражу. Хунта одобрила предложение Франклина, которое после этого было передано на рассмотрение в другие клубы. Причем сделано это было осторожно, чтобы создалось впечатление, будто мысль эта в каждом клубе родилась самостоятельно.

Так была проведена необходимая подготовка общественности к введению новой системы охраны общественного порядка. А через несколько лет, когда окрепли позиции клубов, созданных под влиянием Хунты, был принят закон, в который вошли все основные положения доклада Франклина.

Аналогична история другого его начинания – создания пожарных команд. Так же как и в случае с организацией общественного порядка, Франклин сделал на заседании Хунты доклад о необходимости создать службу по борьбе с пожарами. Позднее Франклин опубликовал этот доклад для массового ознакомления с ним жителей Филадельфии. Он предлагал создать то, что теперь называют добровольной пожарной дружиной. На общие средства покупался противопожарный инвентарь, жители города обучались приемам борьбы с огнем. Вслед за пожарной командой, созданной Франклином, появилось множество других команд, в которые вошли фактически все горожане, владевшие каким-либо имуществом.

Спустя пятьдесят лет после организации в городе первой пожарной команды Франклин с удовлетворением отмечал, что ни один город в мире не имел столь хорошей системы

противопожарной охраны, как Филадельфия. За полстолетия, прошедших после организации этих пожарных команд, Филадельфия ни разу не теряла от пожара больше одного-двух домов.

Все, что делалось Франклином, казалось удивительно простым и естественным: создать библиотеку по подписке, обложить горожан налогом для организации охраны общественного порядка, создать пожарную команду. Но заслуга Франклина заключалась в том, что он первым осознал необходимость всего этого и приложил немалые усилия, чтобы убедить своих сограждан в выгодности этих начинаний и воплотить свои предложения в жизнь.

Придя к выводу о полезности какого-либо предприятия, Франклин приступал к претворению их в жизнь. Сделать это зачастую было очень непросто. Взять, например, такую, на первый взгляд, простую проблему, необходимость разрешения которой казалась очевидной, – мощение и уборка улиц города.

Франклин жил около рынка и был постоянным свидетелем того, что в дождливое время года горожане пробирались к рынку по щиколотку в грязи, с огромными усилиями форсируя грязные и залитые водой улицы, примыкающие к рынку. В сухую погоду все задыхались от пыли, поднимаемой многочисленными экипажами и прохожими. Франклину удалось, преодолев большие трудности, организовать общественные работы, замостить ближние подступы к рынку.

Уборка улиц была сложной проблемой, решение которой также принадлежит Франклину. Вначале он провел эксперимент. Наняв за небольшую плату человека, Франклин уточнил, сколько времени требуется для уборки одной улицы и сколько это может стоить. И только после этого он опубликовал в своей газете статью, в которой с присущей ему практичностью доказал жителям своего квартала, что за ничтожную плату они получат очень большую выгоду. Станет легче содержать в чистоте дома, так как с улицы они будут меньше приносить грязи. Лавочники значительно увеличат свои доходы, потому что покупателю будет легче добраться по чистой улице до их лавок и потому, что в ветреную погоду пыль не будет садиться на их товары. В статье приводились и другие неопровержимые аргументы в пользу предложения Франклина. В каждый дом он послал по одному экземпляру этой статьи, а спустя день-два Франклин стал обходить соседей, чтобы выяснить, кто поддерживает это предложение и внесет небольшую сумму для общественной уборки улицы. Так воцарились чистота и порядок на улице возле рынка. Место это было бойкое, часто, посещаемое, и молва о

нововведении Франклина быстро распространилась по городу, найдя многочисленных подражателей.

Начинание Франклина подготовило умы к решению вопроса в масштабах всего города. Через некоторое время Франклин составил билль о мощении улиц и внес его в Ассамблею. Это было перед отъездом Франклина в Англию, в 1757 году, и приняли билль уже тогда, когда его не было в Филадельфии, причем одновременно был решен и вопрос об освещении улиц города. Франклин изобрел специальный фонарь для освещения улиц, который широко использовался не только в Филадельфии, но и в других городах.

С именем Франклина связано и создание первой в Филадельфии благотворительной больницы. Он писал в своих записках, что идею построить эту больницу приписывали ему ошибочно. Автором ее был близкий друг Франклина доктор Томас Бонд, который выдвинул эту идею в 1751 году. Но бесспорно то, что Франклин сыграл решающую роль в ее реализации. Бонд не имел средств для постройки больницы и решил по примеру Франклина объявить подписку. Но осторожные и недоверчивые горожане не спешили открывать свои кошельки для доктора Бонда. «Наконец, – писал Франклин, – он пришел ко мне с любезным заявлением, что убедился в невозможности провести в жизнь какой-либо проект, направленный на пользу общества, без моего участия. „Ибо те, – сказал он, – к кому я обращаюсь с предложением сделать взнос, часто спрашивают меня: „Вы советовались но этому делу с Франклином? Что он думает об этом?“ И когда я отвечаю что нет, полагая, что это не по, вашей части, они не подписываются и говорят, что еще подумают об этом“.

Убедившись в большом значении начинания Бонда, Франклин принял самое деятельное участие в реализации его предложения. И вновь он использовал для подготовки общественного мнения свою газету. Дело это оказалось значительно более трудным, чем решение, например, вопроса о мощении и уборке улиц. Положение осложнялось тем, что надо было убедить сельские районы в полезности для них этого предприятия и главное – заставить раскошелиться отцов города, заседавших в Ассамблее, так как подписка не могла обеспечить всех необходимых средств.

Франклин начал осаду Ассамблеи по всем правилам. Он внес билль, составленный столь искусно, что тот, кто его отвергал, превращался в глазах общественного мнения в противника начинания, имевшего исключительно важное значение для самых широких кругов горожан. В нужный момент Франклин сделал

новый поворот, поставив вопрос так, что члены Ассамблеи, выступавшие против билля, поддержав его, могли прослыть филантропами, не израсходовав при этом ни пенса из своих личных средств. Это был соблазн, против которого уже никто не мог устоять.

Все препятствия были устранены. «Вскоре, – писал Франклин на склоне лет, – было построено удобное и красивое здание. Опыт показал, что это учреждение полезно, оно процветает до сего дня. Среди всех моих политических маневров я не помню ни одного, успех которого доставил бы мне большее удовольствие, и ни одного, в котором бы я, вспоминая о нем впоследствии, так легко простил себе применение некоторой хитрости».

Франклин был убежденным и горячим поборником распространения среди населения всего нового, что появлялось в медицине, практическое использование чего могло укрепить здоровье людей, снизить смертность населения. Пропаганда медицинских знаний в то время была занятием не только трудным, но и отнюдь не безопасным. Глубоко укоренившиеся предрассудки ломать было трудно и часто рискованно. Например, попытки прививать оспу вызывали, как и в других странах, стихийные взрывы протеста, дело доходило и до физических расправ с эскулапами. Законодательные и исполнительные власти колоний нередко демонстрировали в этих вопросах не более высокий уровень сознательности и понимания, чем полуграмотные массы лавочников и ремесленников. Законодатели провинции Массачусетс, например, увековечили свое имя варварской акцией – законом, запрещавший оспопрививание.

Франклин всеми имевшимися у него средствами боролся с подобными невежественными действиями. В 1736 году в четырехлетнем возрасте умер один из его сыновей. По городу поползли зловещие слухи, что причиной его смерти явилась прививка оспы. Франклин немедленно опубликовал в «Пенсильванской газете» опровержение. Он писал, что ни в коей мере не соответствуют действительности слухи о том, что его сын заразился оспой от прививки. В опровержении говорилось, что после смерти сына Франклина многие отказались делать прививки от оспы. В связи с этим Франклин писал, что его сыну не делали прививку, а заразился он обычным путем. К этому времени Франклин был в Филадельфии достаточно известным и авторитетный человеком, и его мнение о прививках было не безразлично читателям «Пенсильванской газеты». Вот почему свое опровержение он заканчивал словами: «По моему мнению, прививка – безопасная и полезная мера, и я хотел сделать своему

сыну прививку, как только его организм окреп бы после дизентерии, которая в течение длительного времени мучила его».

Печатник по профессии, ученый по призванию, Франклин понимал, что развивать науки не могут одиночки, даже гениальные, что необходимо создать продуманную, научно обоснованную систему подготовки ученых. Франклин много сделал для создания системы образования в Пенсильвании и в американских колониях в целом. Интерес к этой проблеме вызывался и тем, что он на собственном опыте имел возможность убедиться, каких огромных усилий требует самостоятельная научная подготовка.

С именем Франклина самым тесным образом связано создание и первые десятилетия работы Пенсильванского университета. В те времена в колониях фактически не было никакой системы школьного образования. Не лучше обстояло дело и с системой высшего образования. Правда, в то время, когда Франклин взялся за решение многочисленных проблем, связанных с созданием Пенсильванского университета, уже существовало в колониях четыре университета: Гарвардский, Йельский, Королевский, позднее получивший название Колумбийский, Принстонский. Однако все они находились под руководством той или иной церкви Америки. И это были скорее теологические школы, готовившие священнослужителей высшей квалификации, чем университеты в общепризнанном понимании этого слова.

Жизнь настоятельно требовала создания системы светского высшего образования, и решение этой проблемы самым тесным образом связано с деятельностью Франклина. Взявшись за учреждение университета, или академии, как тогда называли светские высшие учебные заведения, Франклин вновь обратился за помощью к Хунте и получил ее.

Действовать начали по плану, который неоднократно и эффективно использовался в прошлом. Франклин в 1749 году написал и опубликовал обстоятельную статью «Предложения по поводу образования молодежи в Пенсильвании». Статья была бесплатно послана всем влиятельным гражданам Филадельфии. Потом Франклин объявил подписку на открытие и содержание академии. Он шел по проторенному пути: в статье говорилось, что предложение о создании академии исходит не от него, а от группы почтенных граждан, понимающих важность для общества решения этой проблемы.

Учитывая, что для открытия академии нужна была большая сумма, Франклин в своей статье предлагал вносить плату по частям раз в год в течение пяти лет. Это дало результаты. По

подписке была собрана невиданная по тем временам сумма – пять тысяч фунтов.

Из среды подписчиков было избрано двадцать четыре доверенных лица, которые поручили Франклину и генеральному прокурору Пенсильвании Френсису составить основные правила управления академией. Вся работа, начиная от подписки и кончая составлением этих правил, была проделана исключительно оперативно, и в том же 1749 году академия была открыта.

Быстрота, с которой были решены все проблемы, связанные с созданием академии, объяснялась не только большой подготовительной работой, проделанной Франклином. Важную роль сыграло и то обстоятельство, что это был давно назревший вопрос, все понимали необходимость его скорейшего разрешения, и инициатива Франклина получила всестороннюю поддержку.

Попечительский совет, учитывая большую роль Франклина в создании академии и принимая во внимание, что он не был связан ни с одной из религиозных сект, а следовательно, мог объективно представлять интересы всех их, избрал его попечителем академии. Обязанности попечителя были очень сложные и многогранные, начиная от хозяйственных и финансовых проблем и кончая научными вопросами.

В своей автобиографии он писал: «Я продолжаю вот уже почти сорок лет быть одним из его попечителей; за эти годы я имел величайшее удовольствие видеть, как многие молодые люди, получившие образование в этом университете, развили свои способности, выдвинулись на поприще полезной общественной деятельности и стали украшением своей страны».

Успехи Пенсильванского университета были во многом связаны с деятельностью его попечителя. Франклин был опытным педагогом, и его познания в этой области, возможно, были особенно ценны потому, что они были приобретены практическим путем и проверены на многолетнем опыте. Например, Франклин выработал собственную систему обучения иностранным языкам, чему он придавал очень большое значение. Он считал, что знание иностранных языков – необходимое условие успеха научной и педагогической работы для представителей очень многих профессий.

Франклин занялся самостоятельным изучением иностранных языков в 1733 году. Начал он с французского и вскоре после этого приступил к изучению итальянского, а затем испанского. Всеми этими языками он овладел настолько, что мог свободно читать на них.

В детском возрасте Франклин обучался всего один год в латинской школе, и его познания в латыни были более чем

скромными. Но однажды, когда ему, уже владеющему французским, итальянским и испанским языками, пришлось знакомиться с одним латинским текстом, он, к своему удивлению и большому удовлетворению, сделал открытие, что достаточно хорошо понимает этот текст. «Это, – вспоминал Франклин, – воодушевило меня возобновить изучение латинского языка, что я и сделал на этот раз с большим успехом, так как знание других языков весьма облегчило мою задачу».

На основании своего опыта Франклин пришел к выводу» что неправильно начинать изучение языков с латыни. «Я хочу предложить тем, – писал он, – кто заведует образованием нашей молодежи, подумать над следующим: поскольку многие, начиная с латыни, затрачивают на ее изучение несколько лет и останавливаются на этом, не добившись большого успеха, а все, что они усваивают, остается почти бесполезным, так что в конечном счете все время оказывается потерянным, то не лучше ли начинать с изучения французского, затем переходить к итальянскому и т. д.».

Отношение Франклина к женщинам, его взгляд на семейную жизнь – все это представляет значительный интерес.

Убежденный гуманист, Франклин резко выступал против ханжества и лицемерия в отношениях с женщинами. Особенно страшными Франклин считал «религиозных ханжей – самых жестоких из всех дикарей». Гражданский брак Франклина, пусть он и являлся мерой, вызванной неопределенным семейным положением Деборы, был вызовом буржуазной морали, согласно которой законны только те отношения, которые освящены церковным браком.

Семейная жизнь Франклина, огромный авторитет, которым он пользовался среда граждан Филадельфии, убедительно доказывали, что дело не в церковных догматах, а в отношениях между супругами, что не церковные процедуры создают прочные семенные узы, а те принципы, на которых сами супруги строят свою жизнь.

Взгляды Франклина на женскую проблему тем более интересны, что свои первые выводы во этому вопросу он сделал: в четырнадцатилетнем возрасте и позднее неоднократно возвращался к нему. В частности, юноша Франклин горячо ратовал за улучшение «прискорбного положения вдов». Он предлагал ввести общее страхование, с тем чтобы каждая вдова могла получить денежную помощь в размере пятисот фунтов, Франклин выдвигал и ряд других предложений, направленных на улучшение положения вдов.

«По мере того как Франклин взрослел и мудрел, – писал

один; из его биографов, – он поставил перед собой задачу контролировать свое естество». Однако, по его мнению, Франклин никогда не смог этого добиться. Если верить в то, что «Бедный Ричард» выражал мнение Франклина, то «золото допытывается огнем, женщина – золотом, мужчина – женщиной».

Взгляды на женщин Франклин высказывал во многих своих произведениях. Наиболее известен написанный им в 1745 году «Совет молодому человеку в выборе хозяйки дома». В этой работе, написанной в виде письма к другу, говорилось: «Быть женатым – самое естественное состояние человека, в котором вы наиболее вероятно найдете прочное счастье… Мужчина и женщина, соединившись, создают полное человеческое существо. Одинокий мужчина не представляет собой той ценности, в которую он превращается в состоянии союза с женщиной. В одиноком состоянии он несовершенное животное».

Не веря в то, что его аргументы в пользу женитьбы окажут положительное воздействие на всех холостяков, автор далее продолжал: «Однако если вы не последуете этому совету и будете упорствовать в своем убеждении о необходимости иметь связи с женщинами, я повторю свой ранее изложенный совет, что во всех своих амурных делах вы должны отдавать предпочтение старым женщинам перед молодыми». И далее автор подробно аргументировал свою точку зрения.

В 1746 году Франклин написал «Размышление о том, как ухаживать за женщинами и жениться». Это была первая книга Франклина, опубликованная в Европе. Она появилась в свет в Эдинбурге в 1750 году. Скрыв свое авторство, как он это неоднократно делал, Франклин полемизирует с воображаемый оппонентом по вопросу о достоинствах и недостатках женщин, решительно защищая прекрасный пол. И вновь Франклин, используя всю силу своего красноречия, выступает в защиту брака. «Брак, или союз полов, являясь мельчайшим обществом, вместе с тем и первоначальный источник, из которого берут начало своего существования наиболее сильные государства».

Эта работа Франклина – своеобразный гимн браку, доказательство бесспорных преимуществ домашнего очага перед холостой жизнью. Франклин дает определение брака, которое звучит как научная формулировка: «Брак – добровольный контракт, связывающий обе стороны, вступившие в него, в интересах их общего благополучия и наслаждения».

Франклин дает ряд практических советов супругам, призывает их не обострять отношений из-за пустяков. И неожиданно он обращается с горячей речью к женщинам, убеждая их в необходимости быть всегда опрятными, убранными,

радующими глаз.

Он на собственном опыте имел возможность убедиться, что законы и традиции того времени, регулировавшие семейные отношения, ставили в исключительно трудное положение тех, кто решался нарушить их. Политические противники Франклина и просто недоброжелатели ханжески спекулировали на том, что он имел незаконнорожденного сына. Надо было обладать высокими достоинствами Франклина, его колоссальным авторитетом во всех слоях общества колоний, чтобы отразить все эти нападки и даже обеспечить карьеру этому сыну, ставшему впоследствии губернатором Нью-Джерси. Правда, Уильям плохо кончил. Убежденный лоялист, он активно выступал против освободительного движения в колониях. Уильям умер в иммиграции в Англии безвестным человеком. Для Франклина было большой личной трагедией видеть сына, предавшего идеалы отца и открыто перешедшего в лагерь противника.

Все, что касалось политической позиции Уильяма, объяснялось его личными убеждениями и соображениями карьеры. Но бесспорно то, что Франклину благодаря своему огромному авторитету удалось проломить некоторую брешь в стене отчужденности и презрения, которая воздвигалась вокруг незаконнорожденных детей.

В Филадельфии он написал «Речь Поли Бейкер», которая каким-то путем попала в Англию и была там напечатана в апреле 1747 года в «Джентльмен мэгэзин». Поли Бейкер пять раз подвергали судебному преследованию в Коннектикуте, возле Бостона, в Новой Англии, за внебрачных детей. Бейкер резко защищала себя, руководствуясь законами своей натуры, а не законами провинции, где ее судили. Бейкер заявляла, что с риском для здоровья она родила пять прекрасных детей и благодаря своему трудолюбию вырастила их, ни в коей мере не беспокоя власти города какими-либо материальными просьбами. Имущественное положение ее детей, заявляла она, было бы еще прочнее, если бы ее не обременяли тяжелыми штрафами и судебными издержками, которые она вынуждена оплачивать.

Разве преступление, спрашивала Поли, увеличить число подданных короля еще на одного человека в новой стране, которой так необходим рост населения? Призывая в свидетели бога, она утверждает, что ее действия не противоречат тому, чему учит людей святая церковь. Природа, заложенная в человеке, нормальные физиологические потребности здорового организма – вот один из аргументов, которые она выдвигала в защиту своей точки зрения: «Если вы, джентльмены, призваны создавать законы, – взывала к суду Бейкер, – то не превращайте своими

запрещениями в преступление естественные и полезные действия».

Обращаясь к законодателям, она ставила перед ними вопрос, обращенный фактически ко всему обществу: «Что должна делать несчастная незамужняя молодая женщина, которой обычаи и законы под страхом сурового наказания запрещают обращаться к мужчине?» В заключение «Речи» говорилось: «Ее аргументы произвели настолько сильное впечатление на суд, что на следующий день один из судей женился на ней, и она родила от него пятнадцать детей».

Таким образом, судьба Поли Бейкер устроилась вполне благополучно, но возникало сомнение – найдется ли необходимое количество холостых и добродетельных судей, чтобы выдать замуж всех Поли Бейкер. Читателю становилось ясно, что следует решительно менять законы и пересматривать отношение к незамужним женщинам, к их внебрачным детям.

Франклин считал, что опыт семейных отношений должен обобщаться и изучаться так же, как и опыт общественной, политической, экономической жизни, что на ошибках одних должны учиться другие. Особый интерес представляют его письма родным, близким друзьям, которые не предназначались для печати.

Склонность к морализированию была присуща Франклину и в молодом возрасте. Например, свое совершеннолетие, двадцать первый год своего рождения, он отметил письмом к своей самой младшей и самой любимой сестре Джейн. Ей не было еще пятнадцати лет, но в июле она должна была выйти замуж. Франклин писал, что он слышал, что Джейн стала красивой девушкой, и он намеревается сделать ей подарок. «Я всегда был за то, чтобы послать тебе чайный стол. Однако, когда я пришел к заключению, что быть хорошей хозяйкой дома во много раз предпочтительней, чем быть только хорошенькой, доброй женщиной, я решил подарить тебе прялку». В конце письма Франклин назидательно перечислял, какими качествами должна обладать женщина, и на первое место ставил скромность. Если у женщины, подчеркивал Франклин, удачно сочетается красивая внешность и высокие духовные качества, «это делает ее прекрасней ангела».

Когда дочь Франклина готовилась выйти замуж за лавочника, отец советовал ей быть столь же усердной помощницей мужа в содержании лавки, какой была для Франклина ее мать. В заключение письма Франклин писал, что его дочь «не испытывает недостатка в необходимых для этого качествах» и что «он надеется, что она не слишком горда».

В «Альманахе „Бедного Ричарда“ Франклин неоднократно возвращался к вопросам, связанным с семейными проблемами. „Бедный Ричард“ утверждал, что „есть три верных друга: старая жена, старая собака и наличные деньги. Потерять старую жену – потерять дар божий“.

Важным залогом благополучной семейной жизни Франклин считал взаимное уважение супругов, необходимость терпимо относиться к недостаткам друг друга. Он спрашивал одного из своих корреспондентов: «Вы можете терпеть свои собственные недостатки, почему же не относиться снисходительно к недостаткам своей жены?» Эти мысли он сформулировал в лаконичном афоризме: «Держи глаза широко открытыми перед женитьбой и полузакрытыми после».

Взгляды Франклина на семейную жизнь, его отношение к женщинам в целом, позиция великого американца в женском вопросе – во всем этом есть моменты, с которыми не всегда можно согласиться, здесь сильна личная, индивидуальная трактовка проблемы. Однако безусловно одно – Франклин был человеком передовых взглядов, что нашло все отражение и в его отношении к женскому вопросу. Он выступал за пересмотр отношения к незаконнорожденным детям, был противником домостроевских порядков в семейной жизни, считал необходимым, чтобы между супругами были товарищеские, дружеские отношения, требовал материального улучшения положения замужних женщин, особенно вдов. Франклин ратовал за всемерное расширение прав женщин, что для его времени было не только прогрессивным, но и достаточно смелым шагом. Законы и традиции американской жизни были таковы, что даже по сравнению с безотрадным положением женщины в других странах Америка отличалась своим консерватизмом. Причем, это относится не только к колониальному, но и к более позднему периоду. Достаточно сказать, что и после победы революционной войны колоний за независимость 1775—1783 годов положение женщин практически не изменилось. Самая передовая для своего времени американская демократия очень мало сделала для улучшения положения женщины. Например, право голоса женщинам в США было предоставлено только в 1920 году, когда этим правом уже давно пользовались женщины многих стран мира.

Франклин жил в эпоху революционного подъема в североамериканских колониях Англии; и если верно, что революционные эпохи рождают великих людей, то не менее верно и то, что эти эпохи оказывают колоссальное воздействие на формирование мировоззрения тех, кто живет в это время и

активно участвует в революционной борьбе.

Франклин формировался как общественный, государственный и политический деятель под влиянием тех положительных изменений, которые происходили в настроениях общественности в канун революционной борьбы за освобождение колонии. Демократизм Франклина, его искренняя забота об интересах широких масс жителей Филадельфии, значительные результаты, которые принесла его деятельность на этом поприще и не в последнюю очередь успехи в издательском деле – все это укрепляло его авторитет среди сограждан. Практическим, следствием этого явилось то, что в 1736 году он был избран секретарем Законодательного собрания Пенсильвании.

Это была первая, пусть скромная, но государственная, должность, которую занял Франклин. Избрание на эту должность было тем более важно для него, что она оплачивалась, и его материальное положение стало теперь более прочным. Пост этот имел и то преимущество, что «кроме платы за непосредственное исполнение обязанностей секретаря, – писал Франклин, – новое место доставляло мне большие возможности привлечь к себе внимание членов (Законодательного собрания. – *Р. И.*), которые обеспечивали меня заработком, давая печатать избирательные бюллетени, законы и бумажные деньги, а также другую случайную работу для публики, что в целом, приносило немалый доход».

Все, за что брался Франклин, начиная от опытов с электричеством и кончая дипломатией, он делал добротно, на совесть. Когда Франклин был избран секретарем Законодательного собрания, он отнесся к своим новым обязанностям с большим чувством ответственности и обратил на себя внимание руководителей провинции своей исполнительностью, находчивостью, умением решать вопросы быстро и хорошо. Деятельность Франклина как секретаря собрания в немалой степени способствовала тому, что в 1737 году он получил еще один платный пост. Главный почтмейстер полковник Скотсвуд, недовольный халатностью своего представителя в Филадельфии Бредфорда, снял его и назначил вместо него Франклина. «Эта должность, – вспоминал Франклин, – оказалась весьма выгодной, несмотря на небольшое жалованье, так как она обеспечивала широкие связи, что благоприятно отразилось на моей газете; спрос на нее возрос, в ней стали помещать больше объявлений, и это давало мне значительный доход». Немаловажное значение имело и то, что теперь Франклин занял более прочные позиции для борьбы со своим старым конкурентом Бредфордом.

Выдвижение Франклина на должность секретаря собрания, а затем и почтмейстера Филадельфии означало официальное признание его заслуг на общественном поприще, знаменовало начало нового этапа в его жизни. Франклин блестяще справлялся со своими новыми обязанностями, что способствовало росту его авторитета. И не было ничего удивительного в том, что, когда возникла угроза вооруженного вторжения в Пенсильванию со стороны французов, испанцев и союзных с ними индейских племен, Франклин принял самое активное участие в организации обороны провинции.

Военная карьера

Д. Ноулэн, автор интересной работы «Генерал Бенджамин Франклин», писал: «Активная военная карьера Бенджамина Франклина продолжалась шесть недель – любопытный и малоизвестный эпизод его жизни, заполненной многочисленными событиями».

С этой сценкой военной деятельности Франклина нельзя не согласиться. Общественная, научная, литературная, дипломатическая и типографско-издательская деятельность Франклина известна больше, чем этот короткий, но тем не менее важный период его жизни, связанный с обороной Пенсильвании. Определенное внимание этому вопросу Франклин уделил в своей автобиографии, но она писалась спустя много лет, и некоторые факты и детали изложены в ней неточно.

В середине XVIII столетия рано было говорить о переделе колониального мира, но уже тогда главные колониальные державы – Англия, Франция, Испания – были не прочь внести коррективы в распределение колоний. Борьба за колонии неизбежно приводила к столкновению интересов всех трех колониальных держав в Америке, где каждая из них имела большие владения.

Угроза, нависшая над Пенсильванией, была очевидной, но квакерское большинство Законодательного собрания, ссылаясь на свои непротивленческие теории, не спешило принимать конкретные меры для организации обороны провинции. Надо было в первую очередь решить вопрос о создании ополчения, так как не приходилось рассчитывать на прибытие необходимого количества регулярных войск из далекой Англии. Понимая настоятельную необходимость организации обороны провинции, Франклин принял решение оказать всемерную помощь губернатору в этом деле.

Он решил использовать уже неоднократно и успешно применявшиеся средства – проведение подписки среди населения и подготовки общественного мнения через газету. Опубликованная Франклином статья «Простая истина», где доказывалась необходимость срочных и энергичных мер по укреплению обороны Пенсильвании, «имела, – вспоминал Франклин, – неожиданный бурный успех. Мне было предписано создать это ополчение». Успех превзошел все ожидания: только в Филадельфии в ополчение вступило около тысячи двухсот человек, а всего в Пенсильвании – более десяти тысяч. Ополченцы были разбиты на роты и полки, кое-как вооружались и раз в

неделю собирались на военные занятия под командой избранных из их среды офицеров.

На собрании офицеров филадельфийского полка Франклин был избран полковником, но, считая себя некомпетентным в военных делах, предложил кандидатуру профессионального военного Лоуренса.

В общественно-политической жизни Франклин строго придерживался правила: никогда не домогаться должностей, но и не отказываться от них. В этом отношении было много общего между Франклином и другим великим гражданином Америки – Авраамом Линкольном, который тоже никогда не добивался должностей. И если Франклин отказался на этот раз от почётного поста командующего ополчением Филадельфии, то только потому, что не считал себя способным справиться с этим поручением.

Его активное участие в организации обороны Пенсильвании побудило одного из его политических конкурентов предложить Франклину отказаться от поста секретаря Законодательного собрания, поскольку антивоенно настроенные квакеры провалят его на следующих выборах и лучше самому уйти в отставку, чем быть забаллотированным. Дело объяснялось не заботой о престиже Франклина, а желанием этого человека занять его пост. Франклин понял эту несложную игру и заявил претенденту на пост секретаря: «Я никогда не буду *просить* о должности, отказываться от нее или *добровольно оставлять* ее». И Франклин действительно строго придерживался этого правила в продолжение всей своей жизни.

Отказавшись от поста командующего ополчением Филадельфии, Франклин тем не менее продолжал бурную деятельность, направленную на укрепление обороны провинции и ее столицы. Он провел лотерею, чтобы получить средства на возведение батареи на подступах к городу и покупку орудий для нее. Были собраны средства, достаточные для постройки батареи и закупки нескольких старых пушек в Бостоне. Однако это не решало проблемы обеспечения обороноспособности Филадельфии. Ополченцы направили Франклина и еще трех представителей в Нью-Йорк для переговоров о приобретении орудий.

Тогдашний губернатор Нью-Йорка Клинтон в силу своих наклонностей проявлял интерес не к научным познаниям Франклина, а к мадере, которой его в изобилии угощали парламентеры из Филадельфии. Заупрямившись в начале переговоров, он постепенно менял свою точку зрения и в конце концов дал согласие одолжить Пенсильвании восемнадцать

первоклассных орудий.

Важнейшую роль в успешном решении этой сложной миссии сыграл Франклин. Это была его первая дипломатическая миссия, и прошла она удачно.

С большим трудом, вопреки сопротивлению губернатора Пенсильвании, удалось принять закон, согласно которому владельцы колонии Пенны вынуждены были ассигновать пять тысяч фунтов на нужды обороны. Всего на эти цели было выделено шестьдесят тысяч фунтов. Франклин был назначен одним из уполномоченных, которым доверили распоряжаться этой суммой. Закон о финансировании военных мероприятий был составлен и принят при самом активном его участии. Тогда же по инициативе Франклина было осуществлено еще одно важное мероприятие – принят закон о создании и обучении добровольной милиции. Соответствующий билль прошел через собрание без особых затруднений, так как Франклин предусмотрительно исключил квакеров из числа тех, на кого распространялся этот закон.

Деятельность Франклина по организации обороны Пенсильвании и особенно но созданию ополчения имела очень важное значение в свете перспектив освободительного движения в американских колониях Англии. Когда в 1775 году началась революционная война колоний за освобождение, опыт, полученный при формировании пенсильванского ополчения, помог быстро и эффективно решить одну из важнейших задач, вставших перед восставшими колонистами, – создание регулярной армии.

Самому Франклину приобретенный военный опыт понадобился значительно скорее. В 1754 году вновь резко обострились отношения между Англией и Францией, в Канаде в 1754—1755 годах происходили вооруженные столкновения между английскими и французскими войсками. Это был пролог Семилетней войны 1756—1763 годов, важнейшей причиной которой была англо-французская борьба за колонии. Главным призом в этой борьбе была Канада, являвшаяся в то время французской колонией, а также североамериканские колонии Англии.

Европейское население, способное к участию в военных действиях в английских и особенно во французских колониях на Американском континенте, было незначительным, перебрасывать регулярную армию за океан при транспортных средствах того времени было очень трудно, поэтому и англичане, и французы широко использовали в ходе войны индейские племена. Играя на старых племенных распрях, они натравливали их друг на друга,

одновременно решая и другую важную задачу – истребление индейцев руками самих индейцев. Это была кровавая драма, разыгранная опытными английскими и французскими колонизаторами, которые уничтожали коренное население Америки, расчищая путь для колонизации континента. Уже в то время в больших масштабах проводилась политика, суть которой белые пришельцы в Америке позднее сформулируют лаконичной фразой: «Хороший индеец – мертвый индеец».

Пока шло формирование и обучение милиции, губернатор уговорил Франклина выехать на северо-западную границу Пенсильвании, где отряды индейцев терроризировали фермеров, а одно селение сожгли и вырезали всех жителей. Задача Франклина заключалась в том, чтобы построить вдоль границы укрепления и организовать на месте милицию для отражения нападений противника.

Получив от губернатора неограниченные полномочия, Франклин выехал к месту назначения. Была вторая половина декабря 1755 года, погода стояла сырая, промозглая. В его годы было нелегкой задачей отправляться в необжитой район на опасное задание. Генерального почтмейстера, отправляющегося на войну, провожала вся семья. Франклин выехал верхом из своего двора, одетый и обутый для зимнего рейса, вид его был совсем не воинственный. Сугубо цивильная внешность Франклина особенно контрастировала на фоне сопровождающего, его сына Уильяма, молодого, высокого, стройного, облаченного в алую гренадерскую форму. Франклина и Уильяма провожали Дебора и тринадцатилетняя дочь Салли. Шествие замыкали два негра-слуги, несшие багаж.

Уильям, который в предшествующую войну был офицером в армии, действовавшей против Канады, неотлучно находился при отце на положении адъютанта и оказал ему большие услуги. Достаточно сказать, что в окружении Франклина это был единственный человек, имевший довольно значительный военный опыт.

Прибыв на северо-западную границу Пенсильвании, Франклин в первую очередь приступил к строительству фортов, которые должны были служить опорными пунктами в борьбе против индейцев. Сформированный из местных жителей отряд он разбил на три отделения, каждое из которых вело строительство оборонительных сооружений в отведенных им районах. И вновь Франклин проявил блестящие организаторские способности. В очень трудных условиях, под проливными январскими дождями, которые иногда заставляли совершенно прекращать работу, люди, руководимые им, быстро возвели деревянные форты, опоясали их

рвами, установили орудия, прорезали амбразуры – все подготовили для отражения возможного нападения индейцев. Франклин пользовался большим авторитетом у своих подчиненных, вникал во все нужды людей, интересовался их жизнью, а всех своих лейтенантов знал в лицо.

Поручение, которое выполнял Франклин, было не только трудным, но и опасным. Однажды он попал под ружейный огонь индейцев-разведчиков, занявших позиции на вершине холмов.

К концу работ по строительству фортов под его командованием находилось 1600 человек, и к Франклину обращались с почтением, называя его «генерал». Один из построенных фортов был назван фортом Франклина. «Генерал», закончив строительство фортов и обеспечив себе пути отхода, разбил свое войско на отряды и прочесал местность. Индейцев люди Франклина не встретили, но обнаружили следы их пребывания, и он со свойственной ему наблюдательностью обратил внимание на то, как индейцы тщательно маскировались. В частности, его поразило следующее: на месте стоянки индейцев люди Франклина обнаружили не очень глубокие ямы, в которых разжигался древесный уголь, который не давал ни дыма, ни пламени и не мог их демаскировать ни днем, ни ночью. Индейцы садились на край ямы, опускали в нее ноги и обогревались.

Завершив строительство фортов, Франклин возвратился в Филадельфию. Бросалось в глаза резко увеличившееся число людей в военной форме на улицах столицы Пенсильвании. Таверны были заполнены офицерами-ополченцами в ярко-красных мундирах (не лучшая форма для ведения полупартизанской войны против индейцев). Во всем облике Филадельфии чувствовалась напряженность военной обстановки. 12 февраля 1756 года «Пенсильванская газета» сообщала, что в городе находится полковник Джордж Вашингтон, который заявил, что он не удовлетворен положением, создавшимся в Виргинии, и намерен также провести инспекцию готовности Пенсильвании к военным действиям.

Возвратившись в Филадельфию, Франклин вновь приступил к исполнению своих обязанностей генерального почтмейстера. Уильям, сняв военный мундир, тоже обосновался на почте, помогая отцу в его многочисленных обязанностях.

Военные действия, начавшиеся между английскими и французскими войсками в Канаде, заставили правительство Англии созвать конгресс представителей североамериканских колоний в городе Олбани с участием вождей шести союзных с англичанами индейских племен, чтобы решить вопросы, связанные с обороной английских владений в Северной Америке.

Франклин был на этом конгрессе представителем Пенсильвании в составе делегации из четырех человек. Предвидя неизбежность затяжной борьбы между Англией и Францией за господство в Северной Америке и понимая, какие это может иметь трагические последствия для населения колоний, Франклин пришел к выводу, что только единство колоний может обеспечить их будущее. На конгрессе в Олбани он выдвинул план объединения всех колоний Англии в Северной Америке под одним управлением.

Ход работы конгресса показал, насколько созрела идея объединения колоний. Не только Франклин, но и ряд уполномоченных от других провинций предложили создать союз колоний. Франклин писал о работе конгресса в Олбани: «Сначала был поставлен предварительный вопрос, следует ли учредить союз, на что единодушно был дан утвердительный ответ. Затем назначили комиссию, в которую вошло по одному члену от каждой колонии, для рассмотрения различных планов и составления отчета. Мой проект был признан наилучшим и с небольшими поправками был соответственно доложен конгрессу».

На конгрессе представители колоний ощупью продвигались вперед в решении вопроса, который спустя двадцать лет в ходе революционной войны за независимость был решен смело и быстро, – создание независимого союза бывших английских колоний, провозглашение первого независимого государства на Американском континенте. И характерно, что именно план Франклина на конгрессе в Олбани был признан самым удачным.

В этом плане еще было много иллюзорного, и главное – вера в то, что можно добиться единства колоний под скипетром короля Великобритании. Однако в Англии правящие круги уловили главное, что было в этом плане, – стремление к единству колоний. А единство – это первый шаг к свободе, чего больше всего опасались в Лондоне. План Франклина не был принят в Англии, хотя он открывал хорошие перспективы для объединения усилий, направленных на борьбу против Франции в Северной Америке, но в Лондоне больше боялись освободительного движения в колониях, чем французской экспансия.

«Британское правительство, – писал Франклин в автобиографии, – не желало допустить объединения колоний в той форме, в какой оно предлагалось в Олбани, и доверить этому союзу его собственную защиту, ибо колонии могли вследствие этого стать слишком воинственными и почувствовать свою силу, к тому же оно относилось к ним в это время подозрительно и ревниво, и потому послало за океан генерала Брэддока с двумя полками регулярных английских войск».

Генерал-майор английской армии Эдвард Брэддок был довольно опытный военачальник и администратор. До назначения главнокомандующим английскими войсками в американских колониях, куда он прибыл в 1755 году, Брэддок был губернатором Гибралтара.

Пенсильванским законодателям было известно, что Брэддок питает сильное предубеждение против Франклина. Эта деликатная и очень сложная миссия требовала большого дипломатического искусства. Было решено, что Франклин поедет к Брэддоку не как представитель Законодательного собрания Пенсильвании, а в качестве генерального почтмейстера, каковым он в то время и являлся.

Формальная цель поездки Франклина заключалась в том, чтобы договориться о формах связи английского генерала с губернаторами провинций. Франклина сопровождал в поездке сын Уильям, который до этого уже служил в английской армии, поэтому мог и действительно оказался ему очень полезен.

Франклины присоединились к войску Брэддока в Фредериктауне, в Мэриленде, где английский генерал бился в тщетных попытках собрать в окрестных местах необходимое количество фургонов, чтобы обеспечить передвижение его полков.

Приступив к выполнению своей миссии, Франклин действовал очень осторожно, но настойчиво. Генеральный почтмейстер считал своим долгом каждый день наносить визит генералу, обедал с ним и постепенно опровергал то предвзятое мнение, которое Брэддок имел о Законодательном собрании Пенсильвании. Франклин разъяснил Брэддоку, что вопреки информации, которой он располагает, Пенсильвания провела важные меры по укреплению своей обороноспособности и окажет значительную помощь английским войскам в выполнении их миссии.

Генерал получил возможность немедленно убедиться, что это не пустые слова. Франклин взялся оказать англичанам помощь в решении самой важной для них в то время задачи – получить необходимое количество фургонов. Он опубликовал от своего имени обращение к населению, в котором очень убедительно доказывал, что население колоний заинтересовано в победе англичан и поэтому должно помочь им. Франклин использовал и более сильные аргументы: он писал, что каждый, кто предоставит в распоряжение английского командования лошадь, фургон и себя в качестве возчика, получит большое вознаграждение. Если англичане до его приезда смогли получить только 25 фургонов, то через две недели к лагерю Брэддока уже двигалось 150 фургонов с 259 вьючными лошадьми.

Франклин не остановился даже перед тем, чтобы из своих личных денег внести более тысячи фунтов в фонд обеспечения английских офицеров продовольствием. Тысячу фунтов он успел получить обратно, а остальные деньги так и пропали, так как самонадеянный генерал был разбит наголову и спрашивать деньги было не с кого.

К тому времени Франклин был уже далеко не молод и ни в коей мере не обладал воинственной внешностью. «Франклину шел пятидесятый год, – писал Ноулэн. – Он был чуть дороден, немного подслеповат, уже страдал подагрой. Когда Франклин в ответ на резкие, раздражительные речи генерала задумчиво постукивал по столу, он мог сойти за сельского приходского священника, заглянувшего навестить кого-нибудь, на деревенского чиновника или лавочника, пришедшего продать партию товаров».

Однако, несмотря на свою совсем не воинственную внешность, Франклин неплохо разобрался в ситуации. Он имел, по крайней мере, одно преимущество перед бравым генералом Брэддоком – отличное знание местных условий. Франклин писал о Брэддоке: «Этот генерал был, я думаю, храбрым человеком и мог, наверное, отличиться как хороший офицер в какой-нибудь европейской войне. Но он был слишком уверен в себе, слишком высокого мнения о достоинствах регулярных войск и слишком низкого – об американцах и индейцах».

За свою самоуверенность Брэддоку пришлось жестоко расплатиться. Франклин предупреждал английского генерала, что его войскам придется действовать в лесистой и пересеченной местности, где отряды индейцев будут иметь неоспоримые преимущества перед регулярной английской армией. Получилось все так, как предвидел Франклин. Полк, которым командовал Брэддок, попал на марше в умело устроенную засаду и был наголову разгромлен. Из 1100 человек, находившихся в полку, 714 было убито или ранено, из 86 офицеров 26 было убито и 37 ранено. Сам генерал был тяжело ранен и через несколько дней умер от ран.

При генерале Брэддоке находился полковник Джордж Вашингтон, уже в то время достаточно хорошо известный как способный военачальник и человек незаурядной личной храбрости. Будущий главнокомандующий американской армии и первый президент США попал в самую гущу событий. Четыре пули пробили одежду Вашингтона, под ним было убито две лошади. Страшная паника, охватившая солдат, попавших в засаду, не помешала Вашингтону собрать остатки разбитого войска и в относительном порядке вывести их с поля боя.

Разгром британских войск свидетельствовал о том, что колонисты могут рассчитывать в обороне своих владений только на себя. Помимо того, что боевые качества англичан оказались ниже всякой критики, они вызвали к себе резкую оппозицию тем, что мародерство с их стороны было обычным явлением. Они оскорбляли и арестовывали американцев, если последние пытались оказывать им сопротивление.

Все свое свободное от работы время Франклин отдавал теперь службе в ополчении. Отмечая большие заслуги Франклина в организации обороны Пенсильвании, собрание офицеров полка филадельфийской милиции избрало его командиром полка. Очевидно, после миссии к генералу Брэддоку и успешного выполнения «генеральских» обязанностей на северо-западной границе Пенсильвании Франклин с большей уверенностью стал оценивать свои возможности как военного руководителя. Во всяком случае, на этот раз он дал свое согласие занять предложенный ему пост. Франклин, как заправский командир, устроил смотр своему полку, в котором насчитывалось 1200 хорошо вооруженных и неплохо подготовленных людей. Полк имел шесть бронзовых полевых орудий, с которыми артиллеристы быстро научились хорошо управляться.

Франклин пользовался большим и заслуженным авторитетом у своих однополчан, и это был авторитет, основанный не на военной дисциплине, а на уважении к почтенному горожанину, гордости города, который был уже тогда хорошо известен как общественный и политический деятель, журналист, писатель, ученый.

После первого смотра батарея проводила Франклина до самого порога его дома и на прощанье салютовала ему несколькими залпами у двери. Воинские почести любимому командиру на этом не прекратились. Однажды к дому Франклина подъехала кавалькада в тридцать-сорок офицеров в полной форме и при оружии. Эти офицеры филадельфийского полка решили сопровождать своего полковника, который намеревался совершить поездку в Виргинию.

Как только они тронулись, офицеры вынули сабли и всю дорогу ехали, эскортируя своего полковника с саблями наголо. Картина была живописная и малопривычная не только для Франклина, но и для всей Пенсильвании. Кто-то из «доброжелателей» поспешил сообщить обо всем этом правителю провинции, который заявил, что это грубейшее нарушение этикета, что ни правитель, ни губернатор колонии никогда не пользовались такими почестями, которые допустимы только по отношению к принцам королевской крови.

Франклин резко отрицательно относился ко всем проявлениям чинопочитания. Он писал: «От природы не люблю парадности ни в каких случаях». Франклин называл все эти воинские почести «глупой историей», которая, впрочем, имела для него серьезные последствия. Правитель провинции еще более укрепился после этого в своей антипатии к Франклину. А причиной антипатии было то, что, являясь членом Законодательного собрания и обладая большим авторитетом, Франклин все сделал для того, чтобы лишить Пеннов налоговых льгот.

Военной карьере Франклина не суждено было долго продолжаться. Когда артиллеристы, провожая своего командира полка, салютовали ему из всех пушек возле дверей его дома, от сотрясения упало и разбилось несколько стеклянных приборов из его электрической аппаратуры. Франклин иронически писал по этому поводу, имея в виду избрание его командиром полка: «Моя новая почетная должность оказалась не прочнее этих приборов; вскоре все наши полномочия были ликвидированы, ибо закон о добровольной милиции был отменен в Англии».

Гуманизм Франклина

Франклин был великим гуманистом, и поэтому закономерен вопрос: как уживались в нем гуманизм и непродолжительная, но очень энергичная и результативная деятельность на военном поприще? Позднее, когда началась Война за независимость, Франклин также принял в ней самое активное участие, выполняя сложнейшие дипломатические поручения молодой Американской республики, имевшие целью обеспечить восставшим колониям военную поддержку со стороны европейских государств.

Франклин не был противником всех войн. Сегодня мы сказали бы, что он делил войны на справедливые и несправедливые. Первые он приветствовал и указывал на необходимость всемерного участия в них широких народных масс, вторые – самым решительным образом порицал.

В 1785 году в своей работе «Об уголовных законах и обычаях каперства», опираясь на учение великого французского просветителя Монтескье, он резко выступил против широко распространенного тогда каперства; в этой работе сформулированы его выводы о войне в целом. В частности, Франклин указывает на то, что грабительские войны разлагающе действуют на мораль народа, который вовлечен в такую войну, что внешнеполитические авантюры ведут к росту преступности и моральной деградации в стране, ставшей на этот путь. Эти взгляды Франклина полностью сохранили свое значение и в наши дни.

Он писал: «Те, кто в общем знают Европу, говорят, что ежегодно в Англии совершается больше краж, чем во всех других странах, вместе взятых. Если это так, то должна быть причина или причины такой порочности вашего простого народа». Франклин видел одну из таких причин в отсутствии «справедливости и морали в вашем национальном правительстве, что проявляется в вашем деспотическом поведении по отношению к подданным и в несправедливых войнах с вашими соседями».

Франклин перечислял разбойничьи внешнеполитические акции британской короны и делал вывод, что стремление к легкому обогащению является важнейшим стимулом, двигающим внешнюю политику Англии. «Посмотрите, – писал он, – на длительное и упорное, несправедливое обращение с Ирландией, что, наконец, признано. Посмотрите на грабительское управление, осуществляемое вашими купцами в Индии, на захватническую войну с американскими колониями». Перечислив другие агрессивные внешнеполитические акции Англии,

Франклин приходил к выводу: «Надежда на громадную и легкую добычу была единственным очевидным и, по-видимому, подлинным поводом и стимулом…»

Во времена Франклина, так же как и в наши дни, было широко распространено мнение, что солдат – не больше, как сражающаяся машина, призванная не рассуждать, а только выполнять приказы. Франклин был самым решительным противником подобной точки зрения. «Некоторое время, – писал он, – было общепринятым мнение, что человек, находящийся на военной службе, не должен интересоваться тем, справедлива данная война или несправедлива, он должен только выполнять приказы. Все государи, которые склонны стать тиранами, вероятно, должны одобрить это мнение и быть готовыми упрочивать его».

В последние годы жизни Франклин написал очень короткую, на одну печатную страничку, работу – «Высказывания о войне», где в сжатой, почти конспективной форме высказал ряд интересных мыслей. Франклин был реалистом, и он помнил, что существовали важные экономические, политические, исторические причины войн. Если невозможно устранить войны из жизни людей, считал он, то «в интересах человечества в целом надо, чтобы бедствия войн и побуждающие их моменты были уменьшены».

Франклин в этой работе вносил предложения, многие из которых в дальнейшем вошли в международное право. Он спрашивал, почему нельзя принять такой закон, «чтобы во время всех войн, которые произойдут в дальнейшем, обе стороны не мешали и покровительствовали следующим категориям людей и разрешили им в безопасности продолжать свои занятия?». К этим категориям людей он относил лиц следующих профессий:

«1. Земледельцы, потому что они трудятся для существования человечества.

2. Рыбаки, по той же причине.

3. Торговцы и купцы на невооруженных кораблях, которые снабжают различные народы путем подвоза и обмена предметов первой необходимости и удобств жизни.

4. Художники и ремесленники, живущие и работающие в открытых городах.

Нет необходимости добавлять, что больницы врагов не должны повреждаться, им надо оказывать помощь».

Франклин видел в войнах главное бедствие человечества, причем бедствие не стихийное, а вызываемое сознательными действиями небольшой группы людей, наживающихся на этом. «Если уничтожить грабеж, – писал он, – то будет устранено одно

из поощрений войн и мир, вероятно, будет более прочным и длительным».

В выступлениях против войн особенно наглядно проявился гуманизм Франклина.

Франклин был убежденным противником варварской политики истребления индейских племен. После кровавого побоища индейцев, учиненного в 1763 году вооруженными колонистами в Пенсильвании, в графстве Ланкастер, Франклин опубликовал статью, в которой писал: «Единственное преступление этих несчастных созданий заключается в том, что они краснокожие и черноволосые. Кто-то из них, кажется, убил нескольких наших родственников. Если это является достаточным основанием для того, чтобы убивать после этого индейцев, тогда в случае, если рыжий человек с веснушками убьет мою жену или ребенка, я в качестве возмездия имею право убивать всех рыжих и веснушчатых мужчин, женщин и детей, которые мне где-то встретятся».

В отличие от многих своих современников, даже образованных и достаточно гуманных в других вопросах, Франклин считал индейцев такими же людьми, как и белые. Он заявлял, что взаимоотношения между коренными жителями Америки и белыми пришельцами должны регулироваться справедливыми договорами и честной торговлей. Франклин считал, что самый страшный враг индейцев, как и всех людей, – алкоголь, и решительно требовал прекратить позорную для цивилизованных людей практику спаивания коренных жителей Америки.

Франклин сам участвовал в войне с индейцами и неоднократно был свидетелем жестоких расправ индейцев с попавшими в их руки белыми колонистами. Однако он считал, что это были только ответные меры местных племен против действий белых колонизаторов, которые жесточайшим образом эксплуатировали и истребляли аборигенов. Расизм белых поселенцев, возведенный в ранг официальной политики, приводил к тому, что в английских колониях белые зачастую свирепо расправлялись даже с теми индейцами, которые были союзниками англичан. Такой факт как раз и имел место в графстве Ланкастер. Со всей присущей ему решимостью Франклин резко выступил против предательских действий англичан по отношению к своим индейским союзникам. Подобная позиция Франклина, как отмечал его биограф, «создавала ему больше врагов, чем друзей». Сам Франклин писал по этому поводу: «Даже моя гуманность по отношению к находившимся под нашим покровительством невинным индейцам

была занесена в список моих преступлений».

В варварских актах по отношению к индейцам были повинны те или иные военачальники и гражданские администраторы, отдельные колонисты. В ряде случаев путем организации общественного мнения можно было предотвратить подобные акции или не допустить их повторения в будущем. Однако Франклин не понимал обреченности индейцев в тех условиях, которые складывались в Америке и превращались в главную тенденцию ее исторического развития.

Америка становилась на путь буржуазного, капиталистического развития. Капитализм сметал со своего пути и уничтожал все, что хотя бы в какой-то мере мешало или задерживало его развитие. И если индейцев не удалось приспособить к тем условиям, которые нужны были новым белым хозяевам Америки, тем хуже для них! Почти полностью они были истреблены значительно позднее, когда английские колонии завоевали независимость, объединились в Соединенные Штаты Америки и прочно стали на путь капиталистического развития. Однако и в канун войны за независимость эта тенденция прослеживалась достаточно четко и находила свое отражение в политике белых колонистов по отношению к индейцам.

Пытливый ум Франклина стремился дать четкое, научное объяснение всему, с чем ему приходилось сталкиваться. Оценки Франклином индейской проблемы, причин ее исключительной остроты в колониальной Америке, наблюдения за жизнью и бытом индейских пленен не потеряли своего значения и в наши дни.

Основные взгляды Франклина на эти вопросы изложены в его известной работе «Заметки относительно дикарей Северной Америки». Франклин начинает свое исследование с категорического отрицания расистского термина «дикарь», столь распространенного в то время. «Мы называем их дикарями, – писал он, – потому, что их нравы отличаются от наших, которые мы считаем верхом учтивости, они думают то же самое о своих нравах».

Франклин писал, что если бы беспристрастно изучались нравы различных наций, то стало бы очевидным, что нет ни «грубых»» ни «благовоспитанных» народов. Он подчеркивал, что элементы и того и другого есть у всех народов, вне зависимости от уровня их культурного развития. У каждого народа, отмечал Франклин, взгляд на уровень культурного развития определяется теми конкретными условиями, в которых он живет.

Франклин приводил любопытный факт. Несколько индейских юношей прошли обучение в колледжах северных провинций.

Когда же они вернулись к своим соплеменникам, то последние совсем не были поражены и тем более восхищены их ученостью. Более того, говорили индейцы, «оказалось, что они плохие бегуны, не знают, как жить в лесах, неспособны переносить холод и голод, не умеют строить хижины, охотиться на оленей, убивать врагов, хорошо говорить на нашем языке, и поэтому они неспособны быть ни охотниками, ни воинами, ни членами совета, они вообще ни на что не годны».

Давая столь нелестную оценку результатам воспитания индейских юношей в колледжах белых, индейцы великодушно предлагали показать белым, что такое настоящее воспитание. «Мы, если жители Виргинии направят нам дюжину своих сыновей, позаботимся как можно лучше об их воспитании, обучим их всему, что мы знаем, и сделаем из них настоящих *мужчин*».

Франклин подчеркивал, что в отличие от европейцев, кичащихся своей цивилизованностью, индейцы доброжелательны, отличаются вежливостью, большим уважением друг к другу. Во время индейских общественных собраний тот, кому предоставлено слово, встает, а все присутствующие хранят строгое молчание. Когда оратор закапчивает речь и садится на свое место, пять-шесть минут все собрание продолжает хранить молчание. Делалось это для того, чтобы закончивший речь оратор мог собраться с мыслями. Если за это время он приходил к выводу, что ему надо еще что-то добавить к своему выступлению, то вновь получал слово. Считалось очень дурным тоном перебивать другого даже в ходе общей беседы.

Франклин, сравнивал эти традиции индейцев с порядками в английской палате общин, с которыми он имел возможность достаточно хорошо познакомиться за долгие годы жизни в Лондоне. «Как это отличается, – писал Франклин, – от поведения благовоспитанной английской палаты общин, где редкий день проходит без какого-нибудь беспорядка, что заставляет председателя кричать до хрипоты, призывая к *порядку*».

На своем веку Франклин много повидал различных салонов, в том числе самых фешенебельных, самых модных. И он со знанием дела сравнивал традиционную индейскую беседу с манерой вести светский разговор в салоне. «Как это (беседа индейцев. – *Р. И.*) отличается от способа беседы во многих изящных салонах Европы, где, если вы не произнесли свое суждения с большой скоростью, вас перебьют на полуслове нетерпеливой болтовней те, с кем вы разговариваете, и никогда не дадут докончить вашу фразу!»

Когда индеец появлялся в населенном пункте, вокруг него

сразу же собиралась толпа любопытных, которые бесцеремонно разглядывали его со всех сторон, как какую-то диковинку. Индейцы же, если в их селении появлялся белый человек, для того чтобы посмотреть на пришельца, прятались в кустах, чтобы не смущать его своим чрезмерным любопытством.

Франклин восхищался гостеприимством индейцев, которые исключительно радушно, заботливо встречали чужестранцев. В каждом селении индейцев имелся «дом чужеземца», где размещали незнакомого человека, появившегося в селе. Узнав о приходе чужеземца, каждый нес что мог: пищу, шкуру, табак. И только после того, как гости поедят и отдохнут, им предлагали трубки и начиналась беседа. Обычно разговор заканчивался предложением услуг, гостю предлагалось все, что нужно для продолжения путешествия и без какого-либо за то вознаграждения.

Традиционному гостеприимству индейцев Франклин противопоставлял скаредность белого человека, который мог оказать услугу только за вознаграждение, да и то не каждому. Франклин приводил слова индейца: «Если белый человек, путешествуя по нашей стране, войдет в одну из наших хижин… мы высушиваем его одежду, если он промок, мы согреваем его, если он замерз, даем ему мясо и питье, чтобы он мог утолить свой голод и жажду; мы расстилаем для него хорошие меха, чтобы он мог отдохнуть и поспать; и мы ничего не требуем взамен. Но если я приду в дом белого человека в Олбани и попрошу еды и питья, жители скажут: „Где твои деньги?“; и если у меня их нет, они скажут: „Убирайся отсюда, индейская собака!“

В пятидесятых годах Франклин был назначен полномочным комиссаром от Пенсильвании в комиссию, которая вела мирные переговоры с индейцами. Участие в этой комиссии и результаты других своих наблюдений он изложил в работе «Замечания по плану будущего управления делами индейцев», написанной в 1765—1766 годах.

Франклин выступает в ней против вмешательства правительства в торговлю между белыми и индейцами, против установления тарифов на меха, продаваемые индейцами. Он считал эту меру бесполезной, потому что она была неосуществима: на огромных пространствах североамериканских колоний невозможно было установить сколь-либо действенный контроль за выполнением решений, регулирующих эту торговлю.

Франклин был убежденным противником продажи индейцам спиртных напитков, и тем не менее в «Замечаниях» выступил против запрещения продажи рома в каких-либо местах. По его мнению, «предполагаемое запрещение продажи спиртных

напитков послужит серьезным поощрением для нелегальных торговцев и будет содействовать такой торговле».

Это были обоснованные соображения. Как показал позднее опыт введения «сухих законов» в ряде стран, в том числе и в США, подобные ограничения лишь порождают подпольную торговлю спиртными напитками. А это ведет к выкачиванию значительных средств у населения и к обогащению подпольных торговцев крепкими напитками.

Франклин не идеализировал первобытнообщинного строя индейцев, но он с восхищением отзывался о федерации ирокезов, о демократизме, присущем индейцам. Франклин отмечал, что «у них нет полиции, тюрем, нет чиновников, чтобы заставлять подчиняться или налагать наказание».

Начиная с колониального периода и до наших дней включительно, негритянская проблема занимала и занимает исключительно важное место в истории США. Лучшие люди Америки всегда самым решительным образом выступали против позорного института рабства и его последствий в виде расовой дискриминации. Отношение к негритянской проблеме всегда было важнейшим критерием при определении демократизма взглядов того или иного деятеля Америки.

Закономерно, что Франклин, как гуманист и прогрессивный деятель, не мог не относиться отрицательно к жесточайшему террористическому режиму, созданному для негров-рабов в колониальной Америке.

Экономической базой рабства были плантации южных провинций, где даровой труд рабов использовался для выращивания табака, риса, индиго, а позднее хлопка. Однако ошибочно считают, что только плантаторы и огромная паразитическая прослойка – надсмотрщики, погонщики рабов, охранники и прочая челядь южных латифундистов – были заинтересованы в рабстве с экономической точки зрения. Купцы, фабриканты, банкиры северных провинций, связанные самыми тесными узами с плантаторской экономикой Юга, были не в меньшей степени рабовладельцы, чем южные плантаторы, – они наживали огромные прибыли на эксплуатации негров-рабов.

В конце XVIII – начале XIX века в США начала быстро развиваться текстильная промышленность, что вызвало резкое увеличение спроса на хлопок. Тормозом в решении проблемы увеличения сбора хлопка была его очистка, которая производилась вручную, и являлась очень трудоемкой операцией. В 1793 году наконец была изобретена хлопкоочистительная машина Уитни, и сразу же в стране начался чудовищный хлопковый бум. За семьдесят лет, с 1790 по 1860 год,

производство хлопка в США увеличилось на 1000 процентов. И показательно, что 40 центов с каждого доллара, вырученного от продажи хлопка, выращенного на Юге, оседали у предпринимателей Севера. Приведенные цифры относятся к более позднему периоду, к кануну гражданской войны 1861—1865 годов, но и во времена Франклина экономическая заинтересованность предпринимателей, банкиров и купцов северных провинций в применении рабского труда была очень значительной. Надо также учитывать, что вплоть до Войны за независимость 1775—1783 годов рабство было законным во всех тринадцати колониях Англии в Америке.

Негры-рабы использовались в качестве рабочей силы в в северных провинциях, но особенно много их было среди домашней прислуги. В северных провинциях торговля неграми-рабами была столь же обычным явлением, как и на Юге. Многие состоятельные люди здесь, даже те, кто был противником рабства, нередко имели в услужении негров-рабов. И даже в доме Франклина, когда его материальное положение упрочилось, появились негры-рабы, использовавшиеся в качестве домашней прислуги.

В то время, когда состоятельные люди всех колоний использовали труд негров-рабов, надо было обладать незаурядным мужеством, чтобы решительно выступить за уничтожение рабства. Это сделал Франклин.

Во все времена в Америке было немало честных в мужественных людей, которые решительно боролись за уничтожение рабства, доказывая его аморальность, несправедливость того, чтобы один человек владел другим как вещью. Но эта проповедь не давала каких-либо ощутимых результатов.

Франклин был выдающимся экономистом своего времени, и он раньше, чем кто-либо другой в Америке, понял, что рабский труд непроизводителен, а следовательно, и невыгоден. Он хорошо знал своих соотечественников как людей деловых, предприимчивых и, очевидно, поэтому апеллировал к их экономическим интересам, а не к соображениям морального порядка. Вероятно, экономические интересы были поставлены на первое место и потому, что он имел достаточно полное представление о моральных критериях американских рабовладельцев и ни в коей мере не переоценивал их.

Франклин давал уничтожающую характеристику рабовладельцам. В своей работе «К сведению тех, кто собирается переехать в Америку» он рассеивал иллюзии простодушных людей, которые верили, что Америка – «рай дураков», где «улицы

вымощены белыми булками, дома покрыты блинами и где летают жареные куры и кричат: *«Приди, съешь меня!»*. Франклин писал, что тот, кто приедет в Америку, должен быть готов к тому, что он попал в страну рабовладения. «Людям, – писал он, – нравятся слова одного негра, и они часто их повторяют, что Боккарора (имеется в виду белый человек) *«заставляет работать черного человека, заставляет работать лошадь, заставляет работать быка, заставляет всех работать, кроме свиньи. Свинья не работает, она ест, пьет, гуляет, спит, когда захочет, она живет, как джентльмен»*. Подобная оценка белого человека, тем более изложенная негром, была смертельным оскорблением для всего клана рабовладельцев.

Человек исключительного трудолюбия, Франклин считал, что рабовладельцы, строя свое благополучие на труде негров, тем самым полностью отключаются от созидательной деятельности и, как следствие этого, деградируют, морально разлагаются, что подобный уклад жизни не имеет права на существование.

Американская революция, война колоний за освобождение не привела к уничтожению рабства как экономической системы. Следствием войны явилось упразднение его только на Севере, где оно не имело для своего развития необходимой экономической базы и было невыгодно. Что же касается Южных штатов, то как раз вскоре после революции оно распустилось здесь махровым ядовитым цветом. Как это ни парадоксально, но американская буржуазная революция, дав мощный толчок развитию промышленности, в том числе текстильной, создала экономические предпосылки для бурного развития плантационного рабства на Юге. Попытки Франклина и других прогрессивных деятелей американской революции добиться полного уничтожения этого позорного наследия прошлого не увенчались успехом, но Франклин верил в неизбежность уничтожения его. Вот почему он стал создателем аболиционистского общества Пенсильвании, ставившего своей целью освобождение негров-рабов, и в последние годы жизни, сломленный тяжелой болезнью, тем не менее находил время и силы руководить работой этого общества, являясь его президентом.

Франклин задумывался даже над тем, как в будущем решать вопрос об устройстве свободных негров в американском обществе. Это был не праздный вопрос, не иллюзии престарелого мечтателя. Спустя почти столетие, когда рабство негров было уничтожено в тяжелой и кровопролитной четырехлетней гражданской войне 1861—1865 годов, вопрос о том, что делать со свободными неграми, действительно стал серьезнейшей

социальной, экономической и политической проблемой.

Незадолго до смерти, 9 ноября 1789 года, Франклин писал от имени аболиционистского общества Пенсильвании:

«Рабство – это такое жестокое унижение человеческой природы, что самое его искоренение, если только оно не проводится с максимальной осторожностью, иногда может сделаться источником серьезных пороков.

Несчастный человек, с которым долго обращалась как с животным, очень часто опускается и не имеет человеческого достоинства. Тягостные цепи, которые связывают его тело, сковывают и его умственные способности и ослабляют общественную привязанность его сердца».

Франклин писал, что надо тщательно продумать систему мероприятий, направленных на то, чтобы освобождение не носило формального характера, как это действительно и произошло в 1863 году. Он доказывал необходимость того, чтобы негры получили равные с белыми экономические и политические права и стали полноправными членами американского общества. Франклин считал, что после освобождения рабов надо создать «комитет по наблюдению, который будет наблюдать за нравственностью, общем поведением и обычным положением свободных негров» давать им советы и указания, защищать от несправедливости и оказывать другие дружеские услуги».

Характерно, что после освобождения негров было организовано Бюро освобожденных, которое выполняло именно этот круг задач.

Франклин указывал на то, что целесообразно будет создать для освобожденных рабов необходимые условия, чтобы они «научились какому-нибудь ремеслу или другому делу для добывания средств существования».

Великий просветитель понимал, что, сбросив цепи рабства, негры потянутся не только к куску хлеба, но и к знаниям, что у них будет огромная тяга к учебе. И он предлагал принять необходимые меры, чтобы свободные негры, в первую очередь дети и молодежь, получили возможность учиться.

Франклин акцентировал внимание на необходимости обеспечить освобожденных негров работой, «так как недостаток работы привел бы к бедности праздности и многим порочным привычкам».

С поразительной прозорливостью он предсказал все те проблемы, с которыми столкнутся освобожденные негры и американское общество в целом. Гуманизм Франклина ярко проявился в том, что еще задолго до освобождения негров-рабов он выработал развернутую программу решения тех сложнейших

социально-экономических и политических проблем, которые возникнут в результате уничтожения рабства.

Гуманизм Франклина нашел свое проявление не только в том, что он всеми имевшимися в его распоряжении средствами выступал в защиту негров и индейцев, этих париев Америки. Вышедший из народа, с двенадцатилетнего возраста сам зарабатывавший свой кусок хлеба, человек, который видел в труде средство облагораживания людей, он не мог не питать симпатий ко всем трудящимся массам Америки. Франклин не понял классовой природы американского общества, он идеализировал капиталистический способ производства и во многом трактовал современные ему проблемы с идеалистических позиций.

Франклин мечтал о том времени, когда исчезнут паразиты и тунеядцы всех мастей, когда все члены общества будут заниматься производительным трудом. Он даже подсчитал, что тогда рабочий день граждан можно будет сократить до четырех часов. Конечно, это была утопия. И в настоящее время, когда развитие производительных сил достигло невиданных масштабов по сравнению с XVIII столетием, невозможно в условиях капитализма сократить рабочий день до четырех часов. Эксплуататорская сущность капитализма – непреодолимое препятствие на пути подобного радикального решения проблемы продолжительности рабочего дня. Но тот факт, что Франклин ставил этот вопрос, занимался его изучением, является убедительным свидетельством его гуманизма, заботы об интересах простых тружеников.

Выдающийся ученый, многое сделавший для развития науки и техники не только в теоретическом, но и в практическом плане, Франклин верил в то, что нет пределов для прогресса науки и техники. И он рассматривал этот прогресс не сквозь призму увеличения прибылей предпринимателей, обогащения одиночек, а как залог будущей беспредельной власти человека над природой.

Гуманизм Франклина нашел свое отражение и в том, что он никогда не брал патенты на свои изобретения и открытия. Причем многие из этих изобретений и открытий были сделаны им тогда, когда его материальное положение было отнюдь не блестящим, а патент на любое из его крупных изобретений мог дать целое состояние. Но Франклин считал, что наука не должна иметь национальных или каких-либо других границ. Все, что делается в сфере науки, по его мнению, не должно служить обогащению одиночек, если они даже авторы того или иного открытия. Наука должна служить интересам всего человечества.

Ученый-энциклопедист

Укрепив свое материальное положение, Франклин отошел от дел, с тем чтобы весь свой досуг использовать для научной работы. Однако ему не суждено было долго наслаждаться в тиши кабинета теоретическими исследованиями и научными экспериментами, которые давали ему такое огромное удовлетворение. Научная деятельность Франклина, имеется в виду более или менее регулярная научная работа, продолжалась всего пять-шесть лет, и тем более поразительны те огромные, достижения, которых он добился за этот короткий срок в самых различных областях науки. Причем следует подчеркнуть, что в жизни Франклина никогда не было такого периода, когда бы он занимался только научной работой, всегда параллельно с этим он выполнял множество самых различных общественных и административных поручений.

Освободившись от забот о своей типографии, Франклин вздохнул с облегчением, «но общественность, – писал он в автобиографии, – считая меня досужим человеком, завладела мною для своих целей: каждый орган нашего гражданского управления возложил на меня какие-либо обязанности, причем все это делалось почти одновременно». И действительно, губернатор назначил его членом комиссии по заключению мира с индейцами, городская корпорация избрала его в коммунальный совет, а вскоре – в городскую управу, и, наконец, он стал членом Законодательного собрания. Если учесть, что Франклин одновременно исполнял хлопотливые обязанности попечителя академии, руководил Хунтой, писал многочисленные статьи в газету и вел огромную научную работу, то надо сделать вывод, что трудоспособность этого человека была просто поразительна.

Когда говорят о Франклине как ученом, в первую очередь речь идет о его известных опытах по электричеству, об изобретении громоотвода или особого, очень удобного камина, широко вошедшего в быт по обе стороны океана, об исследовании Гольфстрима, о работах в области теплопроводности металлов, о распространении звука в воде, о его работах в судостроении, геологии, ботанике и т. д.

Меньше известны труды Франклина в области гуманитарных наук. Однако их значение также исключительно велико. Маркс давал высокую оценку его работ в области политэкономии. Очень интересны выводы Франклина по сложнейшим философским проблемам. Он не писал повестей и романов, но по праву считается настоящим писателем своего времени. Ряд его работ

написан исключительно образным, ярким, доходчивым языком. С именем Франклина неразрывно связано становление и развитие американской журналистики.

Франклин проявлял большой интерес к истории и оставил ценные исследования в этой области. Еще в юношеские годы он зачитывался книгами о жизни и деятельности выдающихся полководцев и государственных деятелей Древней Греции и Рима. Изучение этого периода истории Франклин считал крайне важным для получения систематических знаний, о развитии всего исторического процесса. Уже в зрелые годы, высказывая свои взгляды по вопросам организации школьного образования, он писал, что в младших классах надо преподавать историю Древней Греции и Рима, с тем чтобы позднее перейти к изучению других периодов истории, в частности истории колоний.

Франклин всегда имел в виду и вопрос о том, что практически ценного может дать изучение той или иной области науки. Он считал, что знать историю необходимо для того, чтобы на опыте прошлого более успешно решать проблемы современного периода и правильно предвидеть будущие социальные, экономические, политические проблемы развития общества.

Четко выраженный практический интерес имели труды Франклина по истории североамериканских колоний Англии. В научных изысканиях, в частности в исторических трудах, Франклин выступал как новатор, его внимание привлекало то, что еще не стало предметом исследования со стороны других ученых. В истории Франклина интересовала деятельность не монархов, полководцев и других представителей правящей «элиты», а роль широких народных масс в решении важнейших исторических проблем. Неправильно считать, что Франклин пришел к выводу о решающей роли народных масс в истории. Как и другие буржуазные просветители, он не понял антагонистического характера противоречий между господствующими эксплуататорскими классами. Но бесспорной заслугой Франклина в развитии исторической науки является то, что он осознал необходимость изучения роли народных масс в истории и осуществил это на практике.

В подходе Франклина к изучению исторических явлений отразился гуманизм этого выдающегося ученого, государственного и общественного деятеля. Гуманизм Франклина не был абстрактным, он не распространялся на всех и при всех обстоятельствах: например, когда началась революционная война за независимость, Франклин понимал гуманизм, как необходимость решительно сражаться с врагами в интересах

народа восставших колоний. Франклин считал, что не может быть гуманного отношения к тем, кто выступает против народа, что в данном случае не может быть никакого компромисса. Когда его сын Уильям принял сторону лоялистов и выступил против восставших колоний, Франклин порвал с ним отношения самым решительным образом и навсегда.

Интересы народа, его благо – превыше всего! Таковы были принципы, которыми руководствовался Франклин в своей деятельности как ученый, общественный и государственный деятель. Очевидно, исходя из этой гуманистической концепции, Франклин и проявлял столь, большой интерес к вопросу о роли народных масс в истории. Когда мы говорим, что главным в своей деятельности Франклин считал благо всего народа, необходимо уточнить, что в понятие «народ» он включал отнюдь не только непосредственных производителей материальных благ, но и буржуазию.

Правда, следует отметить, что в канун революции и особенно в годы революционной борьбы колоний за освобождение радикальные круги буржуазии играли важную роль в борьбе с господством британской короны. Конечно, Франклин был далек от строго научного, классового подхода к анализу понятия «народ». Однако он проявил большой интерес к вопросу о роли народных масс в истории и внес свой значительный вклад в определение этой роли на примере Америки.

Выше уже шла речь о том, что Франклин многое сделал для изучения жизни и быта индейцев. Его работы в этой области во многом обогатили этнографию и историю первобытной культуры. В изучении этих проблем Франклин не смог подняться до таких важных теоретических обобщений, какие сделал Морган, вклад которого в изучение первобытнообщинного строя исключительно высоко оценивал Энгельс. Франклин, собственно говоря, и не ставал перед собой подобных задач. Но бесспорной его заслугой являлось то, что в своих трудах, посвященных индейцам Америки, он бескомпромиссно выступает с позиций борьбы против расизма во всех его проявлениях.

Исторические экскурсы содержатся во многих работах Франклина, но его главным историческим трудом является «Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании с момента ее возникновения в плане рассмотрения различных сторон споров, возникавших время от времени между губернаторами Пенсильвании и ассамблеями».

Любого современного редактора и издателя столь пространное название настроило бы на самый воинственный лад по отношению к автору. Но достоинство этого длинного названия

заключалось в том, что оно демонстрировало конкретность исследования Франклина. Автор действительно дал подробнейший анализ конституции Пенсильвании с момента ее возникновения и показал все перипетии борьбы в Пенсильвании на протяжении всей истории этой провинции.

Франклин развертывает в этой работе огромное историческое полотно. Он доводит изложение событий до 1759 года, когда была опубликована эта работа. Автор прослеживает все этапы борьбы между народным правительством в лице ассамблеи и правителями колонии. Это блестяще фундированная работа, в которой широко использованы документы ассамблеи, письма, послания основателя колонии Уильяма Пенна, королевские хартии правителям колонии, документы губернаторов.

«Исторический очерк» не случайно вызвал исключительно большой интерес и в Англии, и в Америке. Изложив историю борьбы Пенсильвании за права колонистов в прошлом, Франклин переходил к анализу современных ему проблем. И историческое исследование перерастало в политический трактат, программный документ, превращалось в руководство к действию.

Франклин обобщил в «Исторической очерке» опыт борьбы за права колонистов в одной из важнейших провинций североамериканских колоний Англии, что было исключительно важно в преддверии назревавшей революции. Этот опыт был практически использован позднее в революционной борьбе, которая охватила все тринадцать колоний.

«Очерк» не только историческая работа, но и первоисточник, не потерявший своего значения и в наши дни, так как он написан активным участником исследуемых событий, живо и ярко передает колорит эпохи, накал борьбы.

Эта работа Франклина относилась к тем немногим американским трудам, которые политически, идеологически подготавливали революцию. Основываясь на теории Руссо, Франклин обосновывал право народа Пенсильвании и всех колоний свергнуть власть правителей, которые нарушили взятые на себя обязательства, не выполняют общественного договора. Франклин всесторонне обосновывал в «Очерке» право народа на революцию, теоретически обосновывал то, что спустя пятнадцать лет произошло в Америке, – свержение власти британской короны. «Слова *законное правление,* – писал Франклин, – несут в себе большой смысл. Никакое повеление короля не будет законным повелением, если оно не созвучно закону и не удостоверено одной из его печатей. Формальность в этом случае необходима для того, чтобы воспрепятствовать беззаконию».

Франклин выступал не только как представитель интересов

народа Пенсильвании, но и как глашатай назревавшей американской буржуазной революции. Вывод Франклина о праве народа на революцию был закреплен 4 июня 1776 года в Декларации независимости, провозглашавшей принципы, на которых основывалась республика, возникшая на территории бывших английских колоний. Перечислив многочисленные права американского народа, Декларация констатировала, что именно для обеспечения этих прав и создаются правительства, получающие свои полномочия от народа. В случае, если какая-либо форма правления угрожает этим правам, народ вправе изменить или упразднить ее и учредить новую, которую он будет считать необходимой.

Заслуга Франклина заключается в том, что он научно обосновал необходимость и законность американской революции, что способствовало перерастанию антианглийского движения в североамериканских провинциях в победоносную вооруженную борьбу колоний за свое освобождение.

Труды Франклина в области истории, философии, политэкономии больше известны специалистам, занимающимся изучением Соединенных Штатов Америки, и тем, кто специализируется в перечисленных науках. Но трудно найти человека, который не слышал бы о знаменитых опытах Франклина по изучению электричества, об изобретении им громоотвода. Эти работы явились большим вкладом в науку, они принесли Франклину мировую известность.

Франклин писал в автобиографии: «В 1746 году я встретился в Бостоне с доктором Спенсом, прибывшим недавно из Шотландии. Он показал мне ряд опытов над электричеством. Выполнение их было несовершенно, так как доктор Спенс не был знатоком этого дела. Эти опыты касались совершенно нового для меня предмета, поэтому они изумили меня и доставили мне удовольствие».

Советский исследователь М. И. Радовский уточнил по письмам Франклина и другим документам, что начало экспериментов Франклина в области электричества имело место за три-четыре года до того периода, о котором говорится в автобиографии. В частности, встреча со Сненсом состоялась не в 1746-м, а в 1743 году. Это уточнение существенно, так как при определении приоритета в научных открытиях важное значение имеют часто не только годы, но даже и дни начала научной работы и ее завершения. Здесь следует добавить, что ошибка Франклина в определении года начала его знаменитых опытов с электричеством не удивительна, так как раздел автобиографии, где речь идет о данных опытах, писался спустя сорок лет после их

проведения. Многие факты в автобиографии Франклин излагал по памяти, и приходится удивляться ее силе. Правда, он пожаловался на страницах своих мемуаров, что к старости память у него ослабла. И невольно возникает вопрос, сколь сильна была его память в молодые годы, если в старости он так легко восстанавливал все перипетии событий, имевших место многие десятилетия назад.

Указание Франклина на то, что Спенс не был знатоком дела, за которое взялся, полностью соответствовало действительности. Это был заезжий гастролер, по профессии врач-акушер, опыты которого во многом походили на балаганное представление, рассчитанное на увеселение зрителей и выполненное более или менее искусно. Но положительное в этих опытах было несомненным. Несмотря на то, что Спенс проводил свои лекции, разъезжая по городам Америки, исключительно ради заработка, они способствовали популяризации достижений науки в области натурфилософии, как тогда называли точные науки. А интерес к этим достижениям был очень большим. Во всяком случае, лекции Спенса, несмотря на свой низкий научный уровень, собирали большую аудиторию.

Заинтересовавшись электричеством, Франклин использовал те связи в научных кругах Англии, которые установил во время пребывания в этой стране. Член Лондонского королевского научного общества Питер Коллинз переслал в подарок Филадельфийскому библиотечному обществу, руководимому Франклином, необходимую аппаратуру и инструкцию, в которой подробно рассказывалось, как надо проводить опыты по электричеству. Франклин с увлечением занялся новым делом, и скоро «благодаря большой практике, – вспоминал он, – научился с большой ловкостью производить те опыты, которые описывались в английской инструкции, а также дополнил их своими».

Франклин не относился к разряду тех ученых, которые всем видам научной работы предпочитают затворничество в тиши кабинета. Такие ученые нередко тоже делали открытия мирового значения, но их самоизоляция от коллег и общества нередко мешала внедрению этих открытий в жизнь, зачастую их работы вообще не могли быть преданы гласности. Академик П. Л. Капица в своем очерке о Франклине рассказывает об одном из таких ученых – современнике Франклина Генри Кавендише. Выдающийся английский ученый, которого называли «Ньютоном современной химии», приблизительно в 1775 году открыл закон взаимодействия электрических зарядов. Только через десять лет Кулон сделал то же самое, и этот фундаментальный закон вошел

в историю мировой науки под его именем. Характерна судьба открытия Кавендиша. Его работа, совершенно готовая к публикации, пролежала в архиве целое столетие и появилась в свет только в 1877 году.

В отличие от таких ученых-затворников Франклин считал, что наука должна служить интересам всего человечества, и любое научное открытие должно быть предано самой широкой гласности. Когда Франклин начал опыты над электричеством и увидел, какой огромный интерес они вызвали у его друзей и знакомых, первое, что он сделал, – это максимально расширил круг людей, которые могли ознакомиться с ними. Он заказал необходимую аппаратуру и передал ее своим друзьям, с тем чтобы они могли самостоятельно делать такие же опыты.

Один из последователей Франклина, мистер Киннерсли, оказался очень способным экспериментатором. Обратив внимание на его успехи в проведении опытов над электричеством, Франклин предложил Киннерсли, который был тогда без работы, демонстрировать опыты за плату. Он написал для Киннерсли две лекции, в которых в логической последовательности излагались результаты экспериментов и делались обобщающие выводы. Опыты и лекции Киннерсли пользовались большим успехом в Филадельфии, и вскоре он отправился в турне но всем колониям.

Франклин был глубоко убежден, что наука и монополия несовместимы, что результаты научных исследований, в том числе и уникальные научные открытия, должны быть достоянием всех. Характерно, что в лекциях для Киннерсли он изложил свои соображения о тождестве молнии и электричества, не заботясь о том, что его открытие будет популяризировать кто-то другой. Поступая так, Франклин рисковал, что его могли лишить права авторства.

Даже в популярных работах Франклин стремился глубоко, содержательно раскрывать тему исследования. Это требование, в частности, было полностью соблюдено в лекциях, написанных им для Киннерсли. Франклин очень взыскательно относился к своим научным трудам и считал, что лекции для Киннерсли отвечали всем необходимым требованиям. Во всяком случае, он направил их на суд доктора Митчела, своего знакомого, который был членом Лондонского королевского научного общества.

Франклину принадлежит заслуга открытия положительного и отрицательного полюсов в электричестве; он выдвинул и обосновал гипотезу о материальной природе электричества, доказал электрическую природу молнии, изобрел громоотвод и плоский конденсатор; результаты экспериментов Франклина

вплотную подводили к пониманию одного из самых основных законов электростатического поля – закона Кулона.

Таков краткий перечень основных достижений Франклина в изучении электричества, которые поставили его в ряд самых выдающихся ученых, занимавшихся этой важной проблемой.

Как показывает история мировой науки, крупнейшие открытия в области точных наук, в отличие от наук гуманитарных, делались, как правило, учеными молодого возраста. Но нет правил без исключения. Франклин начал заниматься научной работой, когда ему был уже сорок один год, и тем не менее всего за пять-семь лет он сделал во много раз больше, чем многие крупные ученые-профессионалы за десятилетия беспрерывных научных исследований.

Идеи и выводы Франклина, как и многие гениальные эксперименты, были исключительно просты. Он, например, обратил внимание на «поразительную способность заостренных предметов извлекать и отдавать электрический огонь» (как он называл электричество) и экспериментально подтвердил свою гипотезу. Эксперимент, проделанный им с целью доказать правильность своего предположения, был поразительно прост.

Франклин клал чугунный шар диаметром в три-четыре дюйма на горлышко сухой стеклянной бутылки. К потолку прикреплялась шелковая нитка, на нижнем конце которой привязывался небольшой пробковый шарик, величиной, с горошину. Длина нитки и ее направление были такими, чтобы пробковая горошина соприкасалась с боком чугунного шара. Как только чугунный шар наэлектризовывался, пробковая горошина отлетала от него на несколько дюймов, в зависимости от силы электрического заряда. Если в этом положении к чугунному шару на расстоянии шести-восьми дюймов подводили острие кинжала, мгновенно прекращалось отталкивание пробковой горошины. Для того чтобы вызвать аналогичное действие с помощью тупого предмета, его надо было приблизить к шару на расстояние до одного дюйма, пока между этим предметом и шаром не проскочит искра.

На основании проведенных экспериментов Франклин направил в Лондон первый, очень краткий отчет. И уже в этом кратком отчете были четко выражены его идеи, которые составили основу унитарной теории электричества, и был сформулирован закон сохранения заряда.

В письме к Питеру Коллинзу в 1749 году Франклин изложил свою основную гипотезу о природе электричества. Он нарисовал яркую картину электризации тел. «Электрическая материя, – писал Франклин, – состоит из частиц крайне малых, так как они

могут пронизывать обычные вещества, такие плотные, как металл, с такой легкостью и свободой, что не испытывают заметного сопротивления». Приведя эту выдержку из письма Франклина, П. Л. Капица писал: «Эта картина до сих пор в основном остается правильной… В наши дни мы называем эти „крайне малые частицы“ электронами».

Франклин писал, что любое тело является как бы губкой, насыщенной частицами электричества. Процесс электризации тел он сводил к тому, что тело, получившее избыток электрических частиц, заряжено положительно, тело, имеющее недостаток этих частиц, заряжено отрицательно. Количественно Франклин это доказывал опытом, понятным любому человеку, не имеющему специальной подготовки.

Два человека становятся на восковые подушки, которые являются изоляторами. Один из них трением электризует стеклянную палочку. Если этой палочкой он коснется другого человека, то оба они оказываются наэлектризованными. Определяется это тем, что прикосновение любого из них к заземленному предмету вызывает искру. Если стоящие на изоляторах люди сразу после электризации прикоснутся друг к другу, то между ними проскочит искра, после чего пропадает их наэлектризованность по отношению к земле. Доказательством этому является то, что при прикосновении к заземленному предмету искра больше не появляется.

Результаты своих опытов Франклин изложил в нескольких письмах на имя Коллинза, так как считал нужным хотя бы таким путем отблагодарить его за присланную аппаратуру. Коллинз прочитал эти письма на заседании Королевского общества. Однако ученые мужи Англии не сумели разобраться в большой научной актуальности работы, проделанной Франклином, и не сочли ее достойной публикации. Более того, когда доктор Митчел зачитал присланные ему Франклином лекции, написанные для Киннерели, где доказывалась электрическая природа молнии, члены общества подняли на смех и Франклина и Митчела.

Однако когда с результатами работы Франклина ознакомился серьезный ученый доктор Фозергилл, он посоветовал Коллинзу опубликовать эти работы отдельной книгой и написал к ней предисловие. Эта книга явилась большим вкладом в развитие науки и при жизни Франклина выдержала пять изданий.

Как нередко бывает с крупными научными открытиями, идеи Франклина получили признание сначала за границей и только потом на родине. Лекция Фраклина, где доказывалось тождество молнии и электричества, была переведена на французский язык и напечатана в Париже. И сразу же она привлекла к себе внимание

ученых, причем отзывы некоторых из них были отнюдь не восторженными. Например, аббат Нолле, преподаватель натурфилософии в королевской семье, встретил теорию Франклина в штыки. Объяснялось это тем, что аббат сам был автором теории о природе электричества, которая была очень популярна в то время, а выводы Франклина не оставляли камня на камне от его идей.

Вокруг теории Франклина кипели бурные страсти, ученые различных школ и направлений оживленно обсуждали достоинства и недостатки этого открытия. И только сам автор с олимпийским спокойствием наблюдал за ходом этой борьбы. «Я, – вспоминал Франклин, – решил предоставить мои доклады их участи, полагая, что будет лучше использовать время, которое я могу выкроить из занятий общественными делами, для производства новых экспериментов, чем для дискуссии по поводу экспериментов, уже произведенных».

Тем временем интерес к открытиям Франклина все более возрастал. Его книга была переведена на итальянский и немецкий языки. Был сделан перевод и на латинский язык, который являлся в то время международным языком ученых.

В Париже в присутствии короля и всех высокопоставленных членов двора были повторены опыты Франклина по притяжению молнии из облаков. Резонанс эти опыты дали огромный. Имя Франклина, как выдающегося ученого и экспериментатора получило международное признание. Слава Франклина докатилась и до храма науки на Британских островах. Королевское общество вновь рассмотрело все письма, которые Франклин прислал в его адрес, и резюме из этих писем было, наконец, напечатано в трудах Королевского общества. Так пришло к Франклину пусть и запоздалое, но все же признание и в метрополии. «Вскоре, – писал Франклин, – я был с избытком компенсирован за то пренебрежение, с которым они сперва отнеслись ко мне. Без всякой просьбы с моей стороны они избрали меня своим членом, освободив от обычного взноса, достигающего двадцати пяти гиней, и так же бесплатно посылали мне впоследствии свои труды. Кроме того, я был награжден золотой медалью сэра Годфрея Коплея за 1753 год. Вручение мне этой медали сопровождалось очень красивой речью председателя общества лорда Мэклсфилда, в которой он высоко оценил меня».

За свои выдающиеся открытия в области электричества и в других областях науки Франклин был избран почетным членом большинства академий и ученых обществ зарубежных стран. Многие университеты присвоили ему звание почетного доктора наук.

Отсутствие учеников – продолжателей дела ученого – является свидетельством его научного эгоизма или интеллектуальной неполноценности. У Франклина были многочисленные последователи еще со времен его молодости, когда он учредил филадельфийскую Хунту. Параллельно с Франклином и под его руководством трудилась целая плеяда физиков-экспериментаторов. Однако никто из них, даже такие способные, как Киннерели, не смогли приблизиться к тому уровню, которого достиг Франклин в своей работе.

Одновременно с Франклином аналогичными проблемами занимались не менее талантливые люди. Причем это были ученые-профессионалы, которые имели ряд преимуществ перед заокеанским самоучкой. Достаточно указать на то, что работы Франклина приходятся на середину XVIII столетия, когда жили и творили такие гиганты науки, как Ньютон, Гюйгенс, Эйлер. И все же именно Франклину в далекой Америке, изолированной от крупнейших научных центров того времени, удалось сделать эпохальные открытия в области электричества.

Интересно высказывается по этому поводу академик П. Л. Капица:

«Мне думается, что надо искать объяснение в том, что Франклин первый правильно понял существо электрических явлений и поэтому открыл правильный путь для дальнейших исследований в этой области… На таких начальных этапах развития науки точность и пунктуальность, присущая профессиональным ученым, может скорее мешать выдвижению такого рода смелых предположений.

В начальной стадии изучения электричества требовалось, чтобы был сделан такой смелый шаг. И Франклин его сделал».

Из любого научного открытия Франклин стремился сразу же извлечь максимальную практическую пользу. Он, по существу, только еще сделал первые шаги на пути изучения электричества, но уже писал в одном из писем Питеру Коллинзу: «Все же немного досадно, что мы все еще не смогли добиться ничего полезного для людей в этой области».

Вскоре это полезное в исключительно больших масштабах было достигнуто, когда Франклин, доказав электрическую природу молнии, обосновал идею создания того, что в обиходе получило название громоотвода, хотя правильно было бы говорить о молниеотводе. Франклин был первым в мире ученым, который мог сказать с полным основанием: «Иду на грозу!» Он первым занялся изучением атмосферного электричества.

12 апреля 1753 года Франклин осуществил свой знаменитый опыт со змеем. Эксперимент отличался, как и все его опыты,

простотой и вместе с тем большой изобретательностью. По углам рамки змея, сделанного из легкого шелкового платка, Франклин поместил острия, исходя из своего вывода, что острые предметы притягивают электричество. Змей был запущен в грозу, и возникавшие в тучах молнии притягивались этими остриями и передавались на бечевку, тянувшуюся к земле. Чтобы изолировать бечевку от земли, к ней была привязана шелковая лента, а к концу бечевки – ключ. Франклин подчеркивал в одном из своих писем Коллинзу, что необходимо было следить, чтобы шелковая лента на намокала; для этого человек, запускавший змея, должен был находиться под крышей. Как только грозовая туча оказывалась над змеем, вся система заряжалась электричеством, и ворс на бечевке поднимался дыбом. Когда дождь смачивал змей и бечевку, их электропроводность сильно увеличивалась, и на ключе скапливалось много электричества. «Вы увидите, – писал Франклин, – как электрический огонь обильно стекает с ключа при приближении вашего пальца».

Так была доказана электрическая природа молнии. Это был опасный эксперимент, и во время опыта Франклин серьезно рисковал жизнью. Опыт требовал точного расчета и большой осмотрительности.

В том же 1753 году, когда Франклин проводил опыты со змеем, в России погиб при аналогичном эксперименте известный ученый Рихман. Он неосторожно приблизился к наэлектризованному стержню «громовой машины» и был убит на месте сильным электрическим разрядом.

Эксперимент Франклина поражал воображение своей дерзновенностью. Небо всегда было символом святости, и вот простой смертный вторгается в сферу владений всевышнего и экспериментирует там с «небесным огнем». Обыватель был поражен и шокирован. Люди науки и все прогрессивное человечество восторженно приветствовали эксперимент Франклина. Это был настоящий подвиг. Кант заявил, что Франклин – новый Прометей, доставший людям огонь с неба.

Этот огонь надо было не только достать, но и укротить. Выяснив электрическую природу молнии, Франклин заложил и теоретические предпосылки борьбы с разрушительными последствиями этого природного явления. Франклин был не единственным исследователем, который работал над созданием громоотвода. Но практический ум Франклина и самые передовые по тем временам познания в области электричества помогли ему первому решить эту сложную проблему.

Еще более серьезные трудности возникли, когда громоотвод был создан и надо было решать проблему его внедрения.

Религиозные ханжи и просто невежды яростно обрушились на Франклина, обвиняя его в святотатстве, во вторжении в святая святых каждого верующего человека – в небесные дела. Из поколения в поколение проповедовалось, что гром и молния – орудия гнева господнего. Было широко распространено мнение, что единственное средство борьбы с грозовыми явлениями – колокольный звон. Но беспристрастная статистика свидетельствовала, что чем больше звонили в колокола, тем больше жертв было среди звонарей. Объяснялось это тем, что колокольни, как правило, были самыми высокими зданиями в округе, а следовательно, и наиболее уязвимыми для молнии. Звонить в колокола во время грозы было делом далеко не безопасным. Однако святая церковь долго противилась введению такого «кощунственного» средства борьбы с молнией, как громоотвод. Спустя много лет после его изобретения в грозу по-прежнему звонили в колокола. Последствия этого были трагическими. В германских княжествах, например, в конце XVIII века за 33 года молнией было убито 120 звонарей и разрушено 400 колоколен.

Однако, помимо церковников, нашлись убежденные и очень активные противники нового изобретения и в научных кругах. Франклин писал, что громоотвод дает возможность не только отводить электричество по металлическим стержням в землю и тем гарантирует здание от возможного удара молнии во время грозы, но имеет и другую функцию. Он считал, что можно вообще предотвратить грозовые разряды, так как снабженный острием громоотвод обеспечивает медленное стекание электрического заряда без возникновения молнии.

Противники этой идеи Франклина утверждали прямо противоположное. По их мнению, остроконечный громоотвод притягивает к себе электричество и искусственно создает условия для грозовых разрядов, которых могло бы и не быть. Они также утверждали, что здание, на котором установлен громоотвод, представляет большую опасность для соседних строений.

Отголоски этих научных баталий находили отклик и в повседневной жизни. П. Л. Капица приводил в своем очерке о Франклине известный случай, когда в Сент-Оме-ре во Франции господин де Виссери увенчал свой дом громоотводом, а напуганные этим новшеством соседи подали на него в суд. Судебный процесс вышел далеко за рамки обычной тяжбы домовладельцев, наделал много шуму и длился с 1780 по 1784 год. В защиту громоотвода выступил мало кому известный тогда молодой адвокат Максимилиан Робеспьер. Этот процесс положил начало его известности. Со стороны истца одним из экспертов

был Жан-Поль Марат, который считал громоотвод опасным и вредным экспериментом. Пройдя через все стадии длительных судебных разбирательств, в том числе и через многочисленные апелляции, хозяин дома с громоотводом все же выиграл процесс.

В сложных перипетиях борьбы вокруг громоотвода сыграли свою роль и факторы политического порядка. Английский ученый Вильсон выдвинул версию, которая гласила, что эффективное и безвредное действие громоотвода может быть обеспечено, если его конец будет тупой. Как показали последующие исследования, спор этот был совершенно беспредметен, так как на зданиях достаточной высоты одинаково эффективно и безопасно действует громоотвод и с острым и с тупым концом. Спор этот разгорелся во время войны колоний за независимость, и реакция в Англии решила использовать его в политических целях.

Король Англии Георг III выступил как рьяный сторонник громоотводов с тупым концом и даже потребовал от жрецов науки, заседавших в Королевском обществе, чтобы они предали анафеме остроконечный громоотвод Франклина, одного из лидеров заокеанских смутьянов. На категорическое требование монарха личный друг Франклина лейб-медик короля и президент Королевского общества сэр Джон Прингл ответил, что «…и по своему долгу, и по своим склонностям он по мере сил всегда будет исполнять желания его величества, но он не в состоянии ни изменить законов природы, ни изменить действия их сил».

Религиозные взгляды

Выдающийся ученый, в первую очередь, естествоиспытатель, гуманист, просветитель и прогрессивный общественный деятель, Франклин не мог разделять обветшалых догматов церкви. В то же время в его эпоху выполнение церковных обрядов, принадлежность к церкви являлись фактором далеко не последнего значения для любого общественного, государственного деятеля и даже ученого. Следует учесть, что Франклин жил в эпоху бурного общественного подъема, который перерос в революционную вооруженную борьбу колоний за свое освобождение. Церковь в специфических условиях освободительного движения на далеком Американской континенте играла важную роль в той ожесточенной борьбе, которая развернулась между метрополией и ее североамериканскими колониями.

С учетом всех этих факторов для правильного понимания жизни и деятельности Франклина далеко не маловажное значение имеет выяснение его религиозных взглядов.

Это тем более важная проблема, что, по удачному выражению советского исследователя А. Старцева, американская буржуазная историография «канонизировала» Бенджамина Франклина. Со страниц многочисленных исследований и популярных брошюр на американского читателя в лице Франклина смотрит глашатай «американского образа жизни», проповедник голого практицизма, человек, который «сделал состояние» и следуя заветам которого каждый может преуспеть в своем бизнесе. Что касается религиозных взглядов Франклина, то буржуазная историография всемерно затушевывает его отрицательное отношение к религии и пропагандирует то, что следует рассматривать как недостатки его подхода к вопросам религии. Главным из этих недостатков была непоследовательность Франклина в критике религиозных догматов с позиций деизма, признание им бога как первотворца мира, вера в бессмертие души. Буржуазные авторы стараются изобразить его, как поборника церкви и религиозных догматов.

Для оценки взглядов Франклина на многие вопросы, в том числе и религиозного порядка, важное значение имеет его автобиография, но надо в данном случае сделать существенную поправку. В XVIII веке откровенно высказывать свои взгляды о религии было делом далеко не безопасным, тем более что в автобиографии нельзя было укрыться за броней псевдонимов, аллегорий, полунамеков, столь любимых Франклином и очень часто и умело им использовавшихся. Надо учесть также, что

автобиография писалась в назидание молодежи, и Франклин, который признавал за религией определенное служебное положительное назначение, не мог в такой работе откровенно изложить свои религиозные взгляды.

В силу всего сказанного, необходимо анализировать **все** его многочисленные труды и письма, во многих из которых он касается тех или иных сторон своего религиозного мировоззрения.

Франклин как мыслитель сформировался в первой половине XVIII века, когда в американских колониях ни в коей мере не было благоприятных условий для развития антиклерикальных воззрений. Любое открытое выступление против религии и церкви было практически невозможным, а тот, кто решался на это, подвергал себя самому серьезному риску. Как утверждал «Бедный Ричард»: «Выступить против религии все равно, что спустить тигра с цепи».

С позиций сегодняшнего дня можно обнаружить много непоследовательного и противоречивого в религиозных воззрениях Франклина. Но чтобы иметь объективное суждение о них, надо учитывать не только сложную обстановку, в которой формировалось мировоззрение Франклина, но и тот факт, что он был первым из американских просветителей, выступивших с позиций критики церкви; и в этом большая историческая заслуга Франклина. Он прокладывал путь, по которому позднее шли Пейн, Аллен, Джефферсон и другие американские просветители, выступавшие с позиций антиклерикализма.

Особенно велико было влияние антирелигиозных работ Франклина на литературное творчество Томаса Пейна. Этих выдающихся просветителей связывала длительная и крепкая дружба. Франклин видел в Пейне «способного и достойного молодого человека». В 1774 году Франклин оказал Пейну необходимую материальную поддержку, которая позволила ему перебраться из Англии в Америку. Франклин дал Пейну ряд рекомендательных писем к своим друзьям в Филадельфии, а своего зятя Ричарда Бейча попросил помочь Пейну устроиться на работу.

На антиклерикальных работах Пейна отчетливо сказалось влияние творчества Франклина. Когда Пейн опубликовал свой знаменитый памфлет «Здравый смысл», то многие считали, что действительным автором этой работы был Франклин. Данная версия, конечно, была несостоятельна, но влияние идей Франклина на эту работу бесспорно. «Здравый смысл» был им прочитан в рукописи, и он внес в памфлет ряд поправок.

Франклин был зачинателем антиклерикального направления

в американской литературе, все другие американские просветители XVIII столетия были его последователями.

Джефферсон был моложе Франклина на тридцать семь лет, Пейн и Аллен – на тридцать один год. И хотя в целом ряде вопросов Джефферсон, Пейн и Аллен стояли на более радикальных позициях, необходимо учитывать, что они учились на ошибках и успехах Франклина.

Интерес Франклина к деизму, сохранившийся у него на всю жизнь, был далеко не случаен. Деизм лучше, чем любая другая форма религиозного миросозерцания, отвечал самым насущным практическим интересам молодой американской буржуазии, которая набиралась сил и готовилась к решительной борьбе за освобождение колоний. Бог деистов был покладист и демократичен. Он не претендовал на право вершить мирские дела и вполне удовлетворялся тем, что его признавали первосоздателем мира, в котором люди должны по своему усмотрению решать все вопросы.

Важной составной частью деизма было признание свободы религии, а не слепая вера в религиозные догматы. Деизм создавал все предпосылки для примирения религии и бившей ключом деловой предприимчивости нарождавшейся американской буржуазии. Американские деисты смотрели на религию как на важное средство морального воздействия на широкие массы, удержания их в тех жёстких рамках, которые отводились для них в буржуазном обществе.

Франклин тоже видел в религии важную «практическую пользу». Он писал автору антирелигиозной рукописи: «Подумайте, насколько велика та часть человечества, которая состоит из слабых и невежественных мужчин и женщин, неопытной и опрометчивой молодежи обоих полов, которые нуждаются в религии, чтобы спастись от порока, поддержать свою добродетель и практиковать ее до тех пор, пока она не станет *обычной,* что является очень важным для безопасности… Я советую вам поэтому, не пытайтесь выпустить тигра из клетки и сожгите свое сочинение, прежде чем кто-либо его увидит, и вы избежите возможных оскорблений со стороны всяких врагов. Если люди настолько слабы с *религией,* что они будут делать, когда они окажутся *без нее».*

Это высказывание Франклина типично для деистов. Здесь нет ни слова в защиту божественности религиозных догматов, это язык делового человека, который не вдается в философию религии, а ставит вопрос предельно практично: религию надо сохранить, потому что она *нужна.*

В шестнадцатилетнем возрасте Франклин опубликовал в

газете брата четырнадцать статей под псевдонимом «Молчальница». В резко сатирической форме Франклин писал о том, что религия мешает людям получать знания, а тот, кто прорывается в храм науки, занимается главным образом теологией. В статье говорилось, что многие из тех, кто достиг знания, «шли по избитому пути, который вел к храму в другой части равнины, называемому Храмом теология».

Франклин дал убийственную картину порядков, царивших в нем: «Я заметил в этом храме скрытые занавеской Деньги, которые протягивали этим людям свою руку… В этом храме я не видел ничего, заслуживающего упоминания, кроме честолюбивых и мошеннических затей Плагия, который (несмотря на то, что еще раньше его сурово осуждали за подобные действия) прилежно переписывал некоторые яркие места из сочинения Тиллотсона»[2]. Объясняя значение этого сна, клирик говорил, что это картина Гарвардского колледжа. Советский историк Н. М. Гольдберг, анализируя эту аллегорическую картину, справедливо отмечал: «В действительности же идея этого сна глубже. Франклин дает здесь сатирическое изображение невежественного, прельщаемого деньгами и занимающегося плагиатом духовенства в целом».

Очень действенное средство борьбы с религией – юмор, сатира. Здесь на практике доказывается справедливость истины: смех убивает, Франклин очень широко использовал это средство в борьбе с религией, и не только в своих ранних произведениях вроде писем «Молчальницы», но и в трудах, опубликованных в зрелые годы. Юмор Франклина, сохраненный им до глубокой старости, был не только убийственный, но и элегантный. На склоне лет он писал об одном из близких друзей юности: «В свое время мы с ним совершенно серьезно уговорились, что тот, кто умрет первым, нанесет, если это окажется возможным, дружеский визит оставшемуся в живых и сообщит, как он себя чувствует в бестелесном мире. Но он так и не выполнил своего обещания».

Буржуазные авторы стремятся представить Франклина как богобоязненного, почтенного буржуа, относившегося с глубоким уважением к церкви. О несостоятельности этой точки зрения свидетельствует тот факт, что его первые печатные строчки, появившиеся в газете брата, носили откровенно антиклерикальный характер.

Франклин, правда, никогда не выступал против религии открыто. Объяснялось это тем, что псевдоним, литературная мистификация, публикация различных предложений от имени тех или иных «достопочтенных джентльменов» были его обычной практикой в литературной работе. И он владел этими приемами в совершенстве. Франклин считал, и не без основания, что

выступление по важным вопросам от имени какой-то отдельной личности часто не дает желаемого эффекта, так как бьет по самолюбию некоторых людей, искусственно создает оппозицию мнению или предложению, которые вносятся.

Конечно, важную роль играло и то обстоятельство, что открытые выступления против религии были просто-напросто небезопасны. Еще в юности Франклин получил жестокий урок, который он, очевидно, усвоил на всю жизнь. Антиклерикальная позиция газеты, издававшейся братом Франклина, вызвала бурю возмущения среди «отцов города». Газета была закрыта, так как по заключению комитета, созданного властями Бостона для расследования ее деятельности, «указанная газета имеет тенденцию высмеивать религию и вызывать к ней презрение, что грубо оскорбляет священное писание. Газета несправедливо отзывается о достопочтенных и преданных вере проповедниках евангелия, выступает против правительства его величества и будоражит покой и порядок среди подданных этой провинции его величества».

Стихийно-материалистические представления Франклина были самым тесным образом связаны с его деятельностью по изучению природы. Правда, еще задолго до того, как Франклин начал свои опыты по изучению электричества и другие исследования природных явлений, он проявлял большой интерес к материалистической философии. Не случайно, что во время своего первого пребывания в Лондоне молодой Франклин стал членом клуба вольнодумцев, которым руководил ученик Локка материалист доктор Мандевиль, который выступал с резкой критикой пороков буржуазного общества Англии. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали деятельность Мандевиля, отмечали социалистическую тенденцию его материализма. Маркс называл его честным человеком с умной головой.

Общение с такими людьми, как Мандевиль, не могло не оказать благотворного воздействия на развитие материалистической тенденции в мировоззрении Франклина. Когда же он занялся натурфилософией, то теоретические положения, усвоенные еще в юности, были подтверждены на практике в ходе многочисленных экспериментов, которые он проводил.

Антирелигиозные взгляды Франклина нашли яркое отражение в его самой популярной работе – «Альманах „Бедного Ричарда“. Жизненная мудрость „Бедного Ричарда“ заставляла сделать вывод, что догматы религии – не лучшее средство для успешного решения житейских проблем. В „Альманахе“ говорилось: „Бог помогает тем, кто сам себе помогает“, „Путь,

указанный верой, закрывает глаза разума“, „Усердие – мать удачи, а бог все дает трудолюбивым“, „Служить богу – значит делать добро людям. Считают, что молитва – легкое средство услужения богу, и поэтому ее чаще всего используют“, „Работай так, будто тебе еще жить 100 лет, молись так, будто тебе завтра умирать“.

Франклин писал в автобиографии о своем знакомом докторе Брауне: «Он получил некоторое литературное образование и обладал незаурядным умом, но это не мешало ему быть настоящим язычником, и через несколько лет он принялся кощунственно перелагать Библию разухабистыми стишками наподобие того, как Коттон поступил с Вергилием». Показательно, что Франклин поддерживал тесные отношения с этим «язычником». «Наше знакомство, – писал он, – продолжалось до конца его жизни».

Франклин и сам совершил кощунство с точки зрения ортодоксальных клерикалов. В 1779 году, по обыкновению укрывшись за псевдонимом, он написал блестящий по форме и глубокий по содержанию памфлет «О переработке Библии». Это уже было покушение на святая святых церковников. Франклин издевался над «священным писанием» и заодно в чуть аллегорической форме подвергал жесточайшей критике порядки, царившие в Англии.

Франклин относился резко критически и к другим «священным писаниям». Аналитический ум ученого не мог принять достоверность всего, чем пичкали верующих отцы святой церкви. В 1784 году Франклин выступил против того, чтобы в конституцию Соединенных Штатов была внесена статья, требующая исповедания членами конгресса Ветхого завета. Франклин аргументировал свое мнение тем, что это не «боговдохновенное» писание, что «оно скорее вдохновение кого-то другого», и он готов отвергнуть его в целом.

Правда, следует отметить, что именно Франклин предложил в 1787 году начинать с молитвы заседания конгресса США.

Франклин был убежденным сторонником веротерпимости. Проповедовать эти идеи в американских колониях было сложной и опасной задачей. В Америку многие бежали, скрываясь от религиозных репрессий ортодоксальных церковников. Однако здесь они довольно быстро сами становились на позиции крайней нетерпимости в религиозных вопросах. И нет ничего более ошибочного, чем представление об Америке колониального периода, как обетованной земле, где мирно сосуществовали всевозможные церкви, секты, где властвовала веротерпимость. Религиозное мракобесие проявлялось здесь в самых

отвратительных формах. Достаточно указать на американское издание «святой инквизиции», на печально знаменитые «охоты на ведьм».

Религиозное рвение святых отцов объяснялось вполне земными причинами. В 1688—1689 годах в Англии произошел переворот, последствия которого для английских колоний в Северной Америке были очень значительными. Массачусетс, например, получил в 1691 году новую королевскую хартию, которая упразднила вероисповедный ценз для избирательного права и ввела ценз имущественный. Плимут после переворота в Англии присоединяется к Массачусетсу, и обе колонии теряли фактически свою независимость. Король получил право назначать в Массачусетс губернатора, обладавшего правом «вето». Права губернатора были исключительно широкими – в частности, ему было предоставлено право назначать судей.

Отмена вероисповедного ценза и последующие мероприятия привели к тому, что пуританская церковь потеряла свою монополию на государственную власть в Массачусетсе. Пуританское духовенство ответило на это резкой активизацией борьбы за усиление своего влияния на колонистов, были предприняты попытки возродить светскую власть церковников. В колонии начался массовый религиозный психоз, особенно уродливой формой которого была «охота за ведьмами».

Печальную известность получил в то время президент Гарвардского колледжа Инкриз Мэзер, входивший в церковную иерархию Массачусетса. Мэзер опубликовал книгу, в которой были перечислены всевозможные способы колдовства, автор призывал паству бороться всеми средствами с ведьмами и колдунами.

Сын Мэзера Коттон, пастор в Бостоне, был одним из самых ярых проповедников «охоты за ведьмами». Не лишенный красноречия Коттон Мэзер в своих проповедях и памфлетах всемерно пропагандировал идеи, изложенные в книге его отца. Он немало сделал для того, чтобы Массачусетс стал заповедным полем «охоты за ведьмами». В колонии создалась обстановка всеобщей подозрительности, посыпались многочисленные доносы, начались массовые аресты. Этот тяжелейший приступ религиозной нетерпимости в Массачусетсе оставил мрачный след в истории всей колониальной Америки.

«Охота за ведьмами» преследовала вполне определенные цели. Руководство пуритан стремилось расколоть прихожан, натравить одну часть населения на другую и использовать создавшуюся ситуацию для того, чтобы попытаться восстановить светские позиции пуританской церкви.

Эти традиции религиозной нетерпимости находили свое уродливое отражение в жизни колоний и в более поздний период.

Для того чтобы в такой обстановке выступать за веротерпимость, надо было обладать незаурядным личным мужеством, которое и было присуще Франклину. В 1788 году в одном из своих писем он заявлял: «Я думаю, что все еретики, которых когда-либо я знал, были добродетельными людьми. Они обладают такой добродетелью, как сила духа, иначе они не смогли бы идти на риск – отстаивать свои еретические взгляды».

Выступая с позиций веротерпимости, Франклин преследовал вполне определенные политические цели. В период, когда формировалось его мировоззрение, Америка была центром массового притяжения эмигрантов в том числе и многих тысяч тех, кто ехал за океан, спасаясь от религиозных гонений. Ни в одной другой стране мира не было такого смешения церквей, сект, самых различных верований, как в американских колониях Англии.

«Бедный Ричард» имел все основания говорить: «Религия дяди Сэма подобна чеддерскому сыру, она делается из молока 21 прихода». Преследование инакомыслящих раскалывало единый фронт населения колоний, направленный на борьбу против британского господства. Опытные английские колонизаторы, используя старый как мир принцип: разделяй и властвуй, натравливали одни церкви на другие и держали в повиновении всех. В этих условиях веротерпимость являлась важным цементирующим средством, способствовавшим сплочению колоний.

Франклин был не только убежденным сторонником веротерпимости, но и решительно выступал за отделение церкви от государства, видя в этом важное условие для решения тех задач, которые стояли перед молодой американской буржуазией.

Франклин стоял на позиции умеренного деизма. Давая оценку деизма, К. Маркс писал: «Деизм – по крайней мере для материалиста – есть не более как удобный и легкий способ отделаться от религии». Франклин не относился к числу тех деистов-материалистов, которые становились на позиции отрицания религии.

Он видел в религии важное средство морального воздействия на широкие массы. Известно, что буржуазия, борясь против феодализма, оставляет от свергнутого строя то, что необходимо для удержания в повиновении трудящиеся массы. Вот почему, модернизируя религию с учетом своих нужд и требований, буржуазное общество выступает за ее сохранение и упрочение.

Религиозное кредо Франклина наиболее четко изложено в его

письме Эзре Стайлсу, которое было написано за несколько недель до смерти. «Мой символ веры, – писал Франклин, – состоит в следующем. Я верю в единого бога, создателя вселенной, которой он правит с помощью Провидения. В силу этого он достоин поклонения. Лучший способ служить ему – делать добро другим его сыновьям. Душа человека бессмертна. И к ней отнесутся в потустороннем мире по справедливости, соответственно поведению человека в этом мире». В заключение письма Франклин еще раз отмечал свою приверженность принципам веротерпимости: «Таковы, – подчеркивал он, – основные положения любой здоровой религии. Я уважаю их, как и вы, вне зависимости от того, в какой бы секте их ни встретили».

Биограф Франклина Вернер Крейн с полным основанием писал, что «в этом письме суммированы основы религии Франклина». Данное высказывание его свидетельствует о том, что и в конце жизни он оставался на позициях деизма, но отнюдь не левого толка, а очень умеренного. Религиозное кредо Франклина не было чем-то твердокаменным, данным раз и навсегда. Его религиозные взгляды претерпевали определенные изменения под воздействии целого ряда факторов, главным из которых было развитие борьбы колоний за освобождение. Характерно, что именно после победы колоний и создания США Франклин особенно настойчиво повторяет мысль о полезности религии с житейской точки зрения, рассматривает ее как важное моральное средство контроля за поведением людей. Не случайно, что Франклин предложил начинать заседания конгресса с молитвы. Это диктовалось стремлением придать религии ореол государственности, подкрепить ее авторитетом законодательной власти, хотя Франклин был убежденным сторонником отделения церкви от государства.

В религиозных взглядах Франклина действительно много противоречивого и непоследовательного. Если подходить к оценке его взглядов с позиций атеизма, то они во многом уязвимы и могут быть подвергнуты достаточно резкой критике. Но если учесть обстановку, в которой формировались и проявлялись его религиозные воззрения, то в них прослеживается важное рациональное зерно.

Именно в этом и заключается большая историческая заслуга Бенджамина Франклина.

Дипломатическая миссия в Англии

Пенсильвания сыграла очень важную роль в освободительном движении колоний и одной из основных причин этого являлось то, что гнет британской короны дополнялся в этой провинции гнетом наследников Уильяма Пенна. Нарождавшаяся буржуазия не хотела мириться ни с властью британской короны, ни тем более Пеннов, которые не желали нести никаких расходов для решения проблем, имевших первостепенное значение для развития колоний. Особенно напряженный конфликт между колонистами и владельцами возник во время войны с Францией и выступившими на ее стороне индейскими племенами. Военная угроза Пенсильвании была вполне реальна, но Пенны категорически отказались нести какие-либо издержки для организации обороны провинции, продолжая выкачивать из нее большие доходы. Это привело к резкому обострению отношений между колонистами и Пеннами. В 1757 году в качестве уполномоченного от колонин Пенсильвании Франклин обратился с «Докладом» в английский парламент, призывая его стать арбитром в споре колонистов и владельцев провинции. Глубоко проанализировав историю создания и развития колонии Пенсильвания, Франклин доказывал, что владельцы провинции грубо нарушили хартию, дарованную королем Уильяму Пенну, и узурпировали права Генеральной Ассамблеи, как представительного органа колонии.

В документе, составленном Франклином, говорилось, что положение колонистов стало особенно тяжелым после начала войны с Францией, когда пришлось резко увеличивать налоги на население, чтобы организовать надежную оборону колонии. «Эти средства, – писал Франклин, – идут на защиту ее границ, растянувшихся почти на двести миль, от Нью-Джерси до Мэриленда, причем ни одна из этих колоний, а также три графства, расположенные ниже по реке Делавэр, не вносят своей доли средств на охрану границ, несмотря на то, что их границы в значительной мере прикрываются и защищаются нашими фортами».

Характерной особенностью «Доклада» являлось то, что Франклин не ограничивался резким осуждением позиции Пеннов, но и прямо указывал на то, что расходы на оборону Пенсильвании «должны были быть произведены за счет бюджета империи». Это уже была не просьба к Англии выступить в качестве третейского судьи в споре колонистов с Пеннами, а прямое выступление против метрополии.

Франклин обращал внимание Лондона на то, что, несмотря на бремя налогов, Ассамблея Пенсильвании ассигновала более пятнадцати тысяч фунтов на помощь английской армии, действовавшей против франко-индейских отрядов в североамериканских колониях. Данный вопрос представлял для Франклина и значительный личный интерес. Он внес свои деньги на закупку продовольствия для английской армии, часть из которых так и не была ему возвращена. Биографы Франклина отмечают, что размеры суммы точно неизвестны, но, очевидно, это были значительные средства.

Когда Франклин обратился к новому командующему английскими войсками в Америке лорду Лаудону с просьбой вернуть деньги, которые были переданы его предшественнику для организации снабжения английской армии, он получил категорический отказ. Английский главнокомандующий с солдафонской откровенностью, граничащей с грубейшим оскорблением, заявил Франклину: «Вы и не думайте убедить нас, что вы не в выигрыше; мы лучше понимаем эти дела и знаем, что всякий, кто связан со снабжением армии, находит средства и пути, чтобы при этом набить свой собственный карман».

Напрасно Франклин убеждал лорда, что это к нему не относится, что он не заработал ни фартинга на поставках, Лаудон оставался при своем мнении. «Он явно не верил мне, – писал Франклин, – в самом деле, впоследствии я узнал, что на таких поставках часто создаются состояния».

Отказав Франклину в его совершенно законном требовании, английский главнокомандующий ни в коей мере не руководствовался соображениями экономики, заботой о сбережении государственных средств. Лаудон был самодуром и полной бездарностью, «легкомысленным, расточительным и в высшей степени бесчестным по отношению к нашему народу командующим». Так характеризовал его Франклин.

Лаудон, располагая огромной армией, не только не снискал себе никаких военных лавров, но и допустил ряд грубейших военных ошибок, за которые пришлось расплачиваться дорогой ценой.

Кроме того, он нанес большой экономический ущерб Пенсильвании, вступив в сомнительные отношения с военными поставщиками. Лаудон в данном случае поступал именно так, как охарактеризованные им подрядчики, делающие состояние на военных поставках и не забывающие тех, кто смотрит на это сквозь пальцы.

Франклин был поражен тем, что такой человек занял ответственный пост главнокомандующего английскими

вооруженными силами в Америке. Бенджамину Франклину был уже пятьдесят один год, когда он конфликтовал с Лаудоном, и, несмотря на свой солидный возраст и большую практику, полученную на поприще политической деятельности в Пенсильвании, он все еще оставался достаточно наивным человеком. «Но впоследствии, – писал Франклин, – когда я больше повидал мир и узнал средства получения мест и должностей и мотивы назначения на них, мое удивление значительно уменьшилось».

Апеллировать к королю и парламенту, рассчитывая на их поддержку в борьбе с Пеннами, Лаудоном и им подобными было делом бесполезным. «Доклад» Франклина не дал положительного результата. Но иллюзии сохранялись. Франклин и другие деятели Пенсильвании пока еще верили, что дело поправимо, что король поддержит справедливые требования колонистов. «Собрание, – вспоминал Франклин, – …решило обратиться с петицией к королю и назначило меня своим агентом в Англии для представления и поддержки петиции».

Решение о назначении Франклина на этот пост было признанием его больших заслуг на поприще борьбы за права Пенсильвании. Но моральное удовлетворение от назначения на эту почетную должность несколько ослаблялось тем, что задача предстояла трудная и малоперспективная с точки зрения надежды на положительный результат. Дипломатические баталии начались еще до прибытия Франклина в Англию. Лорд Лаудон, уверовав в свои дипломатические дарования, взялся примирить губернатора, назначавшегося владельцами колонии, с Генеральной Ассамблеей. С этой целью главнокомандующий прибыл в Филадельфию и приступил к выполнению своей щекотливой миссии. Успехи Лаудона на дипломатическом поприще были не лучшими, чем на поле боя. Соглашения между Франклином и губернатором Пенсильвании Деннп достигнуто не было.

Решение Генеральной Ассамблеи о назначении Франклина дипломатическим агентом в Англии состоялось в феврале 1757 года, но к месту назначения он прибыл только 27 июля. Причиной столь длительной задержки являлся все тот же лорд Лаудон, который, помимо других пороков, отличался еще поразительной нерешительностью, которую он маскировал тем, что старательно создавал впечатление человека, обремененного колоссальными заботами. Делалось это довольно примитивно и по одному шаблону. Когда к главнокомандующему приходил посетитель, он встречал его, сидя за бюро и с пером в руках. Но производительность труда генерала-писателя была ниже всякой

критики. Он задерживал отплытие судов в Англию, так как три месяца не мог подготовить письма для метрополии и никоим образом не реагировал на проклятия купцов, у которых портился товар, приготовленный для отправки в Англию, на настоятельные требования капитанов задерживаемых судов, корабли которых покрывались ракушками и гнили от чрезмерно затянувшейся стоянки. Главнокомандующий не торопился давать разрешение на отплытие кораблей в Англию и по-прежнему встречал посетителей за бюро, создавая впечатление, что занят написанием деловых бумаг. Посыльный из Филадельфии, который две недели подряд каждое утро заходил к нему, чтобы получить обещанные генералом письма, сказал о нем, что он, подобно «святому Георгу, всегда сидит верхом на коне, но никогда не скачет».

Вынужденное безделье в ожидании отплытия в Англию было очень томительным для Франклина. Это раздражало, заставляло выходить из себя человека, который привык к бурному ритму жизни, вел счет каждой минуте времени. Франклин любил повторять: «Не расточай времени, время дороже денег, это ткань жизни».

Но всему приходит конец, окончилось и время бесцельного ожидания разрешения на отплытие. Корабль наконец вышел в море. Время было тревожное, военное. Каперы противника рыскали на всем большом морском пути из Америки в Англию, и опасность подстерегала корабль каждый день. Несколько раз французские каперы пытались захватить почтовый корабль, на котором плыл Франклин, но каждый раз быстроходное судно благополучно уходило от погони.

Плавание продолжалось более месяца. Корабль и конвой покинули Нью-Йорк в середине июня, а в Лондон прибыли 27 июля. За время плавания Франклин отобрал все важнейшие изречения «Бедного Ричарда», касавшиеся экономических вопросов, опубликованные в «Альманахе» за двадцать пять лет его издания, и написал к ним предисловие. В том же 1757 году Франклин издал эту работу под названием «Путь к изобилию». Это был своеобразный катехизис делового человека. Меткие, крылатые выражения излагали житейскую мудрость представителя третьего сословия, давали рекомендации, как вести хозяйство, что нужно делать, чтобы преуспеть в делах и тем самым завоевать независимость в мире чистогана. Если сравнить работу, опубликованную в 1757 году с номерами «Альманаха», издававшимися в предшествовавшие годы, то можно обнаружить ряд расхождений в написании различных поговорок. Но это понятно, так как Франклин восстанавливал изречения «Бедного

Ричарда» по памяти, и приходится удивляться, насколько его память была совершенной, чтобы помнить практически все, что было написано в «Альманахе» за двадцать пять лет его издания. За время плавания Франклин придумал еще ряд метких высказываний для «Альманаха» за 1758 год. Например: «Полуправда – часто большая ложь»; «Первая ошибка в общественных делах – путь к ним».

«Путь к изобилию» быстро распространился в колониях, его перевели во многих странах Европы. В России он был опубликован в 1784 году под названием «Учение добродушного Рихарда». Изречения «Бедного Ричарда» с течением времени из литературы перешли в обиходный разговорный язык.

За время плавания, будучи свидетелем погони, которую устраивали каперы за их кораблем, Франклин заинтересовался вопросом, от чего зависит скорость судов. Он писал, что современное ему кораблестроение было очень несовершенным. Корабль, построенный по точной модели быстроходного судна, нередко оказывался очень тихоходным. Франклин справедливо высказывал мнение, что это в определенной мере зависит от способов нагрузки, снаряжения корабля, постановки парусов. Он обратил внимание на то, что не существовало четко отработанной системы управления кораблем. Например, при одних и тех же условиях паруса ставили под разным углом. Резюмируя свои соображения по вопросам кораблестроения и управления кораблями, Франклин писал: «Я думаю, что можно было бы провести ряд опытов, во-первых, для того, чтобы определить наиболее правильную форму корпуса корабля для быстрого хода; во-вторых, чтобы установить наилучшие размеры мачт и наиболее подходящее место для них; затем определить форму и количество парусов и их наилучшее положение при различных ветрах и, наконец, размещение нагрузки».

Франклин оптимистически смотрел на перспективы развития кораблестроения. «Наш век – это век опытов, – писал он, – и я полагаю, что ряд точно проведенных комбинированных опытов принес бы большую пользу. Поэтому я уверен, что недалек тот день, когда какой-нибудь изобретательный философ займется этим делом, и желаю ему успеха».

В самом конце путешествия уже в непосредственной близости от берегов Англии их корабль подстерегла грозная опасность. Из-за рассеянности вахтенного, задремавшего на своем посту, в полночь, в кромешной тьме корабль на всех парусах мчался на яркий свет маяка, установленного на скалах. И только в последний момент был сделан крутой поворот при всех парусах, что было очень опасно для мачт. «Мы, – вспоминал Франклин, –

избежали неминуемого кораблекрушения… Это избавление от гибели благодаря маяку произвело на меня сильное впечатление, и я решил поддержать их строительство в Америке, если я доживу до возвращения туда».

Утром, уточнив свои координаты, мореплаватели убедились, что их путешествие закончилось. Они были у берегов туманного Альбиона. Вокруг действительно был густой туман, скрывавший очертания берегов, которые были столь желанны для команды и пассажиров, бороздивших более месяца просторы Атлантического океана. «Около девяти часов, – писал Франклин – туман начал рассеиваться, казалось, что он поднимался прямо из воды, как театральный занавес, за которым открывается вид на город Фэлмут, суда, стоящие в гавани, и поля. Это было чарующее зрелище…»

Вместе с сыном Уильямом, который сопровождал его в этой поездке, Франклин немедленно отправился в Лондон. «Мы прибыли в Лондон 27 июля 1757 года».

Этими словами заканчивалась автобиография Франклина. Начинался новый важный этап в его жизни. Он приступал к исполнению обязанностей, которые прославили его как первого выдающегося дипломата Америки.

В колониях не было профессиональных дипломатов, так как американские провинции были лишены права поддерживать внешнеполитические связи. Во всех внешнеполитических делах интересы колоний представляла метрополия. И когда встал вопрос о необходимости решить спор между Генеральной Ассамблеей и правителями колоний, то выбор пал на Франклина, который до этого успешно выполнил ряд поручений Ассамблеи. Назначение Франклина дипломатическим агентом Пенсильвании в Англии было мудрым решением Генеральной Ассамблеи. У представителя Пенсильвании не было высоких дипломатических рангов, его послужной список не был украшен выполнением посольских функций в европейских столицах. Франклин не занимал какого-либо важного служебного поста и у себя на родине, а был только скромным членом ассамблеи Пенсильвании. Но он обладал достоинствами, которым мог позавидовать любой самый блестящий профессиональный дипломат.

Помимо знания иностранных языков и больших природных способностей, Франклин был крупным ученым, пользовавшимся известностью в интеллектуальных кругах столицы. Это способствовало укреплению личного авторитета представителя Пенсильвании, облегчало выполнение такой важной для дипломата задачи, как установление, контактов с влиятельными кругами страны аккредитования. Как писал Карл Дорен:

«Репутация Франклина как ученого пришла в Лондон раньше его самого». С апреля 1756 года он был членом Королевского научного общества и с сентября того же года стал членом Общества поощрения искусств, ремесел и коммерции, которое позднее получило название Общества искусств. Оба эти общества приветствовали прибытие Франклина в Англию, к ним присоединились и ученые континентальной Европы.

У Франклина, любившего и ценившего дружбу, было немного личных друзей в Лондоне, с большинством из известных ему лиц в столице он был знаком главным образом по переписке. Он направлял Питеру Коллинзу, купцу-квакеру и члену Королевского научного общества, результаты всех своих работ в области электричества. В течение четырнадцати лет Франклин переписывался с Уильямом Стрехэном, выдающимся английским типографом, который к тому времени уже издал словарь Джонсона и первые тома истории Хьюма, а позднее был издателем Адама Смита, Гиббона, Робертсона, Блэкстоуна. Двух выдающихся типографов связывали не только профессиональные и деловые интересы. Они обменивались семейными новостями, и, когда дочери Франклина Салли было шесть или семь лет, Франклин и Стрехэн в шутливой форме решили выдать ее замуж за сына Стрехэна – Уильяма, который был на три года старше Салли.

Первую ночь по прибытии в Лондон Франклин и его сын провели в доме Коллинза на Милл-Хилл. На следующий день Франклинов посетил Стрехэн, который был очарован и отцом и сыном. Он писал Деборе Франклин: «Что касается меня, то я никогда не встречал человека, который со всех точек зрения был настолько приятен мне. Некоторые располагают с одной стороны, другие – с другой, он (Бенджамин Франклин. – *Р. И.*) – со всех… Ваш сын, я глубоко уверен в этом, самый приятный молодой джентльмен Америки, которого я когда-либо знал».

Спустя несколько дней после прибытия в Лондон Франклины нашли помещение у вдовы Маргарэт Стивенсон, которая жила с дочерью на Кревен-стрит, где Франклин и проживал на протяжении всего времени своего пребывания в Лондоне. У Франклина было четыре комнаты; устроился он с комфортом, пользуясь услугами двух слуг, которых он привез с собой из Филадельфии. Как показывает расчетно-приходная книга, которую вел Франклин, «философ не игнорировал лондонскую моду». Он приобрел все необходимое для гардероба джентльмена. Запросы Уильяма были шире; как показывают счета, он довольно скоро познакомился с баром в Мидл-Темпле.

Франклин приступил к выполнению той миссии, с которой

его послали в Лондон. И тут ему пришли на помощь связи по научной линии. Франклин встретился с доктором Фозергиллом, оказавшим в свое время большую помощь в издании его работ по электричеству. Фозергилл посоветовал Франклину в первую очередь повидать владельцев колонии, проживавших в Лондоне, и попытаться урегулировать с ними спорные вопросы. Такой же точки зрения придерживался и Питер Коллинз, которого Франклин тоже посвятил в свои дела. К совету ученых коллег следовало тем более прислушиваться, что Фозергилл имел связи в руководящих правительственных сферах и располагал достаточно точной информацией об американских делах.

Встреча состоялась, но ее результаты были более чем скромными. Как писал биограф Франклина: «Встреча в доме Пеннов в Спринг-Гарден, состоявшаяся в середине августа, была вежливой, но враждебной». Впрочем, дипломатический этикет был соблюден, и дело до открытого разрыва не дошло. Пенны предложили, и Франклин согласился письменно изложить разногласия между владельцами колонии и Ассамблеей. 20 августа Франклин представил Пеннам требуемый документ, который они незамедлительно передали своему поверенному в делах Фердинанду Джону Парису.

Это был ход, явно рассчитанный на срыв переговоров, так как Пеннам наверняка было известно, что после критических выступлений Франклина в адрес Париса, опубликовавшего несколько поверхностных статей о взаимоотношениях между Ассамблеей и владельцами колонии, последний возненавидел Франклина лютой ненавистью, на которую способна только посредственность, которой дали понять, какова ее действительная цена.

Франклин категорически отказался иметь дело с кем-либо, кроме владельцев колонии. После этого демарша дипломатического агента Пенсильвании собственники передали документ, подготовленный Франклином, на заключение юристов. Проходил месяц за месяцем, но на все запросы Франклина собственники давали стереотипный ответ: мнение юристов еще не получено. Так продолжалось больше года. Пенны явно брали своего оппонента измором, испытывали крепость его нервов. Наконец в ноябре 1758 года владельцы получили заключение юристов по документу Франклина, но этот ответ собственники отказались показать Франклину и переслали его прямо в адрес Генеральной Ассамблеи Пенсильвании.

Однако все маневры Пеннов были обречены на провал. Главное поле сражения было все же не в Лондоне, а в Филадельфии, где губернатор Денни не смог противостоять

мощному натиску Ассамблеи и в конце концов капитулировал. Как глава исполнительной власти он издал акт, разрешивший главное противоречие между владельцами колонии и колонистами: владения собственников были приравнены к владениям поселенцев.

Однако Пенны не сложили оружия и опротестовали акт своего губернатора перед королем. Но их претензии были настолько беспочвенны, от требований собственников веяло таким анахронизмом, что высшие инстанции Англии не поддержали их. Данное решение не было актом справедливости со стороны короля, это просто-напросто был благоразумный шаг, рассчитанный на удержание под своим господством английских владений в Америке. Во-первых, не стоило обострять отношений с колонистами из-за владельцев колоний, практической пользы от которых для короны, по существу, не было никакой. Во-вторых, и это было главным, продолжалась Семилетняя война. Важным фронтом этой войны была борьба между Англией и Францией за гегемонию в Америке. В Лондоне прекрасно понимали, что надеяться на Пеннов или на таких деятелей, как бездарный главнокомандующий английскими вооруженными силами в Америке генерал Лаудон, было бесполезно[3].

Единственная реальная сила в Пенсильвании, которая была заинтересована в укреплении, обороноспособности колонии и могла отстоять Пенсильванию от французского вторжения, были колонисты. В этих условиях королевское правительство не рискнуло обострять отношений с Ассамблеей Пенсильвании, что было неизбежно в случае признания обоснованными гипертрофированных претензий Пеннов.

Жестом запоздалой ярости со стороны Пеннов было смещение губернатора Денни, но это не могло уже оказать серьезного влияния на ход событий в Пенсильвании, так как акт Денни оставался в силе.

Во время пребывания в Лондоне Франклин серьезно заболел. Тяжелая форма лихорадки, продолжавшаяся восемь недель, уложила его в постель. В письме к жене Франклин подробно, со знанием дела, как заправский врач, описывал ход болезни, ее симптомы, средства лечения. Франклин писал, что он поступал прямо противоположно указаниям своего врача, чем вызвал его гнев, но результаты лечения были удовлетворительны, и, начав с небольших прогулок в середине дня, он постепенно их увеличивал и вскоре полностью преодолел недуг.

Дипломатическая миссия не занимала всего времени Франклина, и он использовал свой досуг для научной работы, для встреч и бесед с интересными людьми, знакомился с

достопримечательностями Лондона. Франклин писал Деборе: «Приятные беседы, которые я имею с людьми науки, знаки внимания, оказываемые мне достойными людьми, – вот что главным образом утешает меня в настоящее время, когда я столь болезненно чувствую разрыв с семьей и друзьями».

30 ноября Франклин почувствовал себя достаточно оправившимся от болезни, чтобы посетить ежегодное собрание Королевского научного общества. Он с большим интересом ознакомился с экспонатами недавно открывшегося Британского музея, нанес визиты своим друзьям.

Постепенно Франклин втягивался в новую жизнь в Лондоне. Досуг Франклинов скрашивали хорошие дружественные отношения, установившиеся с хозяйкой дома масс Стивенсон и ее дочерью. Слуга Франклина Питер оказался бойким человеком и скоро так хорошо знал Лондон, что был для своего хозяина квалифицированным гидом во время его ознакомительных поездок по городу. Не повезло, правда, Франклинам со вторым слугой, негром с громким именем Кинг (король). Он прислуживал Уильяму и не очень успешно справлялся со своими обязанностями. Спустя год Кинг сбежал от своих хозяев. До сих пор его хозяин был знаком с этой проблемой только в теоретическом плане, публикуя материалы, в которых доказывалась необходимость уничтожения рабства с экономической и с моральной точек зрения.

По приезде в Англию Франклин, как показывают его письма, рассчитывал, что он выполнит свою миссию в течение года и будущей весной возвратится на родину. Но этим расчетам не суждено было сбыться, обстоятельства заставили его пробыть в Англии пять лет. Франклин болезненно переживал столь затянувшуюся разлуку с семьей, и его друг Стрехэн писал Деборе, что она должна решиться переплыть океан, чтобы приехать в Англию. Однако Франклин был прав, когда уверял друга, что Дебора ни при каких обстоятельствах не отважится на это путешествие.

Пенны, затянувшие на год переговоры с Франклином, дали ему возможность использовать образовавшийся досуг для научной работы. Старая привязанность не проходила, Франклин вновь вернулся к исследованию электричества. Он привез с собой в Лондон или изобрел здесь, точно установить это не удалось, самую мощную в то время электрическую машину. Лорд Чарлз Кавендиш и другие специалисты говорили, что эта машина давала электрическую вспышку длиной в девять дюймов.

21 декабря 1757 года Франклин обратился с письмом к выдающемуся медику Джону Принглу, который к тому времени

уже прославился своими работами в области военной медицины и сангигиены. Франклин сообщил Принглу, бывшему в то время президентом Королевского научного общества, о результатах опытов, проделанных в Пенсильвании по использованию электричества для лечения паралитиков.

Франклин изобрел часы любопытной конструкции, которые его новый друг Джеймс Фергасон в 1758 году усовершенствовал к большой радости автора. Франклин закупил электрическую аппаратуру для Гарвардского университета и сам вложил немало труда и в ее усовершенствование и в подготовку детальной инструкции для пользования ею.

В мае 1758 года вместе с сыном Франклин посетил Кембриджский университет, где совместно с профессором химии Джоном Хаулеем произвел интересные опыты по созданию низких температур. За время проживания в Англии Франклин неоднократно посещал Кембридж, и всегда руководство университета встречало его с исключительным радушием.

Для английских иммигрантов в Англии было традицией посещать места своих предков. Не нарушили этой традиции и Франклины. В Веллингборге они отыскали Мери Фишер, дочь Томаса Франклина, которая еще помнила, как Джозайа Франклин и его семья переезжали в Америку. Бенджамин и Уильям посетили Иктон, где английские Франклины на протяжении многих лет владели небольшим участком земли. Ферма уже давно принадлежала другим хозяевам, а в доме, где жили предки Франклинов, размещалась школа. Но по привычке местные жители продолжали называть это строение «домом Франклинов». Затем отец и сын посетили Бирмингем и встретились с родственниками Деборы.

В Америке распространялись самые различные слухи о жизни Франклина в Англии. В январе 1758 года, например в Бостоне, заговорили о том, что он удостоен в Англии титула баронета и назначен губернатором Пенсильвании.

Франклин считал путешествия важным средством познания, расширения кругозора, и он использовал любую возможность для того, чтобы посетить новую страну, поездить по различным интересным местам той страны, где он находится. Франклин много ездил по Англии, совершил непродолжительную поездку в Европу.

Трое из его лучших друзей в Лондоне – Стрехэн, Фозергилл и Пингл – были шотландцами, и естественно, что Франклин не мог не посетить такого своеобразного уголка Британских островов, как Шотландия.

Д. Ноулэп, автор интересной монографии «Бенджамин

Франклин в Шотландии и Ирландии, 1759 и 1771 годы», писал, что во времена Франклина «это была поездка, которая требовала столько же времени и вызывала значительно большие трудности, чем путешествие в Индию в наши дни». Один из путешественников, уехавший из Лондона в Шотландию той же Северной дорогой, что и Франклин, но несколькими месяцами раньше его, писал об узких глинистых тропах, совершенно непроходимых после дождя, о ненадежных мостах, никудышных постоялых дворах, о нерегулярной смене почтовых лошадей.

Поездка не сулила комфорта, дорога была продолжительной, скучной и очень утомительной, но Шотландия манила к себе богатой историей, интересными традициями, обещала много нового и необычного. Франклин назначил день отъезда на 8 августа 1759 года; в это путешествие он решил отправиться вместе с сыном, который во время предыдущих путешествий зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

Очевидно, Уильям отправлялся в эту поездку не в очень хорошем настроении, так как незадолго до отъезда в Шотландию узнал, что ему предстоит стать отцом. Вскоре у Бенджамина Франклина действительно появился внук, которого назвали Уильям Темпл Франклин. История его появления на свет столь же сложна и запутанна, как и рождение Уильяма Франклина. Никто из биографов Франклина не берет на себя смелость утверждать что-либо определенное относительно того, кто была мать этого ребенка.

Бенджамин Франклин, ратовавший в своих трудах за гуманное отношение к незаконнорожденным детям, получил возможность осуществить все это на практике. История повторялась. Воспитав незаконнорожденного сына, Бенджамин Франклин должен был теперь ставить на ноги незаконнорожденного внука. И, надо отдать должное философу, теория у него не расходилась с практикой. Неизвестно, как Бенджамин Франклин отреагировал на известие о том, что в их семье ожидается пополнение, но он принял внука в свой дом и воспитал его. Позднее Франклин взял его с собой в Париж и представил Уильяма Темпла знаменитому Вольтеру, который, обращаясь к мальчику, сказал: «Люби бога и свободу». Враги Франклина много злословили по поводу этих слов Вольтера, считая, что, будучи обращенными к незаконнорожденному ребенку, они звучали довольно двусмысленно.

К известию о предстоящем рождении ребенка Уильям Франклин в определенной мере был подготовлен. Лондон в ту пору имел немало злачных мест, и любители поразвлечься не встречали больших трудностей на пути удовлетворения своих

желаний. Двадцатидевятилетний Уильям Франклин не скучал по приезде в столицу и, очевидно, понимал, что это может иметь определенные последствия. Сообщение о предстоящем рождении ребенка не было для Уильяма неожиданностью, но оно не стало от этого менее неприятным.

И тем не менее он, как и во время предыдущих совместных путешествий, делал все необходимое, чтобы отец имел возможность заниматься тем, чем хотел. И благодаря помощи и заботе Уильяма Франклин на протяжении всего путешествия тщательно знакомился со всем, что вызывало его интерес. Он не расставался с записной книжкой, в которую записывал данные об организации почтовой службы, разливах рек, о жизни в деревнях, через которые они проезжали.

Франклина интересовало все. Когда они, например, остановились в Тиссингтоне, он проявил большой интерес к работе рудников, имевшихся в этом районе. И, как всегда, Франклина особенно интересовали встречи с интересными людьми, и таких встреч было немало. В Дербишире он познакомился с Эразмасом Дарвином, ученым и поэтом, дедом великого натуралиста. Дарвин писал в одном из писем, что беседа с Франклином произвела на него очень сильное впечатление.

Во время посещения Глазго Франклин, естественно, особый интерес проявил к университету. В Нью-Йорке, ожидая отплытия в Англию, Франклин ознакомился с трудами профессора-математика этого университета Роберта Симеона, с которым он был знаком по переписке. В Глазго Франклина интересовала не только встреча с Симеоном, но и с Александром Вильсоном, большим специалистом типографского дела.

Франклина познакомили в Глазго также с братьями Фаулис, прекрасными мастерами типографского дела, дружбу с которыми он потом поддерживал много лет. В двух шагах от мастерской Фаулисов работал молодой механик – хрупкий, болезненный сын мрачного торговца свечами из Гринска, который подрабатывал ремонтом музыкальных инструментов, принадлежавших работникам университета, и обслуживал других жителей города. Имя механика было Джеймс Уатт. Его родственники жаловались, что все свое свободное время он тратил на фантастический механизм, который он называл паровая машина. «Нет свидетельства, – писал биограф Франклина, – что Франклин и Уатт встретились, хотя, принимая во внимание их общие научные интересы, трудно представить, что они не встретились в столь ограниченной академической общине».

Большинство писем, написанных Франклином в 1759 году,

было утеряно, и поэтому трудно восстановить многие детали его первого путешествия в Шотландию. Это тем более прискорбно, что во время поездки было действительно много знаменательных встреч. Например, в Эдинбурге в один из сентябрьских вечеров за ужином в доме Уильяма Робертсона Франклин встретился с Адамом Смитом, Уильямом Калленом, Александром Керлайном и другими известными учеными. Франклин совершил свое путешествие в знаменательный для Шотландии год. В 1759 году Дэвид Хьюм, выдающийся английский мыслитель, являвшийся хранителем Библиотеки адвокатов в Эдинбурге, опубликовал третий и четвертый тома своей истории Англии. Робертсон, вскоре ставший ректором Эдинбургского университета, выпустил историю Шотландии. Адам Смит, в то время профессор университета в Глазго, опубликовал в 1759 году свою «Теорию моральной мысли». Как писал его биограф, «Франклин был моралистом и считал, что история наиболее полезна с точки зрения изучения морали». И к подобным встречам, на которых присутствовали выдающиеся историки, он не мог не проявлять большого интереса.

Путешествие в Шотландию имело и целевое назначение. Франклин должен был посетить Сент-Эндрюз, чтобы получить свой диплом доктора права, что им и было сделано. В Сент-Эндрюзе Франклин продемонстрировал свои познания в медицине. Один из студентов, лорд Кардрос, был болен лихорадкой в тяжелой форме. Врач, наблюдавший больного, поставил совершенно ошибочный диагноз и назначил лорду неправильное лечение. Франклин отменил прежние назначения и, как считал его пациент, тем самым спас ему жизнь. Кардрос, который позднее получил титул графа Бахана, стал ярым сторонником дела восставших колоний и горячим почитателем первого президента США Джорджа Вашингтона.

Находясь в Англии, Франклин никогда не забывал, что в эту страну его послали с дипломатической миссией, и он был обязан сделать все, чтобы выполнить данные ему поручения. С этой целью он пытался установить контакты в высших сферах Англии. В частности, Франклин настойчиво пытался встретиться с Питтом. «Я предпринял несколько попыток, – писал Франклин позднее, – быть представленным лорду Чатаму (в то время первый министр) в связи с моими пенсильванскими делами, но безуспешно. Он был тогда слишком большим человеком или слишком занят делами важного характера». Очевидно, причина все же была в другом. Титулованный аристократ и ярый экспансионист не хотел создавать опасный для будущего империи прецедент и принимать представителя колонии, который в глазах

правителей Англии был чуть ли не бунтовщиком. «Для Питта, – писал биограф Франклина, – он был только агентом отдаленной колонии, вступившей в перебранку со своими владельцами».

В Лондоне Франклин написал «Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании». Публикация эта сыграла важную роль в подготовке общественного мнения Англии к правильному восприятию проблем, которые волновали не только Пенсильванию, но и все североамериканские колонии. Это был важный вклад в идеологическую борьбу, которая предшествовала первой американской революции 1775—1783 годов.

Сын Франклина «подобрал большинство материала», Джемс Ралф подготовил рукопись для прессы, Стрехэн напечатал ее за счет автора. Жизненные пути вновь свели Франклина в Лондоне с другом юности Ралфом. Прошло много лет с того момента как разошлись их пути. И Франклин мог с удовлетворением отметить, что он был прав, когда скептически относился к упражнениям друга в стихосложении. Известный английский поэт Поп тоже дал отрицательную оценку произведениям Ралфа. Поэта из него не получилось, но Ралф стал блестящим публицистом, и Франклин считал, что английская литература не знала лучшего стилиста, чем друг его юности.

Дипломатическая миссия Франклина в Лондоне пришлась на годы Семилетней войны, в ходе которой значение американских колоний все более возрастало и во внешней политике Англии и во внутриполитической жизни метрополии. Война привлекла внимание общественности к вопросу о судьбе английских колоний в Америке, к вопросу о том, что же делать с требованиями колонистов, которые сыграли важную роль в отражении французской экспансии и теперь во весь голос заявляли, что не хотят мириться со своим колониальным статусом.

В Англии все более возрастал интерес к североамериканской колониальной проблеме, параллельно с этим рос и авторитет Франклина, который становился пусть неофициальным, но очень авторитетным и влиятельным голосом всей английской Америки.

Год в кругу семьи и друзей

Укреплению позиций Франклина в Англии во многом способствовал его авторитет в научных кругах и успешное для колонистов разрешение спора с Пеннами.

Франклин был тверд в своих убеждениях и неподкупен, об этом неопровержимо свидетельствовала вся его деятельность в Лондоне в качестве дипломатического представителя Пенсильвании. А в те времена подкуп дипломатов был апробированным и часто использовавшимся средством решения дипломатических проблем. Первая атака на Франклина с таких позиций была предпринята еще по ту сторону океана. Новый губернатор Пенсильвании капитан Денни довольно откровенно дал понять Франклину, что владелец колонии рассчитывает на его поддержку и не останется в долгу.

Для беседы с Франклином Денни избрал очень подходящий момент. Губернатор привез из Лондона медаль Коплея, которой Франклин был награжден за открытия в области электричества. На приеме, организованном властями Филафельфин в честь нового губернатора, Денни торжественно вручил Франклину медаль и, уединившись с ним в одной из комнат, повел разговор о том, что губернатор и владелец провинции всемерно рассчитывают на помощь Франклина в решении тех трудных проблем, которые разъединяют Ассамблею и владельца колонии. Губернатор заявил, что, помимо Франклина, «в осуществлении такой задачи никто не смог бы оказаться более полезным» и что Франклин мог «рассчитывать на соответствующие вознаграждения и знаки благодарности», Франклин категорически отверг сделанное ему предложение, и тем не менее в Лондоне, уже в более деликатной форме, на него было вновь оказано соответствующее давление.

На этот раз в высших сферах Англии решили действовать через сына Франклина Уильяма, которому довольно неожиданно предложили занять пост губернатора провинции Нью-Джерси. Обращает на себя внимание то, что это предложение было сделано после того, как Пенны проиграли свою борьбу с Ассамблеей, накануне возвращения Франклина в Америку. Организаторы этой акции предполагали, что, возвратившись в Америку, где назревало новое обострение отношений между колониями и метрополией, отец нового губернатора займет более сдержанную позицию, чтобы не портить карьеру сыну.

В 1762 году Франклин отплыл из Англии в Америку. На этот раз Уильям не сопровождал отца, он задержался на несколько

недель в Англии по делам, связанным с его выдвижением на новую почетную должность. Официальное сообщение о назначении Уильяма Франклина губернатором было опубликовано 22 августа. Главным ходатаем за него выступал лорд Бут, любимый министр Георга III. И скоро, как писала Дебора из Филадельфии, на стене дома Франклинов на Базарной улице появился портрет лорда-благодетеля.

Спустя несколько дней после назначения Уильяма на должность губернатора, «Лондон кроникл» и «Ллойдс Ивнинг пост» (газета Стрехэна) сообщили о «женитьбе в фешенебельной церкви святого Георга на Ганновер-стрит его превосходительства Уильяма Франклина, губернатора Нью-Джерси, на мисс Элизабет Даун, милой аристократической молодой леди, ранее проживавшей в Вест-Индии».

А тем временем где-то в Лондоне, отнюдь не в аристократическом квартале, безвестная женщина нянчила двухлетнего сына Уильяма Франклина. Единственный человек, которому Уильям полностью поведал о своем трудном положении, был хитрый шотландец Стрехэн, который очень умело повел дела Уильяма, скандальный характер которых стоил бы ему карьеры и больших семейных неприятностей. Уильям заверил Стрехэна, что у него есть серьезные планы на будущее в отношении устройства судьбы своего незаконнорожденного ребенка.

Если Уильям и имел такие планы, то им не суждено было исполниться. Мальчика воспитал Бенджамин Франклин, а Уильям, вышвырнутый из Америки революцией, спустя полстолетия в безвестности умирал в Лондоне, в своем доме на Хай-Холборн. В завещании он очень холодно упомянул о своем сыне Уильяме Темпл Франклине, как о человеке, едва ему знакомом.

Друзья Франклина в Англии не хотели с ним расставаться. Особенно активен был Стрехэн, поведение которого во многом, очевидно, определялось тем, что в 1760 году он сделал Франклину уже не в шутливой форме, а по всем правилам этикета предложение о женитьбе своего сына на дочери Франклина. Последний не возражал против этого брака и переслал предложение Стрехэна Деборе, которая не рискнула отправиться через океан и не пожелала расстаться с дочерью. Так рухнул план Стрехэна удержать Франклина в Англии и породниться с симпатичным ему коллегой по типографским делам.

Изобретательный Стрехэн не пожелал примириться с поражением и выдумывал все новые предлоги, чтобы

воспрепятствовать отъезду Франклина из Англии. Но Франклина было трудно переубедить, когда он принимал решение. 20 июля 1762 года он писал Стрехэну: «Я чувствую себя здесь как вещь, которую положили не на свое место и сделали в силу этого совершенно бесполезной. Как я могу дальше быть счастлив в Англии? Вы имеете большую силу убеждения и легко можете помешать мне предпринять что угодно, но не делайте больше ничего. Я должен отправиться домой».

Решение Франклина вернуться в Америку было непоколебимым, но осуществить его было нелегко. Шла война, и надо было дожидаться надежного конвоя, чтобы иметь возможность без особого риска переплыть океан.

Возвратиться на родину Франклин хотел еще в январе 1762 года, но конвоя пришлось ждать до конца года. Это затянувшееся ожидание было окрашено приятным известием: 22 февраля Оксфордский университет присудил ему звание почетного доктора права. 30 апреля Франклину был торжественно вручен диплом Оксфорда. Одновременно Уильям Франклин был удостоен Оксфордским университетом почетной степени магистра искусств.

В декабре 1762 года Франклин вернулся в Америку. Его ждала в Филадельфии радостная встреча с семьей, возвращение к знакомому, десятилетиями складывавшемуся укладу жизни, семейные дела, научная работа, встречи с друзьями, многочисленные, хлопотливые, но дававшие большое удовлетворение общественные обязанности.

Несмотря на то, что Ассамблея высоко оценила работу, проделанную Франклином в Лондоне, – объявила ему благодарность и наградила пятью тысячами фунтов стерлингов, на родине его не ждала триумфальная встреча. За время работы в Лондоне Франклин превратился для Пеннов в оппозиционера номер один, с его деятельностью они связывали провал своих планов борьбы с Ассамблеей. По команде из Лондона ставленники Пеннов в Филадельфии нанесли Франклину хорошо рассчитанный удар. Пустив в ход отравленное оружие клеветы и дискредитации, они добились того, что на очередных выборах в Ассамблею Франклин был забаллотирован. Четырнадцать лет он бессменно был членом Ассамблеи, и сейчас, после успешного выполнения самого ответственного ее поручения, его провалили на выборах.

Ход этой избирательной кампании и те приемы, которые были использованы против Франклина, чрезвычайно показательны для политических нравов того периода.

Франклина обвинили в том, что он вел экстравагантный

образ жизни в Англии и растратил общественные деньги. В феврале 1763 года он отчитался перед Ассамблеей в своих расходах; и выяснилось, что за время пребывания в Англии было истрачено значительно меньше средств, чем было ассигновано Ассамблеей. 19 февраля Генеральная Ассамблея постановила отблагодарить своего агента «как за успешное выполнение его долга по отношению к провинции, так и за многочисленные важные услуги, оказанные им Америке в целом».

В решении Ассамблеи правильно было подчеркнуто, что значение дипломатической миссии Франклина не ограничивалось решением спорных вопросов между владельцем колонии Томасом Пенном и колонистами. Проблемы, волновавшие население Пенсильвании, затрагивали жизненные интересы всех колонистов, неотвратимо назревало обострение борьбы между метрополией и всеми ее тринадцатью североамериканскими колониями. Развитие событий в этом направлении неумолимо направлялось экономическими факторами: Англия всемирно препятствовала экономическому росту своих заокеанских владений. Важную роль сыграли события Семилетней войны 1756—1763 годов. Война способствовала росту самосознания населения колоний, так как появилась новая общая задача – организация обороны колоний от вооруженного вторжения. Война дала мощный толчок освободительному движению и в силу того, что показала хищнический характер английского господства. Метрополия выкачивала из колоний большие средства, но продемонстрировала почти полную неспособность организовать действенную оборону своих заокеанских владений. В ходе войны колонистам стало ясно, что они должны рассчитывать, отстаивая свою территориальную целостность, главным образом на свои силы. Закономерно возникал вопрос: а почему бы не использовать эти силы в борьбе за освобождение от английского господства?

В силу целого ряда причин Пенсильвания оказалась эпицентром освободительного движения колоний, и деятельность Франклина как ее дипломатического представителя в Англии и его общественно-политическая деятельность после возвращения в Америку, постепенно принимали обще американский характер.

Потерпев поражение в Семилетней войне, Франция потеряла Канаду. Сбылась мечта всех американских и английских экспансионистов – огромный край присоединился к североамериканским колониям Англии.

Присоединение Канады породило ряд серьезных проблем, в частности, организацию эффективной почтовой связи в североамериканских владениях Англии, составлявших миллионы квадратных километров. При существовавших тогда средствах

связи это была сложнейшая техническая и административная задача. С огромной энергией и большим знанием дела Франклин принялся за выполнение своих почтмейстерских обязанностей. Под его руководством почтовая служба в колониях не только стала впервые эффективной, но и самоокупающейся, и даже приносящей значительный доход.

С новой энергией взявшись за совершенствование почтовой службы, Франклин организовал регулярную связь Нью-Йорка с Монреалем и Квебеком. Много было сделано им для улучшения связи между Америкой и Англией. Впервые в Америке он наладил круглосуточную пересылку почты, которая перевозилась беспрерывно и днем и ночью между Филадельфией и Нью-Йорком. Позднее этот режим был распространен и на Бостон.

С поразительной для его возраста энергией он инспектировал почтовую службу на огромных просторах от Виргинии до Новой Англии, покрывая в почтовых каретах тысячи миль. Инспекционные поездки давали Франклину огромный материал, и он редко передоверял кому-либо эту работу, предпочитая выполнять ее самостоятельно. Автор «Альманаха „Бедного Ричарда“ следовал совету своего героя, который настоятельно рекомендовал читателям: „Если хочешь, чтобы твое дело было сделано, ступай сам, если не можешь, так пошли другого“.

Франклин знакомился с разнообразными условиями жизни в самых отдаленных уголках огромной страны, узнавал, какими интересами живут колонисты, что волнует и заботит людей в различных колониях. Эта информация помогла Франклину получить правильную ориентацию в событиях сложных предреволюционных лет, успешно решить многие проблемы, с которыми ему предстояло столкнуться при выполнении новых поручений Ассамблеи Пенсильвании и законодательных собраний других провинций.

О масштабах инспекционных поездок Франклина только в 1763 году свидетельствуют следующие данные. В апреле и мае он провел три или четыре недели в Виргинии, где встретился со своим новым коллегой Джоном Фокскрофтом, а уже в июне он был в Нью-Йорке. По дороге в Нью-Йорк Франклин остановился в Элизабеттауне, где был устроен обед в честь губернатора Уильяма Франклина и его супруги.

Молодой Франклин уже вошел во вкус своей новой работы. Губернатор избрал местом своего пребывания Берлингтон, где сорок лет назад беглый ученик, его отец, разыскал лодку, чтобы добраться до Филадельфии. Молодой губернатор неплохо справлялся со своими обязанностями, его карьера начиналась удачно, и ничто не предвещало бури на горизонте его

административного поприща.

Разъезды с почтмейстерскими инспекциями были делом не только хлопотливым, но и трудным для пожилого человека, а иногда и опасным. В Нью-Йорке к Франклину присоединилась дочь Салли, которой было уже около двадцати лет, и они вдвоем отправились в Новую Англию. Возле Уорвика Франклин упал с лошади и довольно сильно разбился. Отлежавшись и придя в себя, он двинулся дальше, в Провиденс и Бостон. В начале сентября по пути в Портсмут Франклин вновь упал с лошади и вывихнул плечо, но все же спустя три недели он уже был в Бостоне. 1 ноября Франклин вернулся в Филадельфию, чтобы отдохнуть после путешествия, в ходе которого он покрыл расстояние в 1600 миль.

Франклин занимался своими почтмейстерскими делами, решал многочисленные проблемы, накопившиеся в семье за время его отсутствия. В частности, Франклины сменили место жительства, их новый дом был построен на той же Базарной улице, но в ее южной части. Это был значительно более благоустроенный и комфортабельный дом, чем тот, в котором они жили раньше. В 1766 году новый дом был застрахован на 500 фунтов стерлингов. Франклин многое сделал для организации и совершенствования страхового дела в Америке и, популяризируя новое начинание, сам пользовался услугами страховых компаний.

Наступило новое резкое обострение отношений между Генеральной Ассамблеей и владельцем колонии.

Добившись первого успеха в борьбе против владельца колонии, Ассамблея предприняла энергичные действия с целью лишения Пеннов права назначать губернаторов. Для владельцев провинции это было равносильно потере власти над всеми своими владениями, и они оказали яростное сопротивление этому решению. Начиналась новая тяжба, которая грозила перерасти в утомительную и тяжелую борьбу. Ассамблея пришла 26 октября к выводу, что необходимо обратиться с петицией к королю Англии и что эту миссию сможет выполнить только Бенджамин Франклин. Было принято решение вновь назначить его дипломатическим агентом Пенсильвании в Англии.

Денег у Ассамблеи не было, и для того, чтобы снабдить своего посла необходимыми средствами, был объявлен заем, в результате чего в течение нескольких часов по подписке собрали 1100 фунтов стерлингов. Франклин взял из собранной суммы только 500 фунтов и начал сборы в дорогу.

Решение Ассамблеи о назначении Франклина агентом в Англию было принято в ходе ожесточенной борьбы. Враги Франклина не сложили оружия и после того, как решение о его

назначении на этот пост было опубликовано. За подписью ряда влиятельных в Филадельфии лиц появился протест против назначения Франклина дипломатическим агентом Пенсильвании в метрополии, в котором был целый ряд клеветнических обвинений против него. Обычно Франклин не ввязывался в перебранку со своими политическими противниками, считая это делом бесполезным и даже вредным. Он поступал вроде мудрой бабушки героя Марка Твена, которая на вопрос внука, стоит ли ему баллотироваться в губернаторы в компании с двумя политическими прохвостами, отвечала: «Суди сам, можешь ли ты унизиться настолько, чтобы вступить с ними в политическую борьбу».

Но на этот раз Франклин изменил своей традиции и опубликовал «Замечания на недавний протест», так как считал, что в данном случае речь шла не только о нем, но и бросалась тень на Генеральную Ассамблею. В своем ответе Франклин писал, что его считают главным организатором борьбы против власти владельцев колонии. Это обвинение он не собирался опровергать, но решительно выступил против обвинений в коррупции и прочих приписанных ему грехах.

Ответ интересен тем, что в нем дана яркая картина политических нравов колониальной Америки. Франклин писал, что его забаллотировали на выборах, которые были грубейшим образом фальсифицированы. В ход было пущено все: «подкуп избирателей», «лжесвидетельства», «двойные списки кандидатов», «урны для голосования, до отказа забитые фальшивыми избирательными бюллетенями». Эта колоритная картина политических нравов Америки невольно заставляет провести параллель с избирательными кампаниями наших дней. Герой Марка Твена, как известно, отказался от борьбы. «Я не выдержал, – заявлял он. – Я спустил флаг и сдался. Баллотироваться на должность губернатора штата Нью-Йорк оказалось мне не по силам».

Франклин не капитулировал, он смело принял брошенный ему вызов и дал согласие выехать в Англию для выполнения новой дипломатической миссии. Свои «замечания» Франклин заканчивал словами: «Сейчас я должен проститься (быть может, в последний раз) со страной, которую я люблю и в которой провел большую часть своей жизни. Esto perpetua. Желаю друзьям моим всяческого благополучия и прощаю моим врагам».

Интересы родины требовали, и Франклин вновь без колебаний отправлялся выполнять трудную дипломатическую миссию в далекой Англии. Огорчало только то, что снова предстояла разлука с семьей.

Дебора и на этот раз отказалась отправиться в далекое плавание через океан, не дала она согласия и на то, чтобы Франклин взял с собой дочь Салли, к которой отец был горячо привязан.

В ноябре Франклин покинул Филадельфию. Он предполагал, что его поездка продлится несколько месяцев. Во всяком случае, он никак не мог ожидать, что на это уйдет десять лет.

Америка вступает на тропу войны за независимость

Семилетняя война закончилась, морские дороги очистились от каперов, и на этот раз путешествие через Атлантику протекало значительно спокойнее. Месячное плавание завершилось благополучно, и Франклин вновь появился в Лондоне, в доме на Кревен-стрит, приведя в немалое изумление свою бывшую хозяйку миссис Стивенсон.

Франклин плохо переносил сырой климат Англии, особенно болезненно протекала акклиматизация. Вновь, как и в 1757 году, по приезде в Лондон он сильно простудился и весь январь был болен. Сказывался и возраст: Франклину было уже около шестидесяти лет, и такие длительные, утомительные переезды с резкой сменой климата неблагоприятно сказывались на самочувствии и здоровье. Но дела не ждали. 10 января начиналась сессия английского парламента, и Франклину пришлось с ходу включиться в тяжелую борьбу за выполнение решений, принятых Ассамблеей Пенсильвании.

Особенностью новой миссии Франклина являлось то, что теперь борьба вышла за узкие рамки конфликта Ассамблеи Пенсильвании с владельцем колонии. Назревали крупные события, обострялась борьба между метрополией и всеми североамериканскими колониями Англии, и теперь Франклину противостояли в Лондоне не только Пенны, но и весь мощный правительственный аппарат метрополии. Во время первой дипломатической миссии Франклина в Англии, в 1757—1762 годах, когда проходил первый тур борьбы между Пеннами и Ассамблеей Пенсильвании, многие руководители английских правящих кругов активно поддержали Пеннов.

Они понимали, что выступление Ассамблеи Пенсильвании против владельца колонии – это только начало, что движение в колониях неизбежно перерастет в антианглийскую борьбу, которая охватит все владения Англии в Северной Америке. И если в 1757—1762 годах движение в Пенсильвании не удалось локализовать и изолировать от освободительной борьбы, начинавшейся в других колониях, то следовало попытаться взять реванш сейчас, когда в Лондоне вновь появился посланец далекой и столь неспокойной Пенсильвании.

Формально миссия Франклина заключалась в том, чтобы вручить королю петицию Генеральной Ассамблеи Пенсильвании с просьбой лишить владельца колонии права назначать

губернатора. Но сразу же по прибытии в Лондон стало ясно, что тяжба с Пенном не столь уж важный вопрос, что на первое место надо ставить проблемы общеамериканского значения.

Одной из таких важнейших проблем была в то время политика Англии в отношении фермеров американских колоний, которая вела к обогащению английских купцов и фабрикантов, нанося одновременно тяжелый удар по сельскому хозяйству колоний. Проблема эта была тем более важная, что сельское хозяйство играло тогда решающую роль в экономике колоний, и в силу этого политика метрополии, ущемлявшая интересы фермеров, затрагивала интересы практически всего населения североамериканских провинций.

Франклин в 1766 году опубликовал работу «О цене на хлеб и управлении бедными», в которой он поднял проблемы, волновавшие самые широкие круги населения колоний. Статья была написана в обычной для Франклина манере: анонимная, за подписью «Оратор» и в сатирической форме.

Автор писал о большом значении фермера в жизни колоний и метрополии: «Я один из представителей того класса людей, который всех вас кормит, а в настоящее время всеми вами оскорбляется: короче – *я фермер*». Английское правительство, писал Франклин, проводило такую политику цен, которая разоряла фермеров, лишала их возможности продавать зерно по рыночным ценам. Столь же неблагожелательна была и политика правительства Англии к овцеводам Америки. Вся шерсть, полученная американскими фермерами, должна была продаваться только в Англии по ценам, устанавливаемым английскими фабрикантами. В Англии особенно ревниво следили за соблюдением установленного порядка продажи американской шерсти, так как это затрагивало интересы текстильной промышленности метрополии. А роль этой отрасли промышленности в английской экономике второй половины XVIII столетия была исключительно велика.

Американские овцеводы могли бы более выгодно продать шерсть на рынках других стран, но они наталкивались на категорическое нежелание Англии идти на какие-либо уступки в этом вопросе. «Уменьшив таким образом наши доходы от разведения овец, – говорилось в статье, – вы проклинаете нас за недостаток баранины!»

Франклин был выдающимся экономистом, и он видел, что Америка была колониальным придатком Англии со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями. Англия поступала по отношению к своим североамериканским провинциям так же, как всякая метрополия по отношению к

своим колониям: все, что производилось в колонии, забиралось по дешевке, а готовые товары метрополии продавались в заморских владениях по взвинченным ценам. «Я слышал, как мой дед говорил, – писал Франклин, – что фермеры подчинились запрещению экспортировать шерсть, так как их заставили ожидать и верить, что если фабриканты купили шерсть дешевле, они смогут купить дешевле сукно. Ничуть не бывало. С того дня до сегодняшнего оно все дорожает».

Промышленная и торговая буржуазия Англии набирала силу, она была законодателем мод, в первую очередь ее интересы защищал английский парламент. Все должны были поклоняться золотому тельцу, откармливать и холить его. Фермер, от имени которого велся рассказ в работе Франклина, восклицал: «Фабриканты, фабриканты! К ним нужно благоволить и их нужно кормить по дешевой цене!»

Всевозможные программы борьбы с бедностью появились в Америке не сегодня. И в колониальный период было немало «филантропов», которые пытались нажить политический капитал, бросая подачки бедствующим колонистам Америки. Франклин выступал в своей статье с самым решительным протестом против подобной политики. «Я за то, чтобы делать добро бедным, но я расхожусь в вопросе о средствах достижения этого. Я думаю, что лучшим способом делать добро бедным является не облегчение их нищеты, а избавление от нее».

Статья Франклина была написана в 1766 году, когда в колониях бурно росли антианглийские настроения, и ставила те проблемы, которые волновали самые широкие круги колонистов.

Сразу же после окончания Семилетней войны Англия предприняла ряд мер, направленных на пресечение революционного брожения в своих заокеанских владениях. В октябре 1763 года колонисты были лишены права переселяться за Аллеганские горы. Это было открытое покушение на традицию, восходившую еще ко времени первых поселенцев. Колонисты видели в Америке «страну свободы», преимуществом этого края являлось то, что можно было обосноваться почти в любом районе. Индейцы всерьез не принимались, с их правами на земли предков никто не желал считаться. Конечно, и в Америке собственность на землю, как и всякая собственность, была священна. Но легко было провозгласить право собственности, однако значительно труднее оказывалось защитить эту собственность в краю, где часто на протяжении многих миль нельзя было встретить ни одной живой души.

И вот теперь, после того как колонисты внесли решающий вклад в борьбу на Американском континенте против французов,

их лишали права переселения на богатые зааллеганские земли. Принимая это решение, метрополия не только хотела лишний раз подчеркнуть свое верховное право на владение землей в Америке. Имелись в виду и более практические цели – блокировать колонистов на той территории, которая уже была освоена и тем самым ввести более жесткий контроль за налогообложением, торговлей, развитием экономики колоний.

Реакция колонистов на это решение была тем более болезненной, что одновременно английские власти стали завинчивать гайки везде, где только возможно. В 1764 году родственник Питта Гренвилл провел через парламент закон, который мог серьезно пополнить английскую казну, отощавшую за годы Семилетней войны. Акты Гренвилла облагали высокими сборами целый ряд товаров, что особенно сильно ударило по интересам трудовой, беднейшей части колонистов.

Эти решения, принятые в 1763—1764 годах, вызвали резкое недовольство всех колоний, закономерным следствием чего явилась посылка за океан 10 тысяч английских солдат, чтобы сломить сопротивление колонистов и обеспечить проведение в жизнь правительственных решений. Прибытие английских войск было тем более неприятно для колонистов, что всего год-два назад население колоний совместно с английскими войсками сражалось против французов и их индейских союзников. Кроме того, содержание английских войск было новым и довольно значительным бременем для колонистов.

Особенно тяжелым бременем было введение налогов. Помимо чисто материальной стороны, здесь важное значение имело и то, что введение этих налогов нарушало старую английскую традицию: законодательный орган может распространить налоги только на тех, кто имеет своих представителей в данном органе. До этого все законы и введение каких-либо налогов принимались законодательными собраниями отдельных колоний. Другое дело, что введение подобных законов инспирировалось из Лондона, но, во всяком случае, хотя бы запрашивалось мнение колонистов, выполнялась традиция.

Борьба против незаконных действий английского правительства усиливалась. Первыми выступили жители родного города Франклина. Законодательное собрание Бостона заявило Лондону решительный протест в связи с введением актов Гренвилла. В документах, посланных в Лондон говорилось, что колонии не имеют своих представителей в английском парламенте и поэтому ему не дано право облагать колонистов налогами. Аналогичные решения в более или менее резкой форме были приняты и другими законодательными собраниями.

Даже на расстоянии, через океан, чувствовалось, что в Америке начинается буря. Королевское правительство не пожелало идти на уступки и встало на путь репрессий.

В 1765 году в Лондоне было принято решение о том, что отныне в колониях будут постоянно находиться английские войска. И конечно, имелось в виду, что содержать эти войска будут сами колонисты. С этой целью в марте 1765 года был принят закон о гербовом сборе. Это был цинизм, на который способны только колонизаторы: послать войска для усмирения колонистов и заставить платить за это самих усмиряемых.

Закон о гербовом сборе вызвал бурю возмущения за океаном, так как он ударил по материальным интересам всех колонистов. И действительно, гербовый акт предусматривал строгое соблюдение навигационных законов, суровое наказание за контрабанду, размещение постоянных английских гарнизонов в больших городах. По новому закону нельзя было совершить никакой торговой сделки, финансовой операции, послать деловую бумагу без уплаты значительной суммы в звонкой монете за гербовую марку, приложение которой делало подобные операции законными.

О реакции колонистов на гербовый акт свидетельствовал случай, имевший место в Законодательном собрании Виргинии. Адвокат Патрик Генри, выступая в этом собрании, взял на себя функции прокурора и открыто обвинил английского короля Георга III в тирании. Исторические параллели, которые провел Генри, были очень впечатляющие. Он посоветовал Георгу III не забывать, что Тарквиний и Цезарь, каждый имели своего Брута, а Карл I – Кромвеля.

Это уже был открытый бунт против власти короля, и самое опасное заключалось в том, что разрозненные одиночные выступления перерастали в организованную борьбу.

7 октября 1765 года по инициативе Массачусетса представители колоний собрались на межколониальный конгресс для обсуждения создавшегося положения. Большинство участников конгресса ни в коей мере не считало, что надо немедленно подыскивать Кромвеля XVIII века, чтобы разрешить конфликт с Англией. Подавляющее большинство делегатов разделяло верноподданнические чувства тех, кто в Законодательном собрании Виргинии встретил криками «измена!» выступление Патрика Генри. Это нашло свое отражение в «Декларации прав и жалоб», которая была принята на конгрессе. Пока это была только «жалоба», но и в ней уже чувствовались металлические нотки будущего серьезного разговора между Англией и Америкой.

Несмотря на то, что конгресс обратился с верноподданническими петициями к парламенту и королю, в его документах был зафиксирован протест против политики метрополии и бескомпромиссно сформулирован принцип: «Никаких налогов без представительства». Это была заявка на решительный пересмотр отношений между Англией и ее североамериканскими колониями.

Попытки проанглийски настроенных элементов ввести движение в спокойное русло «конституционных» дискуссий не давали положительного результата. В борьбу включались широкие народные массы, которые сметали все препоны, ставившиеся консервативными кругами. Стихийные выступления против английских колонизаторов стали принимать все более организованные формы, нашедшие свое отражение в создании демократических организаций «Сыны свободы». Подавляющее большинство членов этих организаций были рабочие, ремесленники, мелкая городская буржуазия.

Самым тревожным для британской короны было то, что массы вышли на улицы. В Бостоне началось настоящее восстание. Горожане разгромили здание управления по сбору налогов, сожгли дом главного сборщика пошлин, были сожжены документы суда и таможни, здания обоих этих учреждений были разрушены, губернатор Хатчинсон в панике бежал из города, увидев колонны демонстрантов, приближавшихся к его дому. Резиденция губернатора была разрушена, а имущество уничтожено.

Бурные выступления имели место и в других колониях, следствием чего явилось то, что к 1 ноября 1765 года, когда должен был вступить в действие закон о гербовом сборе, в колониях не оказалось ни гербовой бумаги, которая была уничтожена колонистами, ни сборщиков налогов, которых разогнали восставшие американцы. Злополучный закон о гербовом сборе так и не удалось провести в жизнь.

В этот напряженный момент, когда бурлили все колонии, Франклин оказался в эпицентре событий. Представить английскому парламенту петиции, принятые межколониальным конгрессом, было поручено именно ему.

Миссия эта была очень сложная и деликатная. События, проходившие за океаном, были настоящим бунтом с точки зрения английских законодателей, а Франклин должен был представлять и защищать интересы этих бунтовщиков перед парламентом и королем. Еще со времен тяжбы между владельцем Пенсильвании и Генеральной Ассамблеей этой провинции Франклин был в глазах английских парламентариев главным смутьяном. Сейчас

ему надо было выступать уже не по частному конфликту, а по принципиальному вопросу, касавшемуся коренной проблемы – главных устоев господства британской короны в Америке.

В связи с новой миссией, возложенной на Франклина, он был вызван в 1766 году в палату общин и подвергнут самому тщательному допросу. Цель этого допроса заключалась не только в том, чтобы получить информацию о положении в колониях. Английские парламентарии имели другие источники информации, на которые они полагались в большей мере, чем на мнение «бунтовщика» Франклина. Власть имущие круги Англии рассчитывали этим демонстративным допросом оказать давление на представителя колоний, каким Франклин фактически стал после поручения, данного ему колониальным конгрессом. Инициаторы этого спектакля считали, что уже сам вызов в парламент повергнет Франклина в смятение, что он пойдет на этот допрос как на заклание.

Эти надежды были необоснованными. Франклин приехал в парламент как полномочный представитель своего народа, держался просто, но с достоинством, смело отстаивал интересы колонистов.

Франклин не был на левом фланге движения, развертывавшегося в Америке. Он не был сторонником отделения колоний от Англии и считал, что еще имеются возможности для решения возникших споров в интересах обеих сторон. Франклин идеализировал короля Георга III. 19 декабря 1763 года он писал в Англию Стрехэну, что не разделяет опасений в отношении того, что фракционные группы в Англии возьмут верх и окажут отрицательное воздействие на политику короля по отношению к Америке. «Наоборот, – подчеркивал Франклин, – я придерживаюсь того мнения, что его добродетель и сознательность, искреннее намерение делать добро для своего народа придадут ему твердости и непоколебимости в осуществлении его целей и в поддержке своих честных друзей, которых он выбрал, чтобы служить ему. И когда эта его твердость будет полностью осознана, дух интриги постепенно испарится к исчезнет, как утренний туман перед восходом солнца, делая остаток дня ясным, с небом безмятежным и безоблачным».

Высказав свои предположения в отношении Георга III, Франклин не оказался пророком. Прошло совсем немного времени, и в марте 1764 года близкий друг Георга III Георг Гренвилл опубликовал свою программу резкого увеличения налогообложения колонистов, включая и столь непопулярный акт о гербовом сборе.

Но следует отметить, что после инициативы Гренвилла

Франклин резко изменил свои взгляды на английскую политику в отношении Америки и, в частности, свои оценки роли Георга III в выработке и проведении этой политики.

И когда Франклин шел на допрос в парламент, он уже имел твердые убеждения в отношении того, что английская политика и акт о гербовом сборе, как наиболее яркое ее проявление, являются со стороны британской короны грубейшим попранием прав колонистов.

Положение Франклина было очень трудным, так как в английском парламенте сложилось на антиамериканской основе довольно прочное большинство. В одном из писем Франклина от 11 июля 1764 года говорилось: «Я предпринимаю все, что в моих силах, для того, чтобы помешать принятию закона о гербовом сборе. Никто так искренне и сильно не заинтересован в борьбе против этого закона, как я. Но обстоятельства, действующие против нас, слишком сильны. Английский народ возбужден требованиями независимости со стороны американцев, и все партии объединились в решимости с помощью этого закона разрешить американскую проблему».

Враги Франклина в Филадельфии использовали принятие закона о гербовом сборе для новых атак против дипломатического агента Пенсильвании в Англии. По городу поползли зловещие слухи, что Франклин сам был автором этого закона, всемерно способствовал его принятию и получил от этого материальную выгоду. Провокаторы пустили слух, что Франклин получал взятки за содействие в назначении чиновников для сбора налогов по закону о гербовом сборе и сам должен был получить повышение за услуги, оказанные англичанам. Стали поговаривать о том, что надо сжечь новый дом Франклина. Уильям Франклин, обеспокоенный всеми этими сообщениями, поспешил из Берлингтона в Филадельфию, чтобы убедить Дебору и Салли переехать к нему в Нью-Джерси. Дебора дала согласие на отъезд Салли, но сама осталась на месте. К ней переехал один из ее братьев и племянник Франклина. Дебора писала мужу в Лондон, что она принесла мужчинам ружья, и они укрепили дом на случай нападения.

Попытки спровоцировать нападение на дом Франклина свидетельствовали о том, насколько напряженная обстановка сложилась в Филадельфии. Но провокации против агента Пенсильвании в Англии не возымели действия. Межколониальный конгресс, поручив ему представлять интересы всех колоний в связи с конфликтом вокруг гербового акта, тем самым оказал ему полное доверие.

Допрос Франклина в парламенте был задуман как суд над

американскими «бунтовщиками». И начался допрос, как в заправском суде. Франклин был хорошо известен парламентариям, во всяком случае, большинству из них, и тем не менее спикер начал допрос строго по протоколу: «Ваше имя и место жительства?» Как писал биограф Франклина: «По своей форме допрос был почти исторической комедией».

Франклину предстоял серьезный экзамен, в его лице пытались судить Америку, поднимавшуюся на борьбу за независимость, против колониальной деспотии. Организаторы этого полусудебного фарса поступили не самым удачным образом, вызвав на допрос Франклина. Выдающийся ученый, авторитетный в английском обществе человек, подкупавший своей простотой и вместе с тем обладавший большим чувством собственного достоинства, выдающийся дипломат, Франклин был воплощением всего лучшего, что было присуще его далеким соотечественникам, поднимавшимся на борьбу за свое освобождение.

Первый поставленный Франклину вопрос касался налогов. Франклин отвечал, что американцы платят огромные налоги, особенно увеличившиеся в связи с тем, что надо покрывать долг, образовавшийся в ходе Семилетней войны и последовавшей вслед за ней войны с индейцами.

Франклин отвечал смело, решительно, безо всяких дипломатических уверток, особенно на те вопросы, которые касались принципиальных проблем взаимоотношений между метрополией и Америкой. «Не считаете ли вы, – спросили его, – что американцы подчинились бы необходимости платить гербовый сбор, если бы он был снижен?» Ответ последовал незамедлительно и в очень резкой форме: «Нет, никогда, если только их не принудят к этому силой оружия». Через некоторое время последовал новый вопрос, касающийся тех же проблем: «Как бы, по вашему мнению, отнеслись американцы к новому налогу, установленному на тех же принципах, что и закон о гербовом сборе?» Ответ был столь же категоричен, как и на первый вопрос о гербовом сборе: «Точно так же, как они отнеслись к этому. Они не стали бы его платить». Парламентарии вновь и вновь возвращались к вопросу о налогах, ставя его в самых различных плоскостях. И получили категорический ответ: американцы не будут платить налоги, которые они считают незаконными. Отвечая на один из таких вопросов, Франклин заявил: «Никакая вила, как бы велика она ни была, не может заставить людей изменить свои взгляды».

Градом сыпались вопросы самого различного свойства: каково население Америки, сколь велико в процентном

отношении налогообложение, подробности почтовой службы в Америке, проблемы внешней торговли, состав межколониального конгресса, развитие мануфактуры в Америке и многие, многие другие.

Но все же подавляющее большинство вопросов было связано с проблемой налогообложения. Франклин решительно указал на классово-социальную сущность закона о гербовом сборе. Он говорил: «Подавляющая часть денег (от гербового сбора. – *Р. И.)* должна поступить от судебных исков по невозвращенным долгам и уплачиваться людьми из низших слоев общества, которые были слишком бедны для того, чтобы легко расплатиться со своими долгами. Таким образом, сбор этот представляет собой тяжелый налог на бедняков – налог, наложенный на них за их бедность».

Парламентариев очень интересовал вопрос о настроениях в Америке, о перспективе развития англо-американских отношений. Франклин отвечал, что последние события резко подорвали авторитет метрополии в колониях, что от уважения к Англии не осталось и следа. Он старался дать понять английским законодателям, что совершенно беспочвенны надежды на решение спорных проблем силой оружия. «Если в Америку будет послан военный отряд, – говорил Франклин, – он не найдет у нас ни одного вооруженного… Он не найдет здесь мятежа, но, несомненно, сможет его вызвать».

В тревожной обстановке, вызванной введением закона о гербовом сборе, английское правительство не рискнуло настаивать на столь непопулярном законе и отменило его. Определенную роль в этом решении сыграло выступление Франклина в парламенте, которое неопровержимо доказывало полную бесперспективность попыток заставить колонистов подчиниться этому закону.

Франклин не был выдающимся оратором и не любил произносить длинных речей. Никогда в жизни, ни до, ни после этого выступления в английском парламенте, он не выступал так долго и перед такой большой аудиторией. Стенографический отчет его выступления занимает около тридцати страниц типографского текста. Несмотря на отсутствие ораторских ухищрений, выступление Франклина закончилось подлинным триумфом. Текст его выступления был напечатан в Лондоне, в том же году в Бостоне, Нью-Лондоне, Нью-Йорке, Филадельфии (на английском и на немецком языках), Уильямсбурге, в следующем году во Франции. В Америке Франклина чествовали как героя, защитившего дело американцев в Англии и одержавшего победу для своих соотечественников. Даже филадельфийская партия, отстаивавшая интересы собственника

колонии, вынуждена была признать заслуги Франклина. В Филадельфии вручали подарки всем, кто прибывал на очередном корабле из Англии и привозил какие-нибудь свежие новости о Франклине. Пунш и пиво давались бесплатно каждому, кто хотел выпить за здоровье короля. Триста гостей губернатора и мэра, собравшиеся в Государственном доме, пили за здоровье Франклина и заявили, что в день рождения короля в июне они все наденут платье из английских тканей и раздадут беднякам свою домотканую материю. В день рождения короля был устроен салют, начертавший под облаками слово «Франклин».

Припадок верноподданнических чувств, продемонстрированных элементами, выступавшими в поддержку королевской политики, не отражал настроений, господствовавших в колониях. Англия отступила, закон о гербовом сборе был отменен, но это был не мир, а только перемирие и, очевидно, не очень продолжительное. Оснований для сверхоптимизма не было никаких, более того – антагонистические противоречия, разделявшие метрополию и колонию, не были разрешены, и это означало, что новое обострение борьбы было только вопросом времени.

Франклин фактически был дипломатическим представителем всех английских колоний в Лондоне, но его образ жизни имел мало общего с общепризнанным представлением о жизни крупных дипломатов. По-прежнему он снимал скромное помещение у миссис Стивенсон на Кревен-стрит. На скромные средства, которыми располагал Франклин, он содержал своего незаконнорожденного внука, к которому был очень привязан. Вместе с Франклином почти постоянно жила миловидная и очень обаятельная Салли Франклин, дочь Томаса Франклина, красильщика из Лейкестершира. Она воспитывалась в его доме до двадцатилетнего возраста, пока не вышла замуж.

В июле 1766 года в Филадельфии умер последний брат Франклина – Питер. Франклин всегда оказывал помощь своим братьям, сестрам, кузинам, племянницам и прочей многочисленной родне. Но сейчас, в шестидесятилетнем возрасте, он сам был очень стеснен в средствах. В 1766 году прекратилось партнерство Франклина с его бывшим подмастерьем Дэвидом Холлом, что пробило основательную брешь в его бюджете. Холл уплачивал своему бывшему хозяину пятьсот фунтов в год.

22 июня 1767 года Франклин писал Деборе, что теперь «иссяк самый большой источник нашего дохода». Он опасался, что если лишится своей почтовой службы, то их материальное положение станет совсем плачевным. О том, насколько тяжелым было материальное положение Франклина, можно судить на основании

того, что в этом же письме говорилось, что, когда он обедает дома без гостей, его обед состоит из одного блюда.

Опасения Франклина не оправдались. Он не был лишен своей почтовой должности. Более того, в 1768 году Джорджия, в 1769 году Нью-Джерси, а в 1770 году Массачусетс назначили его своим дипломатическим представителем в Англии, что значительно укрепило его материальное положение.

Комментируя назначение Франклина дипломатическим представителем четырех колоний в метрополии, Дорен писал: «Если бы начало революции задержалось или она бы не произошла, он бы стал генеральным агентом всех колоний в Англии. Фактически он и был таковым. Франклин был послом Америки еще до того, как она получила право послать такового».

Франклин совершил приятную поездку во Францию. Его интересовало здесь все. В одном из писем он подробно рассказал о хороших дорогах во Франции, выложенных камнем, обсаженных деревьями. И тут же добавлял, что, как его информировали, французские крестьяне два месяца в году бесплатно работают на этих дорогах, чтобы поддерживать их в таком хорошем состоянии.

Франклин со своим спутником удостоился чести быть принятым в Версале французским королем. В письмах Франклина не чувствуется, что этот визит произвел на него сколь-либо сильное впечатление. Он сообщает о поездке в Версаль и о встрече с королем, как об обыденном явлении. Пишет, что король «выглядит моложе своих лет, энергичен, разговаривал любезно и весело».

Франклин встречался во Франции с выдающимися учеными страны – физиками, астрономами, путешественниками. Он познакомился в Париже с крупнейшими французскими специалистами в области политэкономии. Оказалось, что они хорошо знакомы с его выступлением в английской палате общин и разделяют основные воззрения американского философа.

Не было ничего удивительного в той восторженной встрече, которую устроили Франклину французские ученые, которых называли *«франклинистами»*. Во Франции назревала Великая революция, а Франклин был для прогрессивной Европы символом революционной Америки, поднимавшейся на борьбу за свое освобождение.

Непродолжительное путешествие во Францию принесло Франклину большое удовлетворение. Это была необходимая разрядка после бурных событий, связанных с борьбой против закона о гербовом сборе. Поездка не только помогла рассеяться, но и имела важное познавательное значение: посещение предреволюционной Франции помогало лучше понять те

проблемы, которые с такой остротой ставились в Америке в канун Войны за независимость. «Путешествия, – отмечалось в одном из его писем из Франции, – являются одним из средств продления жизни, по крайней мере внешне».

В 1771 году Франклин посетил Ирландию. Его поездка была вызвана необходимостью поправить пошатнувшееся здоровье, но Франклин никогда не забывал, что на Британских островах он представляет Америку, поднимающуюся на борьбу за освобождение от колониальной зависимости, и он не мог ехать в Ирландию, как частное лицо. Это было невозможно, так как Ирландия была фактически такой же колонией, как и Америка, и события, происходившие в далеких заокеанских провинциях были близки и понятны ирландцам.

Франклина встретили в Ирландии как полномочного представителя свободолюбивых американских колонистов. Спикер ирландского парламента в Дублине, писал Франклин в одном из писем, торжественно представил его законодателям, с ним обошлись значительно почтительней, чем с Джексоном, членом английского парламента, тоже присутствовавшим на этой встрече.

Франклин беседовал в ирландском парламенте и с представителями проанглийских кругов и с патриотами. Последние были полностью на стороне американских колонистов. Они отмечали, что и в вопросе о торговле, и в вопросе о праве издания законов у ирландцев и американцев было совершенно аналогичное положение. Гнет британской короны проявлялся в Ирландии так же отчетливо, как и в Америке.

Позднее Франклин писал в Америку, что колонии не должны распространять ограничения на торговлю с Англией на Ирландию, что необходимо импортировать в Америку ирландское полотно и обеспечивать Ирландию льняными семенами. Когда в июле 1775 года Франклин составил проект конституции США, он предложил включить в состав нового государства все английские колонии в Америке и, помимо этого, Ирландию.

После поездки в Ганновер в 1766 году и во Францию в 1767 году Франклин вновь в июле – августе 1769 года посетил Париж. На этот раз он более или менее официально представлял во Франции американскую научную общественность, так как в январе 1769 года был избран президентом Американского философского общества. Во время этой поездки он особенно почувствовал, с каким напряжением следили во Франции за развитием англо-американского конфликта. Интерес к этим событиям был не платонического характера. Круги, близкие к французскому двору, прекрасно понимали, что следствием

обострявшихся отношений между метрополией и ее заокеанскими владениями могло быть резкое ослабление позиций Англии, а это открывало возможности для успешного реванша за поражение, понесенное Францией в Семилетней войне.

Прогрессивные силы Франции видели в поднимавшихся на борьбу за независимость американских колониях естественного союзника против французской феодальной реакции. Для них Франклин был представителем революционных кругов далекого Американского континента, человеком, близким по духу, по убеждениям.

Франклину было уже за шестьдесят. Он жил на чужбине, в отрыве от семьи, нередко хворал, много усилий и большого нервного напряжения требовала его дипломатическая миссия, и тем не менее он находил время для науки. Во время последней поездки во Францию он интересовался противопожарной защитой домов. По возвращении в Англию, как свидетельствуют его письма, занимался вопросами реформы языка и письменности, высказав до этому вопросу мысли, представляющие значительный интерес с точки зрения лингвистики. Франклин вновь вернулся к вопросам изучения Гольфстрима и сделал это раньше других исследователей, занимавшихся проблемами водных течений.

Много внимания уделял он медицине. В частности, в январе 1770 года Франклин первым предложил использовать в качестве лечебного средства ревень, занимался исследованием лечебных свойств кольраби.

В его письмах говорилось об астрономии, использовании меди для покрытия крыш, Франклин высказывал свои соображения о производстве шелка в Пенсильвании, создал очки для глаз с различным зрением.

Но все же в 1770—1772 годах его больше всего занимали вопросы политики и экономики, что имело прямое отношение к развитию англо-американских отношений, к назревавшим за океаном революционным событиям.

В течение длительного времени Франклин, как и большинство лидеров американской буржуазии, выступал против разрыва американских колоний с Англией. Союз метрополии и колоний был для него неким совершенным творением, разрушить гармонию которого казалось кощунством. Как писал Франклин в одной из своих работ, невозможно «отколоть кусок от вазы».

Сказывалась сила старых традиционных связей. Англия была заокеанской родиной, язык, культура, родственные связи, экономические контакты – все это, как пуповина, связывало определенную часть американского общества с Англией, и порвать эти связи было нелегко. Торговая и зарождающаяся

мануфактурная буржуазия американских колоний в силу принудительной односторонней ориентации экономики американских колоний на Англию была тесно связана с метрополией, и следовало очень серьезно подумать, чего будет больше от разрыва с Англией – прибыли или убытков.

И самое главное заключалось в том, что, как и во всяком революционном движении, срабатывает классовый инстинкт и буржуазия со страхом оглядывается на народные массы, которые берутся за оружие.

Такие события, как восстание в Бостоне или волнения в Филадельфии, во время которых едва не сожгли дом самого Франклина, заставляли серьезно задуматься, прежде чем принять решение о полном разрыве отношений с метрополией.

Конечно, самым приемлемым был путь компромисса, который не раз и до этого выводил буржуазию Англии и Америки из, казалось бы, безвыходных тупиков. Однако революционное брожение в колониях зашло слишком далеко, и такая панацея, как компромисс, была теперь бессильна дать задний ход развитию событий в Америке. Это понимали наиболее дальновидные лидеры начинавшейся американской революции. Среди этих лидеров одно из первых мест занимал Франклин.

Он служил революции не только на трудном и ответственном посту первого дипломата Америки, но и своим талантом яркого публициста и сатирика. Одной из крупнейших политических сатир Франклина лондонского периода был памфлет «Как из великой империи сделать маленькое государство», написанный в 1773 году и направленный против политики министерства лорда Норса, проводившего особенно резкий антиамериканский курс.

Повествование в памфлете ведется от имени «мудрого» государственного мужа, как две капли воды похожего на твердолобых английских тори, политика которых ведет к расколу Британской империи, к отпадению ее самой богатой части – заокеанских владений. Он считает, что государством легче управлять, когда сокращаются его размеры, что «большую империю, как большой пирог, легче всего уменьшить, обламывая по краям».

Для выполнения этой задачи дается ряд практических советов: «Обратите поэтому ваше внимание сначала на ваши *наиболее отдаленные* провинции, с тем чтобы, когда вы избавитесь от них, за ними могли по очереди последовать другие».

В памфлете поднимались те же проблемы, которые дискутировались во время допроса Франклина в палате общин. Помимо введения незаконных налогов, разрушителями

Британской империи рекомендовалось: «Расквартируйте там (в колониях. – *Р. И.)* ваши войска, которые своей наглостью могут спровоцировать восстание простого люда, и подавляйте эти восстания пулями и штыками этих войск. С помощью этого средства, подобно мужу, который из-за подозрения дурно обращается с женой, вы со временем сможете превратить ваши подозрения в действительность».

Возмущение колонистов вызывала огромная и прожорливая, как саранча, армия английских чиновников, которая смотрела на свою службу за океаном, как на средство быстрого обогащения. И памфлет рекомендовал: «Когда такие губернаторы набьют свои сундуки до отказа и вызовут к себе такую ненависть населения, что дальнейшее их пребывание там окажется невозможным, *отзовите их и наградите* пенсиями. Вы можете также сделать их баронетами, если носители этого почетного титула не сочтут нужным обидеться на это».

Цель памфлета заключалась не только в том, чтобы показать всю абсурдность английской политики. В Англии и Америке было немало людей, которые считали, что ни при каких обстоятельствах нельзя допускать разрыва, что противоречия носят временный и частный характер, а факторы, объединяющие Англию и Америку, постоянны и всеобъемлющи. Взять ответственность за разрыв традиционных англо-американских связей значило восстановить против себя эти влиятельные силы по обе стороны океана. Памфлет Франклина снимал с колонистов упреки в разрушении Британской империи, он показывал действительные причины обострения отношений между метрополией и колонией, идеологически подготавливал будущий разрыв колоний с метрополией.

Аналогичные цели преследовал и другой памфлет, написанный в том же 1773 году, – «Эдикт прусского короля». В работе не было художественного вымысла. Франклин изложил в сатирической форме статьи английских законов, касающихся североамериканских колоний, превратил Англию в провинцию Пруссии и распространил действие этих законов, изданных от имени короля Пруссии, на Британские острова. В памфлете показано, что цель экономической политики Англии в Америке – откровенный грабеж, обогащение английской торговой и промышленной буржуазии.

Англия широко практиковала использование своих американских колонии в качестве места массовой ссылки уголовных преступников, которые терроризировали колонистов, разлагающе действовали на нравы населения. «Король прусский» повелевал: «Будучи готовы еще больше облагодетельствовать

наши означенные колонии в Англии, мы настоящим также предписываем, чтобы все воры, разбойники с большой дороги, грабители, взломщики, фальшивомонетчики, убийцы, развратники и всякого рода мошенники, которые, по законам Пруссии, должны быть лишены жизни, но которых мы по великому нашему милосердию не считаем уместным повесить здесь, были выпущены из наших тюрем и направлены на означенный остров Великобританию для лучшего населения этой страны».

Сатирические работы Франклина сыграли важную роль в подготовке общественного мнения в Америке и в Англии к революционным событиям 1775—1783 годов. Разящая сатира Франклина была мощным идеологическим и политическим оружием в руках колонистов, поднимавшихся на борьбу за уничтожение британского господства. Даже в тех случаях, когда произведения Франклина выходили под псевдонимом, этот камуфляж мало кого мог ввести в заблуждение.

Франклина ненавидела и боялась Англия королевских чиновников, торговой и промышленной буржуазии, клерикалов и реакционной военщины.

Американская революция, как и всякое великое социальное движение, выдвинула целую плеяду блестящих политических и военных руководителей, народных трибунов, выдающихся мастеров политического памфлета. Многие из них, например Томас Джефферсон и Томас Пейн, занимали более радикальные позиции, чем Франклин. Но огромная заслуга последнего заключалась в том, что Франклин был единственным крупным деятелем революции, действовавшим на ее внешнеполитическом фронте. Великие революции потому и являются великими, что они не только коренным образом преобразуют жизнь народа в одной стране, но и оказывают огромное влияние на всю мировую историю, вызывают многочисленные и мощные международные отклики.

Франклин был единственным представителем американской революции на международной арене, и это был исключительно удачный выбор. Действительно, среди руководителей освободительного движения в американских колониях было немало более радикальных деятелей; вероятно, можно было найти и не менее способного дипломата, чем Франклин. Но все это были люди только американского масштаба, практически неизвестные в Европе. Франклин же, как ученый и литератор, был широко известен и в Англии, и в других европейских странах. По существу, в Америке не было в то время другого деятеля, способного успешно выполнить задачу, возложенную на

Франклина американской революцией.

Американская революция породила и новую форму дипломатии. Традиционно сфера деятельности дипломатического представителя ограничивалась двором, министерствами, встречами в великосветском обществе. Франклин-дипломат решительно сломал эти закостеневшие каноны официальной дипломатии XVIII века. Он пошел на установление связей с представителями широкой прогрессивной общественности Англии; это было характерно и для деятельности Франклина в более поздний период во Франции.

До Франклина никто из дипломатов не использовал такое средство воздействия на настроения общественности, как политический памфлет, публикация статей в прессе, личные контакты с прогрессивными учеными, общественными деятелями.

Реакционные круги Англии были взбешены тем, что дипломатический представитель не суверенной страны, а именно колоний отважился выступать с резко критическими замечаниями в адрес королевского правительства, публиковал памфлеты, в которых издевался над политикой метрополии в колониях. Руководители внешней политики Англии, несмотря на все свои усилия, не могли заставить Франклина занять более умеренные позиции, столкнуть его на путь компромиссного решения споров, разделявших метрополию и ее заокеанские владения.

Обстановка в Америке все более накалялась, принимала угрожающий характер. Взрыв мог произойти в любое время, что и случилось 5 марта 1770 года. В этот день в Бостоне английские войска открыли огонь по жителям города, пять человек было убито и несколько ранено. Неспровоцированное убийство в Бостоне потрясло Америку. Призыв «К оружию!» зазвучал по всей Америке. Массы действительно были готовы взяться за оружие, но перспектива увидеть на улицах толпы вооруженных людей страшила лидеров американского освободительного движения. Путем ряда хорошо продуманных и удачно осуществленных мероприятий им удалось разрядить напряженность, и на этот раз дело не дошло до вооруженного выступления против колонизаторов.

Кровавые события в родном городе Франклина сыграли важную роль в определении его отношения к событиям в Америке. Если у Франклина и оставались еще какие-то надежды на возможность сохранения единства между Англией и ее американскими колониями, то после событий в Бостоне он окончательно пришел к выводу, что разрыв неизбежен. Франклин считал, что его долг разоблачить подлинных виновников трагических событий в Бостоне, и он посылает туда подлинники

писем губернатора Массачусетса Хатчинсона и его помощника Оливера. Эти документы показали провокационную роль английских ставленников в бостонских событиях, что бросило зловещую тень на всю политику королевского правительства в американском вопросе. Разразился грандиозный скандал, общественность Америки и Англии получила неопровержимые свидетельства личной ответственности английских должностных лиц за массовое убийство в Бостоне. Массачусетс потребовал от короля снять Хатчинсона и Оливера с постов, которые они занимали.

Реакционные круги Англии, давно ждавшие удобного случая для сведения счетов с Франклином, обвинили его в незаконном разглашении тайны частной переписки. Франклина вызвали в Тайный совет для допроса с пристрастием. Почти час шестидесятивосьмилетний философ стоя отвечал на вопросы членов Тайного совета. Это было тяжелое испытание. Франклина оскорбляли, обвиняли в бесчестье, обзывали вором. Франклина душил гнев, это «кратковременное помешательство», как называл он чувство гнева, но он спокойно и с достоинством отвечал на градом сыпавшиеся вопросы.

Даже внешний вид Франклина был вызовом расфранченным, одетым по последней моде сановным чинам, допрашивавшим дипломатического представителя колоний. Франклин пришел на совет в старом алонжевом парике, в платье из узорчатого манчестерского вельвета. Вновь, как и во время допроса в палате общин, Франклин одержал убедительную победу. И главное заключалось не в его личном торжестве, не в том, что он доказал полную беспочвенность выдвинутых против него обвинений. Превратившись в обвинителя, он решительно отстаивал право американцев на борьбу против английской тирании.

По мере обострения обстановки в Америке положение Франклина становилось невыносимым. За каждым его шагом тщательно следили. Те, кто обвинял дипломатического представителя колоний в бесчестии в истории с письмами Хатчинсона и Оливера, вскрывали всю корреспонденцию Франклина, чем лишали его возможности выполнять возложенную на него дипломатическую миссию.

Работать в таких условиях было невозможно, и Франклин ставит перед законодательными собраниями колоний вопрос о возвращении на родину. Это было тем более своевременно, что многие признаки свидетельствовали о приближении полного разрыва между Англией и Америкой. Если бы это произошло, положение дипломатического представителя восставших колоний оказалось бы очень тяжелым и даже опасным для жизни. Однако

просьба Франклина о возвращении в Америку не была удовлетворена, родине вновь потребовались его услуги.

В мае 1774 года Виргиния предложила созвать континентальный конгресс всех колоний. 3 сентября 1774 года Франклин писал: «Наши друзья посоветовали мне остаться (в Англии. – *Р. И.*) до тех пор, пока не станут известны результаты работы конгресса». И Франклин отложил свой отъезд из Англии.

Тем временем обстановка все более накалялась. Английский парламент принял решение покончить с «бунтом» колонистов, для чего за океан отправлялся значительный контингент регулярной армии. Это было равносильно объявлению войны. Франклину грозил арест, и в марте 1775 года он тайно покидает Англию.

Посол революции

Франклин вернулся в Америку в бурное время. С 5 сентября по 26 октября 1744 года заседал I Континентальный конгресс. В обстановке ожесточенной внутренней борьбы, после тяжелых и затяжных дебатов, шедших при закрытых дверях, большинством всего в один голос удалось принять важные решения, способствовавшие развитию дальнейшей борьбы колонии против метрополии.

В принятой конгрессом Декларации прав говорилось о праве американских колоний «на жизнь, свободу и собственность», на осуществление законодательства. Конгресс заявил о готовности колоний организовать сопротивление метрополии и в развитие этого решения объявил о разрыве торговых отношений с Англией и о необходимости развития в колониях независимой экономики.

Но все еще сказывались сила инерции, воздействие многолетних связей с метрополией по всем линиям. Умеренные лидеры освободительного движения колоний боялись «отколоть кусок от вазы», не решались пойти на полный разрыв отношений с метрополией.

И тогда решительный шаг сделали сами англичане. Губернатор Массачусетса генерал Гейдж дал приказ английским войскам разоружить колонистов и арестовать их лидеров. 18 апреля 1775 года отряд численностью в 700 человек приступил к исполнению этого приказа. Колонисты оказали решительное вооруженное сопротивление в районе населенных пунктов Конкорд и Лексингтон, находившихся недалеко от Бостона. В завязавшейся перестрелке англичане потеряли 273 человека, потери американцев составили только 95 человек. Регулярные английские войска, насчитывавшие с прибывшим подкреплением около 1500 человек, проиграли это первое сражение Войны за независимость и позорно бежали с поля боя. Такими событиями встретила Франклина родина после его десятилетнего отсутствия. Во всех колониях народ поднимался на борьбу с англичанами, создавались вооруженные отряды, захватывалось английское оружие и военное снаряжение, партизанские отряды предпринимали интенсивные военные действия против английских гарнизонов.

10 мая 1775 года в Филадельфии собрался II Континентальный конгресс, в работе которого принял участие Франклин в качестве одного из представителей Пенсильвании. Политическая обстановка в стране к тому времени значительно отличалась от условий, характерных для работы I

Континентального конгресса. Вооруженная борьба за освобождение колоний стала фактом, теперь представителям колоний пришлось отодвинуть все сомнения и колебания, взяв на себя функции руководителей начавшейся революции.

Первым актом конгресса было решение от 15 июня 1775 года о создании регулярных вооруженных сил и о назначении Джорджа Вашингтона главнокомандующим этими вооруженными силами. А уже 17 июня при Бэнкерхилле, на подступах к Бостону, произошло сражение, в котором регулярная английская армия потеряла более тысячи человек, что в два с лишним раза превышало потери американцев. Настроения в пользу компромисса с метрополией все еще были достаточно сильны среди делегатов II Континентального конгресса и среди определенных кругов ряда колоний. Однако этим настроениям не суждено было определять ход развития американских событии. Соглашение с англичанами было невозможно, так как в колониях на борьбу поднялись самые широкие слои народа.

Позиция Лондона тоже мало благоприятствовала развитию тенденции к компромиссному решению конфликта: колонии были объявлены находящимися в состоянии мятежа, армия и флот получили приказ короля подавить восстание силой оружия.

Стало очевидным, что отныне решающее слово принадлежит не сторонникам переговоров, а тем, кто с оружием в руках поднялся на борьбу за свободу колоний. Конгресс предпринял ряд мер, направленных на прорыв блокады, объявленной Англией. В частности, началось снаряжение каперов, что положило начало созданию американских военно-морских сил.

Соотношение сил в начавшейся войне было явно не в пользу восставших. Освободительное движение приняло всенародный характер, тысячи американцев добровольно вступали в формировавшиеся вооруженные отряды, и уже в первых боях восставшие колонисты разгромили регулярные английские войска. Однако было очевидно, что слабые в экономическом и в военном отношении колонии не смогут без иностранной помощи выдержать напряжение длительной борьбы с метрополией. Начались осторожные, но настойчивые поиски возможных союзников для войны с Англией. Еще в ноябре 1775 года был создан Комитет тайных сношений, начавший зондаж среди врагов Англии на международной арене. Комитет вел также переговоры о приобретении оружия за границей и получении денежных займов.

В ходе вооруженной борьбы с англичанами в бывших колониях, которые объявлялись независимыми республиками – штатами во главе с революционными правительствами,

рождались и новые органы власти. Конституции, принятые ими, подводили первые итоги революционных завоеваний, провозглашая создание независимых штатов, в которых уничтожались привилегии крупных землевладельцев и другие феодальные пережитки.

Эти события создали необходимые условия для принятия конгрессом главного решения. 4 июля 1776 года конгресс принял Декларацию независимости, известившую мир о том, что бывшие английские колонии объединились в первое независимое государство Нового Света – Соединенные Штаты Америки, 4 июля – день принятия Декларации независимости – стало днем национального праздника Соединенных Штатов Америки.

Декларация гласила: «Все люди сотворены равными, все они одарены создателем некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, свободу и стремление к счастью».

Огромное историческое значение имел тот факт, что Декларация независимости впервые в мировой истории провозгласила принцип народного суверенитета как основу государственного устройства.

Прогрессивное значение этого документа определялось и тем, что он признавал за народом право на восстание, на революцию. В Декларации говорилось: «Всякий раз, когда форма правления начинает противоречить этим целям (демократическим правам народа. – *Р. И.*), право Народа – изменить ее, либо вовсе уничтожить и учредить новое правительство».

Однако авторы Декларации отдали дань религиозным предрассудкам, указав на божественное происхождение человека и его «естественные» права. Недостатком этого документа был и его декларативный характер. Это касалось и главной идеи Декларации – идеи народного суверенитета. Как свидетельствует опыт истории, радикальная терминология не должна вводить в заблуждение при оценке демократичности того или иного документа. Не только в наше время, но и многие столетия назад представители самых различных слоев господствующих классов небезуспешно спекулировали на притягательной силе слова «народ».

И до американской революции неоднократно высказывались идеи о том, что народ должен быть источником власти. Об этом заявляли и кальвинисты в английском феодальном парламенте, и французские феодалы, ведшие борьбу не на жизнь, а на смерть с абсолютистской монархией. Все зависит от того, какое содержание вкладывается в то или иное понятие. Французские феодалы, например, тоже были искренне убеждены, что они

совершенно правы, заявляя: «Народ – это мы».

Американская буржуазия, являвшаяся гегемоном американской революции, ни на мгновение не сомневалась, что в блоке с плантаторами-рабовладельцами она и является «народом» восставших колоний. Господствующие классы Америки уже на заре существования первого независимого государства Нового Света дали еще один пример классовой интерпретации проблемы народного суверенитета.

Доктрина народовластия родилась в огне революционной борьбы, движущей силой которой были широкие народные массы, но гегемоном революции была буржуазия и плантаторы-рабовладельцы. История буржуазных революций показывает, что после завоевания власти буржуазия и ее союзники используют всю полноту государственной власти для того, чтобы не допустить углубления революции, выполнения требований широких народных масс, осуществление которых возможно только за счет имущих классов. После перехода власти к классу, являющемуся гегемоном революции, происходит резкое классовое размежевание, приводящее нередко к ожесточенной борьбе, перерастающей и в вооруженные выступления трудящихся.

Через все эти этапы прошла и американская революция. Под флагом защиты завоеваний революции, в том числе и идеи народного суверенитета, буржуазия и плантаторы самыми решительными средствами подавляли все попытки трудящихся масс углубить революцию, добиться принятия демократических решений, отвечающих интересам широких народных масс, сыгравших решающую роль в победе революции.

Американская революция дала убедительной пример того, что самые прогрессивные идеи нередко используются в архиреакционных целях. Действительно, доктрина народного суверенитета использовалась плантаторами-рабовладельцами для увековечивания рабства негров. Интерпретируя эту доктрину с точки зрения своих классовых интересов, рабовладельцы добились того, что конституции США 1781 и 1787 годов сохранили в стране рабство. Это дало им возможность утверждать, что рабство в США существует в силу народного волеизъявления и выступление против этого института является нарушением доктрины народного суверенитета.

В канун гражданской войны 1861—1865 годов рабовладельцы, ссылаясь на доктрину народного суверенитета, требовали предоставить право поселенцам-скваттерам из рабовладельческих штатов устанавливать рабовладельческие порядки севернее 36°30' северной широты, по которой проходила разграничительная линия между рабовладельческими и

«свободными» штатами.

Развязав в 1861 году гражданскую войну с целью увековечить рабство и распространить его на всю территорию США, рабовладельцы оправдывали свои действия идеей народного суверенитета в виде «доктрины прав штата». По их мнению, эта доктрина предоставляла штатам право на сецессию – выход из состава США, если федеральное правительство проводит мероприятия, не отвечающие интересам этих штатов. Самая кровопролитная в истории США война, гражданская война 1861—1865 годов, велась рабовладельцами под флагом народного суверенитета.

Народные массы США вкладывали совершенно иное содержание в понятие «народный суверенитет». Когда после разгрома колонизаторов, фермеры и представители других трудящихся классов активизировали борьбу за свои права, они с полным основанием считали, что эта борьба является единственно правильной интерпретацией доктрины народного суверенитета.

Большое прогрессивное значение идеи народного суверенитета, изложенной в Декларации независимости, заключалось, помимо всего прочего, и в том, что независимо от желания буржуазии и ее союзников плантаторов эта идея была важным стимулом для народного движения, для борьбы трудящихся масс за свои права.

Идея народного суверенитета не является какой-то исторической реликвией. Борьба вокруг нее идет в США и в наши дни. Прогрессивные силы страны, борясь за создание единого антимонополистического фронта, широко используют революционные традиции американского народа, в частности борьбу прогрессивных сил страны за воплощение в жизнь подлинных идей народного суверенитета.

Реакционная Америка вкладывает свой смысл в идею народного суверенитета, в частности в идею «прав штатов», как составную часть доктрины народного суверенитета. Расисты южных штатов, ссылаясь на права штатов, самым решительным образом выступают против всех, даже самых умеренных решений федерального правительства, направленных против расовой дискриминации и сегрегации.

Серьезнейшим изъяном доктрины народного суверенитета в том виде, в котором она была сформулирована в Декларации независимости, являлось то, что она не распространялась на негров-рабов, индейцев, женщин, на широкие массы трудящихся.

Декларация независимости провозгласила рождение самого демократического для своего времени государства, и тем не

менее в новом государстве сохранялось рабство негров, буржуазия не рискнула пойти на уничтожение позорного наследия английских колонизаторов.

Для подготовки проекта Декларации независимости была создана комиссия в составе известных деятелей освободительного движения в колониях: Бенджамина Франклина, Томаса Джефферсона, Джона Адамса, Роджерса Шермала и Филиппа Ливингстона. Джефферсон и Франклин были решительными противниками рабства. В первоначальном проекте Декларации, автором которой был Джефферсон, осуждалось рабство и торговля рабами. Однако по настоянию южных рабовладельческих штатов и буржуазии Севера, тесно связанной с плантационной экономикой Юга, параграф, осуждавший рабство, был изъят из текста Декларации независимости. Рабовладельцы предъявили ультиматум: или в США сохранится рабство, или они отказываются сражаться против англичан. Ряд экономических и политических факторов привел к тому, что буржуазия капитулировала, требования рабовладельцев были удовлетворены.

В результате Войны за независимость рабство перестало существовать только в северных штатах, где не было побудительных экономических причин для его сохранения. Буржуазно-плантаторский блок пришел к власти революционным путем, но он не пошел дальше гнилого компромисса в решении негритянского вопроса, бывшего и в то время одной из главных внутренних проблем Америки. Именно в те годы была порождена проблема, которая вот уже скоро двести лет является для США проблемой номер один и постоянно вызывает глубочайшие социальные катаклизмы.

Франклин с поразительной для его возраста энергией включился в кипучую жизнь революционной Америки. «В семьдесят лет, – писал один из его биографов, – люди редко делают революции. Франклин, самый старый член Континентального конгресса, был почти на поколение старше половины его делегатов».

Франклину, умудренному большим жизненным опытом, имевшему пятнадцатилетний стаж дипломатической работы в Англии, давались самые ответственные поручения. Он был не только членом комиссии по подготовке проекта Декларации независимости, но и вошел в состав комитета по поддержанию связей с друзьями восставших колоний в Европе, занимался вербовкой в Европе военных кадров, столь необходимых для молодой республики, вел многочисленную переписку по вопросам оказания военной и финансовой помощи Соединенным

Штатам.

По решению конгресса он был назначен в комитеты по финансам, по снабжению селитрой, необходимой для изготовления пороха, в котором остро нуждалась революционная армия. Франклин был также включен в комитеты по переговорам с индейцами, по примирительным переговорам с Англией. Он вновь занял должность начальника почт всех провинций, с которой был смещен во время обострения отношений между метрополией и американскими колониями. В июле 1775 года Франклин, выполняя поручение конгресса, составил проект конституции США.

Франклина избрали председателем Комитета безопасности Пенсильвании, и он руководил всей работой по организации обороны этой провинции. Осенью 1775 года Франклин прибыл под Бостон в лагерь главнокомандующего Вашингтона для оказания ему практической помощи в создании регулярной армии.

Конгресс поставил Франклина во главе секретного комитета по внешней политике, ведавшего всей внешнеполитической деятельностью восставших колоний. По поручению этого комитета Франклин ездил в Канаду, чтобы склонить ее к участию в войне против Англии, но миссия Франклина успеха не имела.

Франклин проявлял кипучую энергию, выполняя все эти многочисленные обязанности, и было трудно поверить, что этому человеку семьдесят лет. О том, насколько он был занят многочисленными поручениями конгресса и местных властей Пенсильвании, свидетельствует личная переписка Франклина. В одном из писем он писал о своем распорядке дня: «Я никогда еще не был так перегружен. С шести часов утра я уже нахожусь в Комитете безопасности, так как Ассамблея (Пенсильвании. – *Р. И.)* возложила на меня обязанность организовать оборону провинции. Работа Комитета безопасности продолжается приблизительно до девяти часов, после чего я отправляюсь в конгресс, который заседает до шестнадцати часов».

Франклину было тяжело не только физически, но и морально. Умерла его жена Дебора. Франклину пришлось пережить десятилетнюю разлуку с женой и семьей. Он долго ждал встречи с ними, как об этом свидетельствуют его многочисленные письма из Англии, тосковал на чужбине, и вместо встречи с горячо любимым человеком – боль тяжелой утраты.

Еще более тяжелым ударом для Франклина явилось то, что его сын Уильям предал дело отца и перешел в лагерь противников свободы колоний. Уильям стал губернатором Нью-Джерси в 1763 году, в сложный переломный период, когда в

условиях роста освободительного движения произошел резкий раскол американского общества на противников и сторонников английского господства. По мере роста освободительного движения Уильям все более склонялся вправо и после начала Войны за независимость занял прочные позиции в лагере лоялистов, сторонников Англии. Причем он находился на крайне правом фланге лоялистов.

Уильям унаследовал некоторые черты своего отца. Он был энергичен, умен, настойчив в выполнении поставленных задач, хорошо разбирался в военном деле. Все это помогло ему выдвинуться в число наиболее предприимчивых губернаторов; и когда начались военные действия, Уильям превратил Нью-Джерси в оплот лоялистов.

Политические противники Франклина доставили немало неприятностей престарелому лидеру американской революции, спекулируя на лоялистской деятельности его сына. Но Франклина беспокоили не происки врагов. Это было естественно, закономерно, иначе они и не могли поступать. Но он не мог примириться с мыслью, что его сын, плоть от плоти, кровь от крови, предал интересы родины, народа, своего отца. Обида усугублялась тем, что незаконнорожденный ребенок был отверженным в обществе того периода, а Франклину пришлось предпринять поистине героические усилия, использовать весь свой большой авторитет, чтобы обеспечить карьеру сына. «Никогда и ничто, – писал Франклин, – не наносило мне такого тяжелого удара и не вызывало таких глубоких переживаний, как сознание того, что мой единственный сын предал меня на старости лет. Более того – он выступил против меня с оружием в руках…»

Собственно говоря, в личной трагедии Франклина не было ничего необычного. В Америке началась гражданская война, и, как во всякой гражданской войне, являющейся высшей формой классовой борьбы, водораздел проходил не только по линии родственных связей. Важнейший критерий в такой борьбе – классовый.

Уильям Франклин, как важное должностное лицо, губернатор провинции, был на стороне того класса, который обеспечил ему это почетное и прибыльное место. Он верой и правдой служил своим английским хозяевам и считал свое поведение вполне естественным.

Франклин сумел перебороть личное горе и нашел в себе силы выполнять все те многочисленные поручения, которые возложили на него конгресс и власти Пенсильвании. Он служил революции и своим острым пером сатирика.

Англичане и в те времена были большими мастерами загребать жар чужими руками. Опыт Семилетней войны с французами показал, что на огромных просторах Америки новая война неизбежно примет затяжной характер. Так в действительности и случилось. Война продолжалась с 1775 по 1783 год, и некоторые авторы называют ее новой Семилетней войной. Потери в войне были значительными, и для пополнения быстро истощавшихся запасов, «пушечного мяса» англичанам пришлось искать наемников. Они были тем более необходимы, что среди английских солдат тяжелая война в Америке не пользовалась популярностью.

Без особого труда англичане нашли ландскнехтов в немецких княжествах, князья которых торговали жизнью своих подданных и оптом и в розницу. Англичане за ценой не постояли и поставили под ружье 30 тысяч наемников. Немецкие солдаты отличались особой свирепостью по отношению к мирному населению и быстро, вызвали к себе жгучую ненависть американцев. Среди наемников особенно много было гессенцев; слово это стало нарицательным и вызывало особенно болезненную реакцию со стороны населения. Франклин опубликовал памфлет «Продажа гессенцев», который пользовался огромной популярностью и сыграл важную роль в воспитании патриотических чувств американцев.

Во время войны за независимость Франклин пишет многочисленные письма своим друзьям в Англию и в другие европейские страны. Значение этих писем тем более велико, что в них исследовался период становления США, который исключительно важен для правильного понимания всей последующей истории страны.

Англия, начав войну против своих американских колоний, третировала американцев как бунтовщиков, пыталась вызвать в Европе неприязнь к Америке. Мнению английских правящих кругов необходимо было противопоставить мнение того, кого хорошо знали в Европе, уважали и суждение которого было авторитетно. Таким человеком среди лидеров американской революции был только Франклин. В ходе Войны за независимость Европа узнала имена многих героев этой войны, таких, как Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон и другие. Но это произошло позднее, а в начале войны Европа знала только одного выдающегося американца – Франклина и внимательно прислушивалась к его голосу.

Франклин в своих письмах того периода анализировал расстановку классовых сил в Америке, объективно писал о сильных и слабых сторонах освободительного движения в

колониях.

Франклин подчеркивал: «Пока мы обходились без посторонней помощи». Но долго это не могло продолжаться, соотношение сил было далеко не в пользу восставших колоний, и было очевидно, что затяжной войны они не выиграют. Военные действия парализовали внешнюю и в значительной мере внутреннюю торговлю. Традиционные экономические связи с метрополией были полностью порваны, не хватало товаров первой необходимости, оружия, боеприпасов, ремесла дышали на ладан, стремительными темпами обесценивались бумажные деньги. Постепенно англичане наращивали вооруженные силы, и плохо обученные и вооруженные отряды американцев стали все чаще терпеть поражения.

Руководство конгресса пришло к выводу, что без использования противоречий между Англией и ее врагами на международной арене, без опоры на военную помощь тех держав, которые заинтересованы в поражении Англии, войны не выиграть.

Надо было снаряжать дипломатическую миссию в Европу. Двух мнений по вопросу о том, кому ехать, не было, члены конгресса единодушно остановились на кандидатуре Франклина. Не было сомнений и по вопросу, куда направляться дипломатам молодой республики. Главным и самым сильным противником Англии была Франция. Она жаждала реванша за поражение в Семилетней войне 1756—1763 годов, и здесь можно было рассчитывать на реальную помощь.

Вскоре после принятия Декларации независимости конгресс решил отправить дипломатическую миссию во Францию в составе Франклина, Джефферсона и Дина. Джефферсон не дал согласия на эту поездку, и вместо него поехал Артур Ли. Франклин был одним из трех членов миссии, но фактически он был главой этого первого посольства, которое революционная Америка посылала за границу.

Посланцам Америки предстояло решить задачу сложную и деликатную – в монархическую Францию направлялись американские «бунтовщики», которые посягнули на святая святых, на права монарха и правительства распоряжаться судьбой своих подданных. Преодолеть барьер несовместимости, существовавший между революционной республиканской Америкой и монархической Францией, было очень трудно, и американским дипломатам не приходилось рассчитывать на дружеский прием со стороны официальной Франции.

Франция не спешила признавать США, и Франклин прибыл в 1776 году в Париж в качестве неофициального посла. Он даже остановился не в центре столицы, а в одном из пригородов, в

Пасси.

Деятельность Франклина во Франции убедительно доказала, что лучшего выбора конгресс не мог сделать. Даже преклонный возраст стал в данном случае союзником Франклина. Посол США не был заинтересован в том, чтобы стали известны подлинные цели его приезда во Францию, и был пущен слух, что престарелый философ прибыл в Европу, чтобы укрыться здесь от потрясений гражданской войны в Америке и остатки своей жизни посвятить воспитанию внуков. В подтверждение этой версии имелось важное свидетельство: вместе с Франклином приехали и его внуки.

Определенного успеха в плане дезориентации дипломатического корпуса в отношении истинных целей своей миссии Франклин добился. Во всяком случае, русский посол, князь С. И. Барятинский, сообщал 15 декабря 1776 года из Парижа, что «о причинах его сюда приезда… столько разных известий, что знать не можно, на чем подлинно основаться». По мнению одних, Франклин приехал «только для того, чтобы отдать двух своих внучат в здешнее училище». Сам же он поедет в Швейцарию и «везет с собой золото в слитках на 600 тысяч ливров… с намерением купить там себе замок и спокойно кончить свою жизнь». Другие говорят, что он приехал ради союза с Францией, чтобы начать переговоры с Англией о мире.

Успешному выполнению миссии Франклина в Париже в огромной мере способствовал его авторитет выдающегося ученого, известного литератора. Показательна в этом отношении неудача, которая постигла в Петербурге американского дипломатического представителя Френсиса Дейны. Проводя политику «иррегулярной дипломатии», конгресс назначил его послом в России, и Дейна прибыл в Петербург, не дожидаясь согласия правительства России и даже до установления дипломатических отношений между двумя странами. Пробыв в Петербурге около двух лет, Дейна в августе 1783 года вынужден был вернуться в США так и не выполнив своей задачи. Многие причины помешали американскому дипломату выполнить свою миссию в Петербурге, и далеко не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что Дейна был просто малоизвестным человеком.

В России хорошо знали и с большим уважением относились к Бенджамину Франклину. Показательно, что «Московские ведомости», опубликовавшие в 1783 году серию биографий о «славных людях нынешнего столетия», своеобразную «Жизнь замечательных людей» XVIII века, поместили специальное «примечание» о Франклине. Газета писала, что он «в некоторых веках почитаем будет божеством».

Русские ученые, в том числе и М. В. Ломоносов, были хорошо осведомлены о научных открытиях Франклина в области электричества. В России имя Франклина впервые было упомянуто в 1752 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» в связи о изобретением громоотвода. В том же году Ломоносов, также занимавшийся изучением атмосферного электричества, писал: «Внезапно чудный слух по всем странам течет, что от громовых стрел опасности уже нет». Франклин был первым американским ученым, которого избрали иностранным членом Петербургской академий наук. Русская академия 2 ноября 1779 года «полными шарами», то есть единогласно, избрала его своим иностранным членом, что явилось признанием большого вклада Франклина в развитие мировой науки.

Осенью 1779 года возле Чукотки появились неизвестные корабли. Царское правительство было настолько напугано этим нежданным визитом, что русскому послу в Париже поручили войти в контакт с Франклином, чтобы выяснить национальную принадлежность визитеров. Россия не считала нужным дипломатически признавать «американских бунтовщиков», и, очевидно, озабоченность в связи с этим неожиданным визитом была очень велика, если по распоряжению Екатерины II русский посол Барятинский уполномочивался пойти на прямые контакты с Франклином.

Лед тронулся. Царское правительство санкционировало, причем на «высочайшем уровне», установление связей с представителем революционной Америки. Примечательно, что первые официальные русско-американские дипломатические отношения, так же как и первые научные контакты между двумя странами, связаны с именем Бенджамина Франклина. Можно полностью согласиться с мнением советского историка Н. Н. Болховитинова, что «нам особенно приятно обратить внимание, что у истоков первых контактов между Россией и Америкой ярким немеркнущим светом сияют два великих имени – М. В. Ломоносова и Б. Франклина, освещая лучшие традиции прошлого и являясь символом будущего»,

Франклин интересовался работами русских ученых Г. В. Рихмана, М. В. Ломоносова, Ф. Эпинуса. Он достаточно хорошо знал экономику и историю России. Находясь в Англии, Франклин внимательно следил за развитием англо-русской торговли, имевшей важное значение для обеих стран. Происходивший в Англии промышленный переворот вызвал резкое увеличение спроса на железо, которое в большом количество ввозилось в Англию из России. При этом отнюдь не сократился импорт русских традиционных товаров – меха, пеньки, пшеницы и

прочего. Франклин писал, что все товары, ввозившиеся в Англию, добывались в глубине России, перевозились на огромные расстояния, и тем не менее эта торговля была выгодна. Он подробно описывает пути транспортировки пеньки и железа и делает вывод: «Если железо, и пенька выдерживают расходы по перевозке из глубинных областей страны, то тем более их выдержат и другие товары; несомненно, их выдержит шелк, поскольку три пенса с фунта не превышают одного процента стоимости и составляют двадцать фунтов с тонны». Франклин анализирует развитие торговли между Англией и Россией сквозь призму экономических интересов североамериканских колоний Англии.

Франклин был знаком с многими выдающимися русскими людьми XVIII столетия. В Париже он встречался с княгиней Е. Р. Дашковой, блестящим переводчиком и способным литератором, широко образованным человеком и интересной собеседницей. 17 апреля 1783 года по предложению Франклина Дашкова была единогласно избрана членом Американского философского общества. Во врученном ей дипломе было написано: «Стремясь способствовать интересам общества привлечением к нему выдающихся ученых, избрали г-жу княгиню Дашкову, президента императорской Академии наук в С. – Петербурге, членом упомянутого философского общества…» Это была высокая честь для русской женщины: Дашкова была первой женщиной и вторым русским ученым, принятым в Американское философское общество.

Дашкова была инициатором приема Франклина в число иностранных членов Петербургской академии наук. Президент русской академии писала президенту Американского философского общества Франклину. «Вы были приняты в число ее членов (Петербургской академии наук. – *Р. И.)* при единодушных аплодисментах и радости».

Во время миссии Франклина в Париже он встречался с Д. И. Фонвизиным, знаменитым русским писателем XVIII века. В своих письмах из Парижа Фонвизин неоднократно упоминает имя Франклина и освещает вопросы, связанные с дипломатической миссией представителя США во Франции.

Первые произведения Франклина были переведены в России в 1778 году. Особой популярностью у русского читателя пользовался «Альманах „Бедного Ричарда“, который выдержал шесть изданий, и каждый раз в новом переводе. В 1791 году в России была опубликована автобиография Франклина, высоко оцененная Н. М. Карамзиным. Выдающийся русский писатель и историк писал об авторе этих мемуаров, что он „сделался

известен, почтен в двух частях света, смирил гордость британцев, даровал вольность почти всей Америке и великими открытиями обогатил науку!“.

О Франклине восторженно, с глубоким уважением отзывался Пушкин. Великий русский поэт писал о символическом благословении Вольтером внука Франклина: «Вольтер умирает в Париже, благословляя внука Франклина и приветствуя Новый Свет словами, дотоле неслыханными». Речь шла о визите Франклина к Вольтеру в феврале 1778 года. Франклина сопровождал его восемнадцатилетний внук Уильям Темпл Франклин. По просьбе Бенджамина Франклина восьмидесятичетырехлетний знаменитый философ возложил руки на голову Уильяма и благословил его, сказав: «Люби бога и свободу». Встреча состоялась в покоях Вольтера в присутствии двадцати человек, и имеется, по крайней мере, четыре-пять версий благословения Вольтера, но чаще всего повторяются эти слова.

Работая над очерком «Александр Радищев», Пушкин изучил записки статс-секретаря Екатерины II Храповицкого. Имея в виду знаменитую книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», Пушкин писал: «Книга дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Несколько дней сряду читала она эти горькие, возмутительные сатиры. Он мартинист, говорила Храповицкому (см. его записки), он хуже Пугачева: он хвалит Франклина. Слово глубоко замечательное: монархиня, стремившаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии».

Знаменательно, что у Екатерины имя Франклина ассоциировалось с именем самого страшного для нее человека – Пугачева. Русская императрица считала Франклина не менее опасным врагом монархизма, чем Пугачев и Радищев.

Екатерина II писала, что Радищев «хвалит Франклина». Это было справедливое замечание. В своем «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев впервые выдвинул тему «Ломоносов-Франклин»; с тех пор к этому вопросу возвращались многие авторы и в России, и в Америке.

Радищев исключительно высоко расценивал заслуги Ломоносова в развитии русской науки и литературы, но, сравнивая двух выдающихся ученых, он отдавал все же предпочтение Франклину, как борцу за свободу, активному участнику Войны за независимость.

Известное изречение французского политического деятеля и экономиста Тюрго, его надпись к портрету Франклина: «Eripuit

coelo fulmen sceptrumque tyrannis», Радищев перевел следующим образом: «Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей». Точнее было бы сказать – из «руки тиранов», но это не была механическая ошибка. Еще в 1940 году А. Старцев отмечал, что таким переводом Радищев лишний раз подчеркивал свои антимонархические убеждения. Слова «цари» и «тираны» были для него полностью равнозначны по смыслу. Радищев считал, что получить в дар свой портрет с подобной надписью – величайшая честь для любого человека, что это «наилестнейшая» надпись, «которую человек низ изображения своего зреть может».

Что касается самого Франклина, то он был искренне убежден, что Тюрго явно переоценил его вклад в революционную борьбу североамериканских колоний Англии за независимость. Франклин рассматривал революцию как мощное социальное движение широких народных масс, а не как результат деятельности талантливых одиночек. «Мне приписывается слишком многое, – отмечал он, – в первую очередь в отношении тиранов. Революция вершилась многими отважными и талантливыми людьми. Для меня будет большой честью, если за мной признают хотя бы скромное участие в ней».

Франклин поддерживал переписку с почетным членом Петербургской академии наук, русским послом в Гааге князем Д. А. Голицыным, человеком очень интересным, резко выделявшимся на общем сером фоне российского императорского чиновничества. Голицын был выдающийся дипломат, глубокий мыслитель, оставивший заметный след в науке своими работами по теории электричества, политической экономии, философии, минералогии, географии. Его научные заслуги были признаны во многих странах мира, где он был избран почетным членом академий и различных обществ. Этой чести его, в частности, удостоили академии наук Берлина и Стокгольма, Голицьш был знаком и поддерживал дружеские отношения с Вольтером, Дидро, хорошо знал труды физиократов.

Когда Франклин по поручению конгресса прибыл с дипломатической комиссией в Париж, Голицын был послом России в Гааге. Россия не признавала США, посольские полномочия Франклина не были еще признаны правительством Франции, и со стороны Голицына небезопасно было войти в контакт с таким человеком. Это могло вызвать серьезные осложнения в служебном плане. Закостеневший чиновничий аппарат России имел свои законы и традиции, нарушение которых никому не прощалось. Но над всеми другими соображениями взяли верх любовь к науке и искренний интерес к ее прогрессу. В своем письме к Франклину в январе 1777 года

Голицын писал, что именно любовь к науке дала ему право обратиться к выдающемуся американскому ученому, что он был «одним из самых искренних почитателей» Франклина, как известного деятеля науки. Голицын поднимал в своем письме интересные проблемы, связанные с исследованием электричества.

Первые шаги русской дипломатии по установлению дипломатических отношений с заокеанской республикой тесно связаны с именем Голицына. Он, в частности, сыграл заметную роль в провозглашении вооруженного нейтралитета.

28 февраля (10 марта) 1780 года Россия выступила с декларацией о вооруженном нейтралитете, что не только оказало действенную помощь США в войне против Англии, но и явилось важным вкладом в развитие международного права, неотъемлемой частью которого стали основные положения этой декларации.

Декларация провозглашала право судов нейтральных стран посещать порты воюющих держав; на нейтральных судах собственность воюющих держав провозглашалась неприкосновенной, за исключением военной контрабанды; военной контрабандой признавались только оружие, боеприпасы, военное снаряжение; блокируемым портом считался тот, вход в который затруднен военно-морскими силами. Перечисленные принципы служили правилом в определении законности призов.

Антианглийская направленность вооруженного нейтралитета была очевидна. Начавшаяся в Америке война, активизировала английский флот, действия которого нередко мало чем отличались от морского пиратства. Английским военно-морским флотом захватывались суда нейтральных стран, торговля нейтралов с Америкой резко сократилась, а в ряде случаев полностью прекратилась.

Отныне все эти препятствия, чинившиеся международной морской торговле, объявлялись незаконными. Принципы вооруженного нейтралитета не только декларировались, но и гарантировались. Три эскадры русского военно-морского флота отправлялись на важнейшие морские пути, чтобы силой обеспечить выполнение принципов вооруженного нейтралитета. В течение 1780—1783 годов фактически все нейтральные страны Европы признали принцип вооруженного нейтралитета, заключив соответствующие соглашения.

Русская декларация получила высокую оценку Франклина. В июне 1780 года он отмечал в одном из своих писем, что «хотел бы не только уважать суда как приятельский дом, хотя бы и вмещающий товары противника», но и желал бы дополнить международное право рядом положений, касающихся законов

ведения войны. И далее шло перечисление тех профессий, представители которых должны пользоваться покровительством во время войны. Более подробно Франклин изложил эти мысли в работе «Заметки о войне», написанной им в последние годы жизни.

К Франклину с огромным уважением относились в России при его жизни. Имя его свято чтили в нашей стране после его смерти. В дореволюционное время и особенно после Октябрьской революции в нашей стране был опубликован ряд работ о его жизни и деятельности.

Русская прогрессивная общественность торжественно отметила в 1906 году двухсотлетие со дня рождения Франклина. Эта дата совпала с революцией 1905—1907 годов, и чествование Франклина в ряде случаев превратилось в России в демонстрацию против царизма.

В 1956 году по решению Всемирного совета мира вся прогрессивная международная общественность отмечала 250-летие со дня рождения Франклина. Эта дата исключительно широко и торжественно была отмечена в Советском Союзе. В актовом зале МГУ под председательством президента Академии наук СССР академика А. А. Несмеянова состоялось торжественное заседание, посвященное этой дате. Президент Академии наук СССР охарактеризовал Франклина как выдающегося ученого, общественного и политического деятеля. Он информировал собравшихся о том, что по постановлению Президиума Академии наук СССР в нашей стране будут изданы труды Франклина.

Миссия Франклина в Париже была очень тяжелой. Несмотря на противоречия, разделявшие Англию с Францией, Испанией, Россией и другими европейскими державами, все европейские монархи соглашались в одном – неповиновение монарху, законному правительству является тягчайшим преступлением. Восставшие американцы были: в их глазах бунтовщиками, выступившими с оружием в руках против законной власти. И всех их объединяла классовая солидарность, повелевавшая сплотиться перед лицом революции. Взбунтовавшиеся подданные английского короля объявили о создании в далекой Америке независимой республики, основанной на принципах народного суверенитета. Это был очень опасный прецедент, грозивший последствиями, всю серьезность которых тогда еще было трудно представить.

Добиться в таких условиях создания в Европе коалиции в поддержку США казалось задачей практически невыполнимой. Дополнительная трудность была в том, что партнеры Франклина по дипломатической миссии Дин и Ли не только не оказывали

ему помощи, но зачастую своими необдуманными действиями серьезно осложняли выполнение той важной задачи, которая была поставлена конгрессом перед тремя членами комиссии, отправившимися за океан.

Особый интерес для США представляла позиция Франции, старого антагониста Англии, державы, особенно много потерявшей во время Семилетней войны, страны, имевшей необходимый военно-экономический потенциал для борьбы с Англией.

Франклин приступил к выполнению своей миссии, находясь еще в Америке. 2 марта 1778 года он отправил из Филадельфии в Париж письмо, в котором говорилось, что если колонии добьются независимости, то «главная часть их коммерции откроется с Францией». Расчет Франклина был правильным. Потеряв Канаду, Франция была заинтересована в развитии торговли с молодым суверенным государством в Америке.

Канада не приняла участия в войне американских колоний против Англии. После начала военных действий Франклин по поручению конгресса выехал в Канаду с задачей склонить ее к участию в войне. Но, несмотря на все дипломатическое искусство Франклина, Канада осталась непоколебимой в своем решении остаться вне войны.

Канадскую проблему лидеры американской революции пытались решать не только дипломатическими средствами, но и более эффективными военными мерами. Захват огромной и важной в стратегическом отношении территории Канады открывал очень благоприятные перспективы для вооруженной борьбы восставших колоний. Политические и военные лидеры революции сделали основную ставку на антагонистические противоречия между английской и французской частью населения Канады. С помощью канадских французов американцы рассчитывали добиться изгнания англичан из Канады; причем не делалось секрета из того, что самым радикальным решением канадского вопроса они считают присоединение Канады к Соединенным Штатам.

В мае 1775 года отряд фермеров из Вермонта под командованием Натана Оллена вторгся на территорию Канады и занял форты Краун Пойнт, Тайкон и Тайкон-дирог. Важным успехом американцев явился захват в этих фортах пушек, которые были столь необходимы для ведения военных действий на американском фронте.

В ноябре 1775 года крупный отряд американцев под командованием Монтогомери взял Монреаль. Однако все попытки захватить самую сильную в Америке крепость Квебек

окончились безрезультатно. Важными причинами этой неудачи американцев являлось отсутствие у восставших колонистов настоящей регулярной армии, а полупартизанские отряды были не лучшими воинскими подразделениями для штурма первоклассных крепостей. Американский отряд штурмовал Квебек в новогоднюю ночь 1776 года. Завывала страшная пурга, хлопья снега ослепляли солдат, впереди были неприступные бастионы Квебека, за взятие которых надо было заплатить жизнью многих американских солдат. Выбор для штурма трудно было назвать удачным не только потому, что никому не хочется умирать в новогоднюю ночь, но и в силу того, что в этот день заканчивался срок службы многих солдат отряда Монтгомери. Во время попытки взять Квебек, командир американского отряда был убит, что еще более подорвало моральное состояние бойцов.

Неудачный штурм Квебека, как нередко бывает во время военных действий, имел для американцев важные последствия. Опасаясь потерять Канаду, англичане в течение двух лет держали здесь половину войск, отправленных в Америку. Военные действия американцев в Канаде явились существенным вкладом в разгром английской армии на основном театре войны, в восставших североамериканских колониях.

Надежды руководителей конгресса поднять население Канады на борьбу с англичанами не оправдались. Причиной пассивности канадских французов являлось то, что военные успехи американцев на их территории были довольно скромными. Надо также учитывать, что канадцы устали от недавно закончившейся Семилетней войны и мало кого прельщала перспектива ввязаться в новую воину, которая обещала быть не менее длительной и тяжелой. Население Канады не поднялось на вооруженную борьбу с англичанами и потому, что не было особых политических предпосылок для подобного выступления.

Квебекский акт 1774 года в основном удовлетворял население, так как по этому акту границы Квебека значительно расширялись за счет присоединения территорий, лежавших между Огайо и Миссисипи. Многих канадцев также страшила экспансивность американцев и религиозная нетерпимость, широко практиковавшаяся в бывших колониях, вошедших в состав Соединенных Штатов.

После приезда Франклина в Париж неудачи канадской миссии обернулись в некоторой мере плюсом, так как для монархической Франции воевать вместе со своей бывшей колонией против Англии было не очень приятно.

Позиция Канады, конечно, имела второстепенное значение.

Главное заключалось в том, чтобы умело сыграть на англо-французских противоречиях и добиться помощи Франции в вооруженной борьбе против Англии. Позиция правящих кругов Франции была двойственной. Как колониальная держава, Франция была заинтересована в том, чтобы не допустить победы американских колонистов в борьбе с метрополией, так как это могло подать «дурной» пример другим колониям. Классовая солидарность монархов также заставляла французские правящие круги занять антиамериканскую позицию. Но необходимость ослабить своего извечного английского конкурента, стремление к реваншу за поражение в Семилетней войне, экономические интересы – все это доказывало, что в союзе, который предлагал заключить Франклин, было рациональное зерно.

Успешному осуществлению миссии Франклина способствовала предреволюционная атмосфера, складывавшаяся во Франции. Париж приветствовал революцию в Америке, восторгался Декларацией независимости, которая оказала значительное влияние на «Декларацию прав человека и гражданина», провозглашенную вскоре Великой французской революцией.

В Америке, Англии вокруг Франклина всегда группировались лучшие, наиболее прогрессивно настроенные учёные, литераторы, общественные и государственные деятели. То же самое повторилось и во Франции. Великий Вольтер приветствовал его в своих покоях на английском языке, «на языке Франклина», как он заявил. Вскоре два великих ученых встретились в храме науки на заседании Парижской академии наук. Адаме, который отнюдь не всегда был объективен и доброжелателен по отношению к Франклину, оставил в своем дневнике запись, свидетельствующую о том, что присутствующие устроили Франклину и Вольтеру поистине восторженный прием. Во Франции Франклин встречался с героем национально-освободительной борьбы польского народа Тадеушем Костюшко. С письменной рекомендацией Франклина Костюшко поехал к Вашингтону и занял в молодой американской армии высокий пост главного инженера Северной армии. Костюшко проявил героизм и большое воинское искусство во многих сражениях, в том числе и в сражении при Саратоге – решающей битве Войны за независимость.

Одним из наиболее известных волонтеров-иностранцев в армии Вашингтона был французский маркиз Лафайет. Восемнадцатилетний маркиз на свои средства снарядил корабль и стал командиром отряда французских добровольцев, направлявшегося в помощь армии Вашингтона. Уже в первых

сражениях Лафайет прославился исключительной личной храбростью и продемонстрировал талант незаурядного военачальника.

Лафайет отправился в Америку в то время, когда в Версальском дворце все еще решали вопрос принять или отвергнуть предложение Франклина о заключении союза между США и Францией. Отплыв в Америку без санкции короля, Лафайет навлек на себя гнев двора; и когда он, провоевав некоторое время в армии Вашингтона, вернулся во Францию, ему нельзя было показаться в Париже.

По поручению конгресса Франклин послал в Гавр, где остановился Лафайет, золотую саблю и благодарственное письмо. На сабле были выгравированы описания крупнейших сражений, в которых отличился Лафайет. «Прекрасные художники Франции, – писал Франклин Лафайету, – могут выразить все, кроме тех возвышенных чувств, которые нам внушают Ваши достоинства, и кроме того, чем мы Вам обязаны. Это не в силах сделать ни резец, ни слова». Франклин исключительно тепло принял Лафайета, когда тот навестил престарелого американского посла.

Франклин поддерживал постоянные, причем не только деловые, но и дружеские, контакты с передовыми буржуазными деятелями Франции аббатом Сийерсом, философами-материалистами Кабанисом, д'Аламбером, известным востоковедом Вольнеем и многими другими.

В бумагах Франклина сохранились письма Жан Поля Марата, будущего героя французской революции, талантливого ученого, выдающегося борца за интересы народа. Некоторое время Марат жил в Англии; он был хорошо знаком с политической системой этой страны, которую, так же как и абсолютную монархию, подверг уничтожающей критике в своем памфлете «Цепи рабства», получившем огромную известность. В письмах к Франклину Марат просил его высказать свое мнение о его памфлете, так как Франклин, писал автор памфлета, человек огромного авторитета и пользуется большим влиянием в обществе.

Когда Максимилиан Робеспьер, в то время мало кому известный адвокат, вел в Сент-Омере процесс о правомерности применения громоотводов, он прислал Франклину копию своего обращения, сделанного в ходе процесса, в котором доказывалась необходимость применения громоотводов. Обращаясь к Франклину, Робеспьер называл его самым славным ученым мира.

Франклин всегда проявлял огромный интерес ко всему новому в науке и технике. В частности, к идее воздухоплавания, следил за первыми практическими шагами, предпринятыми в

этом направлении. Когда тяжело больной Франклин возвращался из Франции в Америку, он был в таком состоянии, что любое неосторожное движение причиняло ему страшную боль. Однако он собирался совершить перелет из Парижа к морю на воздушном шаре.

В 1783 году один из братьев Монгольфье, готовясь к своему первому полету на воздушном шаре, добивался, чтобы его пассажиром был не кто иной, как Бенджамин Франклин. Когда Франклина спросили, каково в будущем практическое назначение воздухоплавания, он ответил: «А каково назначение новорожденного младенца?»

Франклин поддерживал в Париже тесные связи с Бомарше, известным драматургом, пользовавшимся огромной популярностью. Автор «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», человек очень влиятельный, он был горячим энтузиастом американской революции.

Бомарше развернул кипучую деятельность по оказанию помощи заокеанской республике. Он создал фиктивный торговый дом «Горталес и К°», через который в США направлялись тайные займы и огромное количество оружия и военного снаряжения. Ни для кого не было секретом прямое отношение Бомарше к операциям этого торгового дома, так как всем было известно, что испанское имя Горацио Горталес было псевдонимом Бомарше.

О парижском периоде жизни Франклина написаны солидные монографические исследования, в которых шаг за шагом прослеживается его дипломатическая деятельность в столице Франции, но в значительно меньшей мере освещаются связи Франклина с передовыми людьми Франции. А эти связи были поистине огромны. Пригород Парижа Пасси, где проживал Франклин, стал настоящим местом паломничества. Частыми гостями в резиденции американского посла были известный французский писатель-моралист герцог Ларошфуко, знаменитый химик Лавуазье, основоположник исторической живописи Деларош, один из редакторов знаменитой «Энциклопедии» д'Аламбер, математик и философ.

Авторитет Франклина как ученого с мировым именем, известного литератора, блестящего собеседника, выдающегося дипломата играл исключительно важную роль в выполнении той миссии, которую возложил на него конгресс. В истории мировой дипломатии найдется немного аналогичных примеров, когда личный авторитет дипломатического представителя помогал преодолеть, казалось бы, непреодолимые препятствия и выполнить почти невыполнимое.

И в наши дни во Франции помнят о парижском периоде

жизни Франклина, это находит свое отражение не только в работах историков, но и в художественных произведениях, в мемуарной литературе. А в XVIII веке Франклин был популярен во Франции почти, как Вольтер.

Очевидно, все же одна из главных причин этой огромной популярности Франклина заключалась в его личных качествах.

Даже своим внешним видом он отличался от расфранченных дипломатов и представителей высшего общества. Он носил простой квакерский костюм, не любил парик, непременную принадлежность туалета XVIII века, не пользовался пудрой, постоянно носил очки и всюду появлялся в скромном меховом головном уборе, прикрывавшем редкие волосы.

Весь внешний облик Франклина ассоциировался с его знаменитым литературным героем. Как и «Бедный Ричард», он был мудр, скромен, прост, доступен, привлекателен. И где бы ни появлялся Франклин, вокруг него сразу же собирался народ, даже незнакомые люди обращались к нему, как к старому доброму знакомому, все его приветствовали; каждый хотел перекинуться с ним хотя бы парой слов.

Имело это и свои отрицательные стороны. Франклин писал дочери, что его портреты самых различных размеров столь многочисленны в Париже, что «сделали лицо твоего отца известным не менее, чем луна». В силу этого, писал Франклин, ему нередко «приходится спасаться бегством, так как его физиономия предает его всюду, где он отваживается показать ее».

Все источники свидетельствуют об огромной популярности Франклина в Париже. Русский посол сообщал 15 декабря 1776 года: «Франклин приехал вчера в Париж. Публика столько им занята, что ни о чем ином более теперь не говорят…»

Джон Адамс отмечал популярность Франклина в самых широких кругах французского общества: «Его слава затмила славу Лейбница, Ньютона, Фридриха и Вольтера. Не найдется ни одного ремесленника, кучера, прачки, ни одного горожанина или жителя села, кто не знал бы его имени. Его считают другом всего человечества и ожидают, что он возвратит нам „золотой век“.

Джефферсон, сменивший Франклина на посту американского посла в Париже, писал в своем дневнике: «Когда во Францию для выполнения своей революционной миссии прибыл Франклин, его известность как философа снискала ему поразительную популярность. Представители всех кругов и сословий проявляли свое сочувствие Америке. Франклина всюду приветствовали и с большим желанием приглашали к себе». Джефферсон рассказывал далее о случае, имевшем место во время игры Франклина в шахматы с престарелой герцогиней Бурбонской.

Когда представилась возможность захватить короля, Франклин незамедлительно ею воспользовался. «Королей не снимают!» – воскликнула герцогиня. «В Америке снимают». – ответил Франклин.

Об аналогичном факте рассказывал и Лафайет. Франклин любил заходить в кафе поиграть в шахматы, и сразу же собиралась толпа поглядеть на знаменитого американца. Однажды в середине партии королю Франклина был сделан мат, Франклин снял короля, положил его в карман и невозмутимо продолжал игру. На недоуменный вопрос партнера он ответил: «Сэр, продолжайте игру, и мы скоро увидим, что партия без короля выиграет игру».

Подобные факты быстро становились достоянием гласности и являлись своеобразной пропагандой дела американской революции.

Многочисленные встречи и беседы с учеными, литераторами, деятелями искусства и просто с интересными людьми не отвлекали Франклина от выполнения главной задачи, ради которой он приехал во Францию. Он вел необходимые переговоры, отвечал на огромное количество писем. Причем характерно, что, будучи убежденным противником бюрократизма, Франклин решал все вопросы быстро, по-деловому, ограничиваясь помощью только одного секретаря.

Франклин демонстрировал поразительную для своего возраста работоспособность и организованность, отменное здоровье. Даже в восьмидесятилетнем возрасте он давал своему внуку уроки плавания и переплывал Сену в районе Пасси.

Для душевного удовлетворения Франклина было очень важно то, что при нем находились два его внука. Он всегда любил детей, привязанность к детям с годами не только не ослабла, но еще более укрепилась. Однажды в Париже во время прогулки, вспомнив своего сына, умершего в детском возрасте сорок с лишним лет назад, он со слезами на глазах сказал, что не может забыть этой утраты и глубоко верит в то, что умерший сын был бы лучшим из его детей. Отношение Франклина к детям хорошо отразилось в следующих его словах: «К детям надо относиться как к чужестранцам, которые прибыли из неизвестной страны и которых надо вежливо обучать нашим обычаям».

Франклин любил Францию, Париж. Рассказывают, что, когда он уезжал в США, выполнив свою дипломатическую миссию, его спросили, почему он покидает страну, где так долго прожил, к климату которой привык. Франклин ответил: «Если бы у меня не было родной страны, Париж был бы городом, где я хотел окончить мои дни».

Блестящий дипломат, Франклин был бессилен склонить Людовика XVI на союз с Соединенными Штатами, пока военная фортуна была не на стороне американцев. Военное счастье переменчиво, но при прочих равных условиях оно более благосклонно к тем, кто борется за правое дело. Американцы сражались за свою свободу, подавляющее большинство населения бывших колоний с огромным энтузиазмом поддерживало дело революции. И по мере накопления военного опыта молодой американской армией, по мере возрастания военной и финансовой помощи, которая приходила главным образом из Франции благодаря усилиям Франклина, положение на театре военных действий менялось в пользу американцев.

Франклин писал, что свою основную задачу во Франции он видит в том, чтобы «добиться получения помощи от европейских держав». Это была программа-минимум. Конечные цели миссии Франклина заключались в том, чтобы добиться дипломатического признания Соединенных Штатов, заключения союзного договора и договора о торговле и, наконец, вступления Франции в войну против Англии.

Главным объектом дипломатической активности американской миссии была Франция, так как в случае заключения франко-американского военного союза к нему должны были примкнуть и другие европейские державы, имевшие большие неоплаченные счета к Великобритании.

Франклин всемерно пропагандировал мысль о том, что оказание военной и финансовой помощи США соответствует интересам европейских держав. 26 апреля 1777 года он писал, что если Соединенным Штатам Америки будет оказана помощь в их борьбе против Англии, «то следствием этого будет открытие большой и быстро растущей торговли Америки для всех держав. Эта торговля не будет, как в прошлые времена, только монополией Великобритании». Здесь же Франклин предупреждал, что возрождение английской монополии на торговлю с Америкой серьезно ударит по интересам европейских держав. Он подчеркивал, что «если этой монополии будет позволено возродиться», мощь Англии настолько возрастет, что это «превратит ее в страшную силу, подобной которой никогда не видел мир».

Аргументы Франклина казались неопровержимыми, но тем не менее, тайно оказывая значительную военную и финансовую помощь США, Франция не торопилась признавать Соединенные Штаты и тем более вступать в войну против Великобритании на стороне восставших колоний. Позиция Франции была легко объяснима. Восставшим колонистам противостояла огромная

военная и экономическая сила самой мощной державы мира. При самом оптимистическом взгляде на будущее молодой заокеанской республики руководители внешней политики Франции не определяли даже контуров ее возможной победы в вооруженной борьбе с Англией. Стоило ли ввязываться в дело, которое казалось совсем бесперспективным?

Положение на фронтах войны в Америке как будто бы полностью подтверждало эти мрачные для американцев прогнозы. Плохо обученные и слабо вооруженные войска Вашингтона не стяжали особых лавров на полях сражений. Более того, в августе 1776 года американская армия потерпела серьезное поражение на Лонг-Айленде. На протяжении 1777 года последовала серия других военных неудач, и одной из самых серьезных было падение столицы США Филадельфии, захваченной в сентябре английскими войсками.

Правящие круги Франции настораживало и то обстоятельство, что, помимо неудач на фронтах военных действий, американцы сталкивались с серьезными трудностями политического порядка. В колониях были сильны группировки лоялистов, стоявших на позициях лояльности по отношению к англичанам. Они оказывали всестороннюю поддержку, вплоть до вооруженной, английским войскам, сражавшимся с восставшими колонистами.

Не было единства и в лагере противников англичан. Антианглийская коалиция не была единой по своему классовому составу. В ней были объединены фермеры и ремесленники, рабочие и буржуазия, плантаторы-рабовладельцы и негры-рабы, свободные негры и представители интеллигенции восставших колоний.

Противоречия, разделявшие участников войны, нашли свое отражение в борьбе, которая развернулась в связи с принятием конституции США, автором проекта которой был Бенджамин Франклин. В течение 1775—1778 годов во всех штатах были приняты конституции, провозглашавшие республиканскую форму правления. Общим для всех этих конституций являлось признание идеи народного суверенитета. Конституции констатировали, что народ является источником власти, и тем не менее во всех штатах вводился имущественный избирательный ценз. Франклин также считал, что право голоса должно предоставляться только имущим гражданам США.

Одной из наиболее демократических была конституция Пенсильвании. Правом голоса здесь пользовались все налогоплательщики. Однако в ней была расплывчатая формулировка, гласившая, что избирателями могут быть лица

«наиболее известные мудростью и добродетелью».

Разумеется, критерий «мудрости и добродетели» не приводился, и избирательные права граждан Пенсильвании ложно было трактовать по усмотрению власть имущих кругов Штата.

В 1777 году конгресс выработал первую конституцию страны, которая называлась «Статьи конфедерации». Утвержденная штатами, она вступила в силу в 1781 году. Конституция 1777 года отражала тот революционный подъем, которым сопровождалась Война за независимость. В частности, под влиянием революционных народных масс была установлена одна палата. Конституция не предусматривала введения поста президента, но эти функции в определенной мере выполнял главнокомандующий армией, имевший в то время большую власть.

Провозглашая самую демократичную для своего времени формулу государственного управления и права граждан, конституция в то же время сохраняла рабство негров, не предусматривала введение никаких мер для охраны индейцев, подвергавшихся физическому уничтожению и жесточайшей эксплуатации, вводила большой имущественный ценз, освящала жесточайшую эксплуатацию лиц наемного труда.

Как и во всякой буржуазной революции, во время Войны за независимость четко прослеживалось классовое расслоение. Буржуазия в союзе с плантаторами-рабовладельцами создавала законы, которые отражали их мировоззрение и защищали интересы имущих классов. Это вызывало резкие протесты со стороны трудовой части населения США. Газета «Нью-Йорк пакт» 14 апреля 1785 года писала, что «буквоеды-адвокаты, богатые торговцы и благородные землевладельцы всегда имеют своих защитников… в палате». Автор этой публикации ставил вопрос, почему интересы «достопочтенных мастеровых и извозчиков» не могут представлять люда из их среды, которые защищали бы требования трудящихся масс. В корреспонденции говорилось, что «богатые, влиятельные, могущественные непрерывно сплачивают свои силы, чтобы обездоливать слабых, бедных, беспомощных».

«Статьи конфедерации» провозглашали создание слабо централизованного государства-конфедерации, составные части которой в лице штатов сохраняли обширные права и во многом были самостоятельными государствами. Каждый штат получал право вводить ввозные пошлины и иметь свои вооруженные силы, в том числе военно-морские. Конгресс был лишен права заключать договоры о внешней торговле и устанавливать таможенные тарифы. Казна государства составлялась из добровольных взносов штатов, каждый из которых имел право

печатать свои бумажные денежные знаки. Штаты – правда, с согласия конгресса – имели право даже объявлять войну. На практике это означало возможность безудержной вооруженной экспансии любого штата против индейских племен.

Исполнительную власть президента конгресс мог осуществить только через власти штатов. Конгресс по отношению к отдельным штатам был не больше как консультативный орган. Он выносил рекомендации, которые штаты были вольны принять или отклонить.

Столь слабая власть, не пользовавшаяся авторитетом внутри страны, не внушала доверия и за границей, тем более в условиях войны, исход которой трудно было предвидеть. Показательно, что когда конгресс обратился к Франции с просьбой представить заем, то деньги были предоставлены, но не конгрессу, а персонально главнокомандующему американской армии генералу Вашингтону.

Новая конституция, принятая в 1787 году в обстановке реакции, начавшейся после подавления народного восстания Шейса, превратила американскую конфедерацию в федерацию – союз штатов с сильной государственной властью. Была введена вторая палата, учреждался пост президента страны, который получал столь большие полномочия, что им могли позавидовать многие монархи. Новая конституция отражала поворот вправо, который начался в США после победы в войне с Англией.

Все это было позднее, а в период, когда Франклин осуществлял свою дипломатическую миссию во Франции, слабо централизованное американское государство не внушало доверия французскому правительству, сомнения которого еще более усиливались в результате неустойчивого положения на американском театре военных действий.

Министр иностранных дел Франции Вержен, несмотря на всю свою вражду к Англии, предпочел в такой ситуации занять выжидательную позицию и пока ограничиться оказанием США тайной помощи, внешне соблюдая нейтралитет в американо-английском военном конфликте.

Была еще одна важная причина, удерживавшая Францию от открытого союза с США, – неприязнь французского двора к «американским бунтовщикам», посягнувшим на священные права своего монарха. Франклин прекрасно понимал, что ему будет очень нелегко преодолеть эту классовую антипатию абсолютистской Франции к революционной Америке. В сентябре 1777 года в беседе с французским дворянином, близким к Вержену, Франклин, возбужденный выпитым вином, иронизировал над нежеланием Франции пойти на заключение

союза с США. «Что можно здесь делать, кроме как пить, – говорил он своему собеседнику. – …Зачем самообольщаться и надеяться, что монархия поможет республиканцам, восставшим против своего монарха? Как могут ваши министры поверить в то, что они не могут понять?»

Важнейшим фактором, обеспечившим успешное выполнение миссии Франклина во Франции, явились победы, одержанные революционной армией над английскими войсками в Америке. Известие о тяжелом поражении англичан в битве под Саратогой достигло Парижа 4 декабря 1777 года. Положение изменилось теперь коренным образом. «Сейчас или никогда», – заявил Вержен, узнав о результатах этого сражения. Страх перед тем, что Америка решит свои проблемы без союза с Францией, усиливался тем, что Франклин начал переговоры с представителями английского правительства. Король и кабинет стали склоняться к выводу, что надо пойти на заключение союзного и торгового договора с США, несмотря на то, что Испания все еще уклонялась от столь радикального подхода к американским делам.

В новой дипломатической ситуации, созданной победами американского оружия, Франклин предпринял энергичные меры, направленные на то, чтобы преодолеть последние колебания французского двора и добиться соглашения с Францией.

Правительство Франции пошло навстречу предложениям американского посла, и в феврале 1778 года Франклин выполнил свою главную дипломатическую задачу – он заключил франко-американский союз и подписал торговый договор с Францией. Это была победа. Франклин исключительно высоко оценивал значение этого союзного договора с Францией. В найденном А. В. Ефимовым подлинном письме Франклина от 2 марта 1778 года говорилось: «Мы заключили наш договор о союзе с Францией и договор о торговле. Они весьма выгодны для Соединенных Штатов. Пересылаю эти договоры с этой почтой. Вся Европа за нас, а Англия в оцепенении». Заключение франко-американского договора о союзе явилось важным фактором, способствовавшим укреплению авторитета Франклина в революционных кругах Франции. «Однако и до заключения этого договора, – писал биограф Франклина, – он повсеместно расценивался во Франции, как символ американской свободы и независимости».

Никто лучше Франклина не сознавал, сколь важное значение имел франко-американский союзный договор для успешной борьбы Соединенных Штатов Америки против Англии, для будущего развития первого независимого государства на Американском континенте. Хотя и принято считать, что дипломат должен скрывать свои мысли, чувства, эмоции, Франклин в день

подписания этого договора откровенно заявил одному из своих многочисленных французских друзей: «Мог ли я рассчитывать на то, что в моем возрасте испытаю такое счастье?»

Франко-американские союзный и торговый договоры были подписаны 6 февраля 1778 года, а 14 сентября того же года Франклин стал полномочным представителем Соединенных Штатов во Франции после того, как конгресс принял постановление о роспуске объединенной комиссии, членами которой, помимо Франклина, были Ли и Дин. Для Франклина роспуск комиссии был большим облегчением, так как Ли, не продемонстрировав каких-либо дипломатических дарований, преуспел только на поприще склок и интриг, направленных против своего старшего коллеги по объединенной комиссии.

Ли относился к той категории дипломатов, которые рассматривали свою деятельность как беспрерывные интриги против дипломатического противника и по инерции переносили эти интриги и склоки в свои внутренние ряды.

Включение Ли в состав объединенной комиссии было не самым мудрым решением конгресса. Было известно, что между ним и Франклином еще с шестидесятых годов установились очень натянутые отношения. Во время своего пребывания в Англии в 1764—1775 годах наряду с возложенными на него дипломатическими функциями Франклин представлял в Лондоне интересы земельной компании Иллинойса и Индианы. Артур Ли в эти же годы был представителем в Лондоне земельной компании Миссисипи, конкурировавшей, и не очень успешно, с перечисленными компаниями.

Крайне подозрительный, желчный и болезненно честолюбивый, Ли встречал в штыки почти любое предложение Франклина и немало попортил ему крови за годы совместной работы в Париже.

Сайласу Дину не были присущи столь отрицательные личные качества, но он был в большей мере коммерсант, чем политик, и обладал интеллектом значительно ниже среднего уровня.

Отстранение Ли и Дина от дипломатической работы в Париже было тем более своевременным, что Франклину вскоре предстояло заняться выполнением еще одного важного дипломатического поручения – подписанием мирного договора с Англией.

Дипломатическая деятельность Франклина, несмотря на ее большие положительные результаты, вызывала резкие нападки со стороны молодого, но уже изощренного в интригах чиновничьего аппарата внешнеполитического ведомства США. Противников Франклина задевало все, даже его успехи в научной области.

Один из его критиков писал осенью 1779 года: «Познания доктора Франклина в электричестве не являются доказательством того, что он имеет равноценные познания в отношении политики европейских дворов. Точно так же притяжение им молнии с помощью бечевки не означает, что он приведет нас к раскрытию тайн британского двора».

Джеральд Стаурц, автор фундаментальной монографии «Бенджамин Франклин и американская внешняя политика», отмечает, что одной из важных причин, вызывавшей «резкие столкновения между американскими дипломатами в Париже и враждебное отношение к Франклину в Америке, был его исключительно высокий престиж во Франции как в правительственных кругах, так и среди общественности. Эта невиданная популярность оставляла в тени роль таких людей, как Артур Ли и Джон Адамс, чей ревнивый и подозрительный характер не мог смириться с тем, что их третировали таким образом».

Наиболее серьезным оппонентом Франклина в вопросах внешней политики был Джон Адамс. Это был деятель несравненно большего масштаба, чем коллеги Франклина по объединенной комиссии. Достаточно указать на то, что Адамс вместе с Франклином был в числе тех пяти членов комиссии, которым конгресс поручил составить текст Декларации независимости.

Адамс имел и определенный опыт дипломатической работы – был послом США в Нидерландах и сумел добиться того, что в отличие от других американских послов, направленных без поручения агремана в Берлин, Вену, Мадрид и Петербург, был признан правительством Нидерландов. Однако это произошло в связи с тем, что Нидерланды объявили войну Англии. Позднее, в 1796 году, Джон Адамс стал президентом США, с 1809 года он был первым посланником США в России. Это был человек не без дарований, но в ряде вопросов придерживавшийся реакционных взглядов, что нашло свое отражение в его практической деятельности на посту президента США.

Франклин был прав – франко-американский договор означал крутой поворот в политике европейских держав и во всем ходе войны. Франклин добился от французского правительства оказания большой финансовой и военной помощи США. Мощная французская армада, насчитывавшая двадцать шесть линейных кораблей с войсками на борту, взяла курс к берегам Америки. И скоро французские регулярные войска появились на фронтах Америки. Жемчужина английской короны Индия стала театром военных действий, что представляло серьезную угрозу

важнейшим колониальным позициям Англии. Французский флот, объединившись с американскими каперами, число которых к концу войны достигало четырехсот, начал активные операции на растянутых морских коммуникациях Англии.

Вступление в войну Франции вызвало цепную реакцию в Европе. В 1779 году войну Англии объявила Испания, почти одновременно с ней выступила Голландия. Обе эти страны спешили свести свои счеты с Англией и опасались, что они могут опоздать к столу мирных переговоров, в ходе которых открывалась перспектива основательно урезать колониальные аппетиты Великобритания и укрепить колониальные позиции стран-победительниц. В 1780 году инициатива России завершилась созданием Лиги вооруженного нейтралитета, что нанесло тяжелый удар по морским позициям Англии.

Таким образом, против Англии сложился мощный блок европейских держав, который делал совершенно бесперспективной надежду на восстановление английских колониальных позиций в Америке.

Возникновение этой антианглийской коалиции явилось блестящим примером успешного использования противоречий между державами для создания средствами дипломатии благоприятных условий для военной победы.

Высоко оценивал этот успех молодой американской дипломатии В. И. Ленин. В 1918 году в «Письме к американским рабочим» он писал: «В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также „соглашения“ с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах массы угнетенных».

Последняя услуга родине

Создание антианглийской коалиции европейских держав явилось важным фактором, способствовавшим коренному повороту в ходе военных действий в Америке. Революционная армия, поддержанная силами союзных держав, одерживала победу за победой, и вскоре стало очевидно, что поражение Англии – это только вопрос времени, и не столь отдаленного.

В 1781 году Франклину исполнилось семьдесят пять лет. Он был искренен, когда говорил, что никогда в жизни не добивался никаких должностей, но и не отказывался ни от каких поручений, возлагавшихся на него. Но годы брали свое, все чаще повторялись тяжелые приступы подагры, нередко приковывавшие его к постели. Двадцать лет, значительную часть своей сознательной жизни, Франклин провел за границей. Его окружали многочисленные друзья, интересные и содержательные люди, но все чаще Франклина охватывала тоска по родине. Жизнь была прожита, и хотелось вернуться в родные края, чтобы провести последние дни с родными и близкими. Франклин был слишком деятельной натурой, чтобы решать вопрос о возвращении на родину, руководствуясь только соображениями личного порядка.

Его тянуло на родину и потому, что в Америке, охваченной бурными революционными событиями, решались важнейшие вопросы становления нового молодого государства. Хотелось быть в гуще событий, самому ощутить напряженный ритм жизни страны, сбросившей оковы колониализма и делавшей первые шаги по пути независимого развития.

Франклин принял решение возвратиться в Америку. 13 марта 1781 года он писал, обращаясь к конгрессу, что его здоровье серьезно пошатнулось и это заставляет его поставить вопрос о возвращении на родину. Даже в этом, по существу официальном служебном обращении, ему не изменило чувство юмора: «Мои умственные способности, кажется, не ослабели – очевидно, я узнаю об этом последний, – но я чувствую, что слабею физически, мне не хватает энергии, столь необходимой для выполнения обязанностей посла при французском дворе. Я опасаюсь, что наши интересы могут пострадать из-за этого».

Франклин всегда был большим реалистом, и, реально оценивая свои силы и возможности, он понимал, что настало время отказаться от занимаемого поста.

Обратившись к конгрессу с просьбой об отставке, Франклин под конец жизни еще раз на собственном примере показал, как следует относиться к тем поручениям, которые возлагаются на

государственных деятелей правительственными инстанциями. Франклин отмечал в конце письма, что состояние здоровья не позволяет ему совершить путешествие через океан, что, помимо этого, продолжающиеся военные действия делают такое путешествие очень рискованным, и поэтому он просит разрешения отложить свое возвращение в Америку до подписания мирного договора. «Если мои знания и опыт понадобятся тому, кто заменит меня, я с большим удовольствием окажу ему помощь советом и используя влияние, которым я в определенной мере обладаю».

Подобная помощь была исключительно ценна для любого его преемника, так как авторитет Франклина во Франции действительно был огромен. Французский консул в Нью-Йорке Люис Отто писал 12 декабря 1790 года, что «память о докторе Франклине более свято чтут во Франции, чем в Америке. Люди в Америке не очень расположены к энтузиазму – они сдержанно и восхваляют и порицают. Генерал Вашингтон единственный, кто обладает талантом трогать сердца своих соотечественников». Приведя это высказывание, Альфред Олдридж, автор капитальной работы о французском периоде жизни Франклина, делал даже вывод: «На основании событий конца XVIII века очевидно, что Франция, а не Соединенные Штаты была, страной Франклина».

Очевидно, эта оценка страдает преувеличением. Франклина не забыли в Америке. Его свято чтили самые широкие слои американской общественности, а лидеры страны и конгресса видели в нем единственного человека, способного успешно выполнить такую важную задачу, как заключение мирного договора с Англией.

Кандидатуру Франклина считали самой подходящей для этой миссии не только в силу его большого дипломатического опыта. В ходе войны стала очевидной бесперспективность американской политики Англии и необходимость ее коренного пересмотра. Когда меняется политика, меняются и руководители правительства. К власти в Англии пришло новое правительство, выступившее за заключение мира с Соединенными Штатами. Для заключения мирного договора английское правительство направило в Париж Дэвида Хартли, которого Франклин не только хорошо знал, но и поддерживал с ним дружеские отношения.

Даже в годы войны Франклин не прерывал связей с рядом своих друзей в Англии, он регулярно переписывался с ними, обменивался мнениями о происходящих событиях. Франклин считал, что политические конфликты и даже войны не должны прерывать научных связей, так как развитие науки служит интересам всего человечества. Широко известен, например, такой

факт. Франклин активно выступил за то, чтобы американские военно-морские силы не мешали, а всемерно помогали знаменитому английскому мореплавателю Куку, который находился в своей третьей экспедиции и мог стать жертвой американских каперов. Однако, поддерживая связи с английскими деятелями, выступившими в поддержку Америки или стоявшими на нейтральных позициях, Франклин решительно рвал отношения с политическими противниками. Он написал гневное письмо члену английского парламента Стрехэну, в котором бичевал его за выступление против дела американской свободы.

Эта позиция Франклина позволила ему сохранить дружественные связи с проамериканскими кругами в Англии, что должно было сыграть важную роль в ходе предстоящих мирных переговоров. И конгресс обратился к Франклину с просьбой оказать последнюю услугу родине – помочь заключить мирный договор.

По решению конгресса для ведения мирных переговоров с Англией была создана комиссия, в состав которой вошли Франклин, Джон Джей, и позднее к ним присоединился Джон Адаме. В инструкции конгресса членам американской делегации на мирных переговорах предписывалось исходить из того, что США и Францию связывает союзный договор 1778 года. Это означало, что переговоры с Англией должны вестись с ведома и согласия Франции. Однако сразу же после начала переговоров стало очевидным, что Франция в отличие от США не заинтересована форсировать мирные переговоры. Позиция правящих кругов Франции не оставляла сомнений на тот счет, что, преследуя свои захватнические цели в Америке, Франция готова полностью игнорировать интересы США.

Повторялась история, столь обычная для многих военных союзов: выиграв войну, союзники расходились по своим национальным квартирам; противоречия, замороженные на время совместных военных действий против общего противника вспыхивали с новой силой.

Обстановка, сложившаяся в ходе мирных переговоров, требовала экстренных и решительных мер. Американская делегация рискнула в этих условиях пойти на прямое нарушение инструкций конгресса и вступила в непосредственный контакт с английской стороной. Втайне от французского министра иностранных дел Вержена и нередко игнорируя мнение Франклина, были выработаны в 1782 году предварительные условия мирного договора. 3 сентября 1783 года в Версале был подписан окончательный текст мирного договора. Англия

признала независимость своих бывших колоний в Америке, сохранив за собой права только на Канаду, Нью-Фаундленд и Вест-Индию.

В ходе мирных переговоров нередко складывались довольно напряженные отношения между Франклином и Адамсом. Последний считал, что Франклин относится слишком доверчиво к французской дипломатии. Подозрительность Адамса была чрезмерной, сколь-либо серьезных оснований для подобных опасений не было.

По мнению ряда специалистов, занимавшихся изучением деятельности Франклина на внешнеполитическом поприще, противоречия между ним и Адамсом касались не принципиальных, а только тактических вопросов. Правда, иногда эти тактические вопросы были тесно связаны с решением важнейших проблем, стоявших перед американской внешней политикой.

Франклин, например, был противником «иррегулярной», или, как ее иногда называли, «милецейской» дипломатии. Когда Дейна возвращался из Петербурга после полного провала своей дипломатической миссии, он остановился в апреле 1781 года в Париже и встретился с Франклином. В беседе с Дейном Франклин подробно аргументировал несостоятельность посылки полномочных представителей США в европейские столицы без получения согласия со стороны правительств этих стран. Франклин считал, что подобная практика подрывает престиж США на международной арене. Франклин не без оснований подчеркивал, что это создавало нежелательные прецеденты и мешало установлению дипломатических отношений США с другими державами.

Франклин оказался прав – тактика кавалерийского набега не прижилась в дипломатии. Она не дала положительных результатов ни американцам, ни дипломатии революционной Франции, которая также пыталась применить ее по отношению к США.

Правильность мнения Франклина о нецелесообразности направлять послов в другие государства без согласия последних на это была очевидна, и тем не менее Адамс выступал с резким осуждением его позиции. По мнению Адамса, не подтвержденному никакими аргументами, и в данном случае Франклин продемонстрировал свое слишком доброжелательное отношение к Франции.

Самой приятной для Франклина частью его дипломатической миссии во Франции были мирные переговоры. Для него, как для гуманиста, не было поручения более почетного, более важного.

Покидая Францию после заключения мирного договора, он писал своему другу и партнеру по мирным переговорам Дэвиду Хартли: «Мы оба делали самое лучшее дело – обеспечивали мир».

Этой фразой Франклин подводил итог своей деятельности в ходе мирных переговоров, которые завершились 3 сентября 1782 года подписанием англо-американского мирного договора и признанием Англией Соединенных Штатов Америки.

Франклин внес значительный вклад в укрепление внешнеполитических позиций молодой заокеанской республики. Но после завершения Войны за независимость перед США возникли серьезные внутренние проблемы. В частности, необходимо было преодолеть те противоречия, которые раздирали довольно аморфную группировку сил, сражавшихся за уничтожение английского колониального господства. После войны возникли серьезные проблемы, связанные с государственным устройством страны, с вопросом о правах штатов. В США были довольно сильны сепаратистские тенденции, многие даже активные участники Войны за независимость считали, что не было необходимости создавать прочные федеральные органы власти.

Результатами войны были разочарованы фермеры, трудящиеся массы городов, негры, которые не получили от революции ни материальных благ, ни признания их гражданских и политических прав. Обострившаяся после войны внутренняя борьба создавала довольно реальную угрозу распада союза штатов.

После подписания англо-американского мирного договора и признания США Англией на первое место вышли внутренние проблемы, в решении которых важную роль мог сыграть такой человек, как Франклин, пользовавшийся огромным авторитетом в самых различных кругах американского общества. «Крайне важно, – говорил Джефферсон, – чтобы этот великий человек возвратился в Америку. В случае его смерти я велел бы переправить туда его прах, что помогло бы объединить враждующие партии».

Франклин начал готовиться к новому длительному и тяжелому путешествию. Ему было уже семьдесят девять лет, все чаще повторялись тяжелые приступы каменной болезни, надолго укладывавшие его в постель. Перед отъездом из Франции он был настолько слаб, что не смог нанести прощальный визит Людовику XVI и ограничился посылкой благодарственного письма министру иностранных дел Франции Вержену, в котором выражал «глубокую признательность его величеству за все неоценимые благодеяния, которые он оказал моему отечеству».

Франция с глубоким сожалением прощалась с Франклином и выражала ему самые различные знаки внимания. Франклина не обошел своим вниманием и двор. Королева прислала ему свои носилки, чтобы тяжело больного Франклина спокойно перенести в Гавр, откуда он должен был отплыть в Америку.

28 июня 1785 года, сопровождаемый двумя внуками, Франклин покинул Францию, а 14 сентября его восторженно встречали на родине. Колокольный звон, огромные толпы почитателей, выражавших ему искреннюю благодарность за все, что он сделал для отечества, восторженные отзывы газет о его заслугах в борьбе за освобождение колоний от английской зависимости – все это было для Франклина неожиданным. На родине ждал настоящий триумф, встреча превзошла все самые оптимистические ожидания. Франклин был очень скромным человеком, он никогда не придавал значения внешним признакам чинопочитания, может быть, за исключением дипломатического этикета, несоблюдение которого при определенных обстоятельствах означает неуважение к той стране, которую представляет дипломат.

Но встреча в Америке была Франклину приятна. Это была достойная награда за многолетние труды на благо родины, это было всенародное признание его заслуг в деле борьбы за свободу американских колоний. Слава Франклина соперничала со славой Вашингтона, с той разницей, что Вашингтон прославился только на полях сражений, а Франклин был гордостью Америки, национальным героем, человеком, прославившим себя и свою страну на поприще научной и литературной деятельности, получившей всемирное признание.

С особой теплотой и сердечностью встретили Франклина в Пенсильвании. В знак признания выдающихся заслуг Франклина сразу же после возвращения в Филадельфию он был избран президентом штата Пенсильвания.

Мировая история знает многочисленные случаи, когда в молодом возрасте общественные и политические деятели занимают радикальные позиции, а с годами, постепенно эволюционизируя, сползают на консервативные позиции.

Этого не произошло с Франклином. Показательно, что, возвратившись на родину, Франклин отдал остаток своих сил в первую очередь борьбе за уничтожение рабства негров. Вместе с Джефферсоном, Псином, Поунэллом и другими прогрессивными деятелями он стоял у истоков американского аболиционизма.

Патриотизм в понимании Франклина не означал слепого благоговения перед всеми институтами страны, в том числе и перед теми, которые позорят ее честь и достоинство в глазах

других народов. Так же как и великий гражданин Америки Авраам Линкольн, Франклин считал, что любить свою родину – это значит не скрывать ее недостатки, а говорить о них, стремиться их преодолеть.

Отношение к негритянской проблеме всегда было самым надежным критерием для проверки подливного демократизма общественных, политических, государственных деятелей Америки, Франклин выдержал эту проверку.

На всех этапах своей продолжительной общественно-политической деятельности он был убежденным сторонником освобождения негров-рабов, признания за ними важного вклада в развитие американской культуры и экономики, предоставления им таких же прав, как и другим американским гражданам.

Франклин подходил к этой проблеме не только как гуманист, но и как выдающийся экономист и государственный деятель, понимавший, что решение негритянской проблемы самым тесным образом будет связано с будущим развитием американской экономики, общественных нравов, наложит большой, рельефный отпечаток на всю историю первого независимого государства Нового Света.

Негритянская проблема была тем более важна, что усилиями английских и американских работорговцев число негров-рабов в Америке стремительно увеличивалось. Миллионы негров гибли во время охоты на них в Африке, при перевозке негров в Америку, на плантациях Юга, превращенных в гигантский застенок для чернокожих рабов. Но работорговля, дававшая огромную прибыль, росла такими быстрыми темпами, что негритянское население Америки постоянно увеличивалось, и к моменту создания США уже насчитывалось 600 тысяч негров из всего трехмиллионного населения страны. На рабстве негров держалось все плантационное хозяйство Юга, зарождавшаяся текстильная промышленность Севера нуждалась в хлопке, который выращивался неграми, ростовщики и торговая буржуазия Севера получали огромные прибыли от посреднических и других операций, осуществлявшихся между Югом и Севером. Таковы были мощные силы, противодействовавшие любым попыткам уничтожить рабство, освободить негров-рабов. Эти силы опирались на активную помощь церкви, на расовые предрассудки значительной части белого населения Америки, среди которого эти предрассудки всегда усиленно насаждались и были широко распространены.

Тот, кто решался стать на позиции аболиционизма, освобождения негров-рабов, должен был быть готов к тому, чтобы противопоставить свое мнение этим влиятельным силам.

Франклин был среди тех американцев, которые имели достаточно силы воли и честности для того, чтобы активно бороться против рабства. На всех этапах своей деятельности он был убежденным аболиционистом и делал максимум возможного для успешного развития движения за уничтожение рабства.

Особое значение имела его аболиционистская деятельность после начала Войны за независимость. Во-первых, это был важнейший этап в истории Америки, когда решался вопрос о том, сумеет ли американская демократия найти в себе силы для кардинального решения негритянской проблемы, что должно было наложить отпечаток на все последующее развитие страны. Во-вторых, Франклин к этому времени уже пользовался огромным влиянием и мог сыграть важную роль в аболиционистском движении.

Среди многих задач, решавшихся в ходе революционной войны колоний за освобождение, одной из важнейших была борьба за уничтожение рабства. И естественно, что негры приняли самое активное участие в Войне за независимость. Показательно, что первой жертвой революции был негр-моряк Криспус Аттокс, убитый английскими солдатами во время бостонской резни 5 марта 1770 года. До сих пор на одной из площадей Бостона стоит памятник Аттоксу и его товарищам, погибшим во время этого побоища, напоминая потомкам об активном участии негров в Войне за независимость.

Уже 6 января 1776 года Вашингтон дал согласие на участие негров в вооруженной борьбе против английских колонизаторов. Это было вынужденное решение, принятое в силу тяжелого положения на фронтах и под давлением аболиционистских кругов. Негры героически сражались во многих битвах Войны за независимость. Их героизм носил массовый характер; известен случай, когда в одном из отрядов погибли все негры-солдаты, предпочтя смерть на поле боя плену.

Участие негров в войне за независимость было дополнительным и очень сильным аргументом за уничтожение рабства, и аболиционисты, в частности Франклин, активно использовали этот аргумент.

Франклин был далеко не единственным деятелем американской революции, понимавшим настоятельную необходимость освобождения рабов. Вместе с ним в аболиционистском движении, сыгравшем важную роль в Войне за независимость, активно участвовали Томас Джефферсон, Томас Пейн, массачусетский губернатор Томас Поунэлл, священник из Род-Айленда Самюэль Гопкино, знаменитый хирург Бенджамин Раш и другие известные американские деятели. Даже

консервативно настроенный Джордж Вашингтон, сам бывший рабовладельцем, заявлял: «Никто искреннее меня не желает видеть проведенным в жизнь определенный план отмены рабства».

Однако героические усилия аболиционистов оказались бессильными перед объединенным фронтом американской реакции, которая сумела отстоять свои позиции и освятить рабовладение первыми законодательными актами молодой республики. Декларация независимости и конституция были важнейшими актами, в которых провозглашались принципы, на которых создавались Соединенные Штаты Америки. И вполне естественно, что главная борьба между рабовладельцами и аболиционистами развернулась во время принятия этих документов.

В первоначальном тексте Декларации независимости были слова, которые со всей неопровержимостью свидетельствовали об антирабовладельческих устремлениях автора этого документа Джефферсона. Перечисляя преступления английского короля, против тирании которого поднялись американские колонии, Джефферсон писал: «Он вел жестокую войну против самой человеческой природы. Он попрал ее священные права, посягнув на жизнь и свободу лиц, принадлежащих к народу, который живет в далеком краю и никогда не причинил ему ничего дурного. Он захватывал и обращал их в рабство и в другом полушарии, причем часто они погибали ужасной смертью при перевозке их туда (в колонии). Эту пиратскую войну, позорящую даже *языческие* государства, вел *христианнейший* король Великобритании, решившись поддержать торговлю человека человеком».

Под яростным напором рабовладельцев конгресс капитулировал, и приведенные слова были вычеркнуты из текста Декларации независимости. Американские законодатели не только проголосовали за сохранение рабства и работорговли, но и придали этому позорному институту истинно американские масштабы. Именно после Войны за независимость рабство получило новый экономический и политический стимул для своего развития. Появился новый, чудовищный по своему цинизму и жестокости бизнес – разведение рабов на продажу.

После отказа конгресса уничтожить рабство Франклин, как и многие другие лидеры аболиционистского движения, не сложил оружия, а продолжал решительную борьбу за освобождение негров-рабов. «В Филадельфии, – писал Уильям Фостер, – 14 апреля 1775 года было сформировано первое местное Общество борьбы с рабством а Америке. Душой этой организации был

Бенджамин Франклин».

Действительно, с момента создания в 1775 году в Филадельфии Общества борьбы с рабством Франклин стал признанным лидером аболиционистского движения в Америке. После возвращения из Франции он получил возможность принять еще более активное участие в этом движении, так как не был теперь загружен столь многочисленными поручениями конгресса как в период, предшествовавший его отъезду с дипломатической миссией во Францию.

Добившись сохранения рабства, плантаторы южных штатов провели серию мероприятий с целью укрепления прав рабовладельцев на их живую собственность.

Конгресс принял решение об обязательной выдаче беглых рабов. «Ни одно лицо, – говорилось в решении конгресса, – используемое в услужении или на работе в одном штате и находящееся под его юрисдикцией, не может, убежав в другой штат, на основании каких бы то ни было законов или постановлений последнего, быть освобождено от такого услужения или работы и должно быть выдано по требованию стороны, для которой это услужение или работа должны выполняться».

Франклин выступил самым решительным образом против этого постановления конгресса и активизировал свою аболиционистскую деятельность. 9 ноября 1789 года он направил в конгресс петицию, в которой потребовал уничтожения рабства. В петиции говорилось, что все люди от рождения «имеют одинаковые права на свободу и благосостояние». «Соответственно этому, – подчеркивалось в петиции, – нижеподписавшиеся считают своей обязанностью употребить все законные средства, чтобы уничтожить рабство и каждому существу сделать доступными блага свободы». Петиционеры указывали на необходимость «удалить из нашей земли отвратительное противоречие – рабство в свободном государстве».

Это действительно было вопиющее противоречие. Создатели заокеанской республики, явно теряя чувство меры, выступили с беспрецедентными претензиями на признание за новым государством руководящей роли в мире.

После окончания Войны за независимость американские руководители с настойчивостью, достойной лучшего применения, неоднократно заявляли, что Израилю в прошлом, а США в настоящем отведена всевышним особая роль в истории человечества, что американцы – избраный богом народ. В 1785 году Джефферсон предлагал, чтобы на государственной печати Соединенных Штатов были изображены сыны Израиля, идущие

вслед за лучом солнца. В 1787 году Джон Адамс заявлял, что Соединенным Штатам «предоставлено» распространиться на всю северную часть материка.

Будучи президентом США, Джефферсон неоднократно поднимал вопрос об особой роли Соединенных Штатов Америки в мире. Например, в 1805 году в президентском послании он утверждал: «Бог руководил нашими предками так же, как Израилем в древности». В устах главы государства и правительства подобные утверждения уже принимали характер государственной доктрины.

Провозглашая свои претензии на исключительную роль США и сохраняя в стране рабство, американские лидеры на практике выступали за то, чтобы распространить рабовладельческие порядки и на другие страны. Сбросив цепи английского колониального господства, создатели американской республики заковали в цепи рабства пятую часть своего собственного народа. Франклин справедливо отмечал, что это было «отвратительное противоречие».

Спустя много лет на эту сторону американской истории обратил внимание Фридрих Энгельс. «Весьма показательно то обстоятельство, – писал он, – что американская конституция, которая первая выступила с признанием прав человека, в то же самое время санкционирует существующее в Америке рабство цветных рас; классовые привилегии были заклеймены, расовые привилегии – освящены».

В борьбе против рабства Франклин широко использовал испытанное оружие – прессу. 9 ноября 1789 года от имени Пенсильванского аболиционистского общества он опубликовал Обращение к населению, в котором начертал программу уничтожения рабства и обеспечения освобожденных рабов веем необходимым в новой для них жизни. В Обращении подчеркивалось, что аболиционистское движение добилось значительных успехов: «С особым удовлетворением мы сообщаем друзьям человечества, что при выполнении плана нашей ассоциации наши старания увенчались успехом и далеко превзошли наши самые большие ожидания».

Обращение Франклина было опубликовано в период резкого обострения борьбы по вопросу о рабстве. Проблема рабства обсуждалась на конституционных конгрессах 1776, 1779, 1783—1784 и 1787 годов. Борьба вокруг вопроса о рабстве развивалась с переменным успехом. Рабовладельцы и их союзники сумели добиться главного – рабство сохранялось и признавалось законным, но по ряду вопросов они не сумели отстоять своих позиций. На конгрессе 1776 года было принято решение о равном

обложении налогами рабов и наемных рабочих. Это решение нанесло тяжелый удар по экономическим интересам рабовладельцев. В 1780 году Пенсильвания специальным законом запретила ввоз рабов.

Важную роль в принятии этого решения сыграла активная деятельность Пенсильванского аболиционистского общества, руководимого Франклином.

В борьбе с рабством Франклин успешно использовал сатиру. 24 марта 1790 года, за двадцать пять дней до смерти, он написал притчу-пародию «О работорговле», опубликованную на следующий день в «Федеральной газете». Появление этой работы самым тесным образом связано с аболиционистской деятельностью Франклина.

12 февраля 1789 года, как президент аболиционистского общества, Франклин внес в палату представителей конгресса США предложение об отмене работорговли. Рабовладельцы и их союзники прекрасно понимали, что принятие этого предложения нанесет тяжелый удар по всей системе рабства и станет прологом ее крушения. Предложение Франклина было встречено в штыки правыми кругами конгресса и провалено. Особенно усердствовал представитель рабовладельцев Джорджии Джексон. Речь этого конгрессмена Франклин излагает в своей пародии устами вымышленного им Сиди Магомет Ибрагима, который, выступая в диване Алжира, аргументирует законность порабощения христиан алжирцами.

Показательно, что пародия «О работорговле» была последней работой, написанной Франклином. Тяжело больной, умирающий Франклин считал своим долгом внести последний вклад в борьбу за освобождение рабов. В этом особенно убедительно проявился его гуманизм, готовность отдать все силы для уничтожения самой позорной разновидности эксплуатации – рабства.

Усилия аболиционистов не увенчались успехом – рабство уничтожить не удалось. Потребовалась еще одна революция, огромные жертвы и разрушения гражданской войны 1861—1865 годов, самой тяжелой и кровопролитной войны в истории США, чтобы сокрушить этот позорный институт.

Однако героическая борьба аболиционистов XVIII века не была безрезультатной. Они заложили мощную базу аболиционистского движения, которое сыграло важную роль в уничтожении рабства.

И одной из ярких страниц жизни Бенджамина Франклина является его активное участие в антирабовладельческом движении в Америке. Франклин был пионером в науке, в литературе и журналистике, внес много нового в практику

дипломатической работы, ему принадлежит и честь создания первого аболиционистского общества в США. Своей деятельностью на аболиционистском поприще, особенно в последние годы жизни, Франклин оказал важную услугу родине: аболиционисты спасли честь и доброе имя Америки, они доказали, что, помимо рабовладельческой, есть Америка борцов за свободу, за равноправие народов.

Франклин приветствовал революцию, начавшуюся во Франции. Его отношение к этому величайшему событию в мировой истории было особенно показательным по сравнению с реакцией со стороны многих консервативных американских деятелей. Напуганные активной борьбой широких народных масс США за углубление революции, за разрешение социальных проблем, не решенных в ходе Войны за независимость, они усмотрели во французской революции прямую угрозу своим классовым интересам. С поразительной быстротой эти лидеры американского освободительного движения прошли путь от революционных лозунгов в годы боев за освобождение колоний до проклятий в адрес Великой революции, начавшейся в Европе.

Консервативная Америка, полностью абстрагируясь от недавних событий Войны за независимость, сопровождавшихся ожесточенной классовой борьбой, революционным и контрреволюционным насилием, проливала крокодиловы слезы по поводу насилия со стороны французских инсургентов.

Иным было отношение к этому вопросу Франклина. Он приветствовал революцию, начавшуюся во Франции, и не видел никакой трагедии в тех явлениях, которыми она сопровождалась. «Потрясение во Франции, – писал Франклин, – сопровождается некоторыми неприятными обстоятельствами. Но если при той борьбе будет достигнута и обеспечена ее будущая свобода и хорошая конституция, то уже несколько лет пользования этими благами полностью возместят тот ущерб, которым могло сопровождаться их завоевание».

Вывод Франклина подтверждался и опытом американской революции, в которой тоже были свои «неприятные обстоятельства», «стеснения формальной демократии в интересах войны», как писал Ленин. Но от этого американская революция не потеряла своего огромного прогрессивного значения. Франклин прекрасно понимал, что революции, эти величайшие социальные катаклизмы, невозможны без того, что он называл «неприятными обстоятельствами».

Смерть Франклина вызвала многочисленные международные отклики. Но характерно, что только революционная Франция почтила его память на государственном уровне, отдала ему

должное, как руководителю революционного движения в Америке. 11 июня 1790 года выдающийся оратор французской революции Мирабо выступил в Национальной ассамблее Франции с речью, посвященной кончине Бенджамина Франклина. Эта речь была перепечатана почти всеми газетами Франции, Соединенных Штатов Америки, Англии и расценивалась, как одно из символических заявлений французской революции.

Мирабо говорил, что «гений Франклина освободил Америку и обрушил поток света на Европу».

Гений, на которого претендует и Европа и Америка, человек, из-за которого спорят история науки и история империй, несомненно, займет почетное место в летописи человечества.

По мнению Мирабо, Франклин был «одним из величайших людей, которые когда-либо служили философии и свободе».

Оратор предложил, чтобы Национальная ассамблея последовала примеру конгресса США, объявившего двухмесячный траур, и объявила трехдневный траур по случаю смерти Бенджамина Франклина.

Биограф Франклина писал, что в речи Мирабо была «одна идея – поразить воображение мира, который все еще не понимал важности революций, происходивших в обоих полушариях».

Смерть Франклина вызвала глубокую скорбь в революционной Франции. 10 августа 1790 года типографы Парижа собрались для того, чтобы почтить его память. В комнате, где проходило собрание, установили бюст Франклина. Над его головой уложили венок, а внизу были разложены наборные кассы, пресс и другие атрибуты типографского ремесла.

В то время как подмастерье произносил речь, другие набирали и печатали ее, а в конце вечера присутствующим был вручен отпечатанный текст. Оратор рассказал о жизни Франклина, о его успехах на политическом поприще, но подчеркнул, что главное внимание он уделит не тем славным страницам из жизни Франклина, которые всем хорошо известны, а его деятельности в качестве типографа, рассказу о Франклине – простом гражданине. Жизнь Франклина, заявил оратор, заставляет типографов Парижа гордиться своим положением и следовать его примеру. «Франклин, – говорилось в выступлении, – был от рождения беднее самого бедного из нас, но он обладал мужеством не стыдиться своей бедности».

Выступавший призвал молодежь так же любить книги и чтение, как Франклин, бороться за свободу с такой же решительностью, как их выдающийся собрат по ремеслу. Указав на то, что рабочие должны расширять свой кругозор, чтобы иметь правильное представление о своих правах и долге, оратор

подчеркнул, что важным средством достижения этого является путь, по которому шёл Франклин, – создание клубов для самоусовершенствования и библиотек. В речи обращалось внимание на то, что Франклин считал издательскую деятельность важным фактором, способствовавшим свержению деспотизма в Америке.

Следующим оратором был солдат из Батальона ветеранов, который говорил о деятельности Франклина и идеалах французской революции. Указав на то, что свобода печати является важнейшим признаком политической свободы, он призвал присутствующих типографов не печатать контрреволюционные издания и быть своими собственными цензорами, служить добру и правде.

Биограф Франклина Олдридж, приведя ряд аналогичных фактов, приходил к выводу, что «во Франции Франклином искренне восхищались представители всех классов общества, высших и низших, интеллектуалы и рабочие. Французские литераторы отдавали ему должное в несравненно большей мере, чем коллеги Франклина в Соединенных Штатах и Англии».

Если в этих оценках, в утверждениях, что Франция была страной, где Франклина чтили больше, чем на родине, и есть некоторое преувеличение, то бесспорно, что в революционной Франции к Франклину – представителю революционной Америки проявляли несравненно больший интерес, чем в консервативной Англии и в официальной Америке. В США в послереволюционный период все отчетливее проявлялась консервативная тенденция в политике господствующих кругов промышленной и торговой буржуазии, плантаторов Юга. Это накладывало свой отпечаток и на отношение официальных кругов США к Франклину, к оценке его роли в революционной борьбе за освобождение североамериканских колоний Англии.

Эти круги получили от революции все, чего добивались. Американские колонии стали независимым государством. Вся полнота государственной власти оказалась в руках буржуазии и плантаторов. Были созданы необходимые предпосылки для быстрого развития экономики страны, для обогащения и буржуазии и плантаторов. Дальнейшее углубление революции противоречило коренным классовым интересам промышленников Севера и рабовладельцев Юга, и они использовали завоеванную в ходе революции власть для того, чтобы «поставить на место» народные массы, не допустить выполнения социальных требований тех, кто сыграл решающую роль в завоевании государственной независимости колоний.

С первого дня пребывания во Франции Франклин для

прогрессивных, революционных кругов страны был единомышленником, человеком, близким по духу, по убеждениям. Упорная, последовательная борьба посла революционной Америки за выполнение возложенной на него миссии еще больше укрепила связь между Франклином и теми силами, которым предстояло вскоре сыграть решающую роль в штурме твердынь абсолютизма во Франции.

Последний год в своей жизни Франклин был прикован к постели. Когда начинались тяжелые приступы каменной болезни, боли становились нестерпимыми, и приходилось принимать значительные дозы опия. Но в перерывах между приступами он был бодр, жизнерадостен и до последних дней сохранил поразительную ясность мысли. Франклин много читал, принимал посетителей по общественным и частным делам.

За шесть дней до смерти началась горячка. Казалось, все кончено и Франклин умрет, не приходя в сознание. Но через несколько дней страшные боли, при наступлении которых он терял контроль над собой, прекратились, и затеплилась надежда, что болезнь отступает. Однако неожиданно наступило резкое ухудшение, и 17 февраля 1790 года Франклин тихо скончался.

Франклин говорил, что «человек рождается только после своей смерти». Действительно, зачастую только после смерти людям воздается должное за все, что они сделали при жизни. Франклин не был обижен судьбой, он и при жизни узнал, что такое всемирное признание, слава, горячая любовь родных, близких, соотечественников и многочисленных искренних друзей и почитателей за границей.

Но только после смерти стали очевидны масштабы поистине беспримерного уважения, горячей любви к Франклину в США и в других странах. Франклин не любил почестей, считал их пустой мишурой, но именно ему Америка отдала почести, которых не знал до этого ни один ее гражданин. Никогда никого не хоронили в Америке так торжественно и при такой всенародной скорби, как Франклина. За гробом великого американца шло двадцать тысяч человек. В гавани Филадельфии в знак траура все суда приспустили флаги. Франклина похоронили рядом с могилой Деборы, и артиллерийская батарея пенсильванской милиции отсалютовала своему создателю и первому полковому командиру прощальным залпом. Америка проводила в последний путь своего великого гражданина.

Основные даты жизни и деятельности Бенджамина Франклина

1706 год, 17 января– В Бостоне родился Бенджамин Франклин.

1714 – Поступил в Бостонскую грамматическую школу.

1716—1718 – Помощник отца в мастерской по изготовлению свечей и варке мыла.

1718—1723 – Ученик в типографии своего брата Джеймса.

1722, 2 апреля – Опубликована в газете первая статья Франклина под псевдонимом «Молчальница».

1723, январь – Франклин становится издателем газеты «Нью-Ингленд курант».

1723, октябрь – Бегство из Бостона, прибытие в Филадельфию.

1723—1724 – Работа в типографии Кеймера в Филадельфии.

1724, апрель – Поездка в Бостон.

1724—1726 – Работа в типографиях Лондона.

1726, 21 шюня – Отплытие из Англии в Америку.

1727 – Создал Хунту.

1728 – Составил план достижения морального совершенства.

1728 – Хозяин совместно с Мередитом собственной типографии.

1729, 3 апреля – Написана работа «Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег», получившая высокую оценку Маркса.

1729, 25 сентября – Франклин и Мередит купили газету Кеймера.

1730, 1 сентября – Женитьба на Деборе Рид.

1731, 1 шюля – Подписано по инициативе Франклина соглашение о создании первой в Америке библиотеки но подписке.

1732 – Начало издания «Альманаха „Бедного Ричарда“.

1736 – Избран секретарем Законодательного собрания Пенсильвании.

1737 – Начало политической деятельности. Назначен почтмейстером Филадельфии; выполнял эти обязанности до 1753 года. Избран в Ассамблею провинции.

1742—1744 – Изобрел камин. Предложил создать Пенсильванский университет. Учредил Американское

философское общество. Участие в обороне Пенсильвании от индейцев.

1746 – Начало опытов по электричеству.

1748 – Отказ от деловой деятельности.

1749 – Открытие при активном участии Франклина Пенсильванского университета.

1752 – Доказал общую природу молнии и электричества.

1753 – Назначен заместителем генерального почтмейстера американских колоний.

1754, июнь – Выдвигает в Олбани план создания союза колонии.

1755 – Полковник милиции. Вкладывает собственные средства в снабжение армии Брэддока.

1757—1762 – Защищает в Англии интересы Ассамблеи Пенсильвании против Пеннов – владельцев колонии.

1762, декабрь – Возвращение в Америку.

1763, декабрь – Отплытие в Англию.

1764—1775 – Агент Пенсильвании в Англии.

1764 – Допрос Франклина в палате общин английского парламента по вопросу о гербовом сборе.

1769, январь – Избрание президентом Американского философского естественнонаучного общества. Назначен агентом Нью-Джерси в Англии.

1770—1771 – Агент других колоний в Англии. Начало работы над автобиографией.

1773—1774 – Дело с письмами Хатчинсона и Оливера. Смещение Франклина с поста заместителя генерального почтмейстера.

1775, март – Возвращение на родину. Избрание делегатом второго Континентального конгресса.

1776 – Участие в выработке Декларации независимости.

1776, декабрь – Прибыл в Париж.

1778, 6 февраля – Заключает франко-американский союз и торговый договор.

1782, 3 сентября – Подписывает англо-американский мирный договор.

1785 – Возвращение в Америку. Избирается президентом Пенсильвании.

1788 – Прекращение общественной деятельности. Завершает работу над автобиографией.

1790, 17 февраля – Смерть Франклина.

Краткая библиография

Белявская И. А., Франклин – деятель национально-освободительного движения американского народа. «Вопросы истории», 1956, №10.

Болховитинов Н. Н., Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966.

Владимиров М. Н., Франклин. М., 1934.

Гольдберг Н. М., Свободомыслие и атеизм в США (XVIII – XIX вв.). М. – Л., 1965.

Ефимов А. В., Общественная деятельность Вениамина Франклина. «Вестник АН СССР», 1956, № 3.

Ефимов А. В., США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969.

Капица П. Л., Научная деятельность В. Франклина. «Вестник АН СССР», 1956, № 2.

Радовский М. И., Вениамин Франклин, 1706—1790. М. – Л., 1965.

Старцев А., Франклин. «Иностранная литература», 1956, № 1.

Франклин В., Избранные произведения. М., 1956.

Aldridge A. O., Franclin and his French contemporaries. Washington, 1957.

Crane V. W., Benjamin Franklin. Englishman and American. Baltimore, 1936.

Crane V. W., Benjamin Franklin and rising people. Boston, 1954.

CarlvanDoren, Benjamin Franklin. New York, 1938.

Ford P. L., The many-sided Franklin. New York, 1899.

Nolan T. B., General Benjamin Franklin. The military career of a philosopher. Philadelphia, 1956.

Russel, Ph., Benjamin Franklin. New York, 1926.

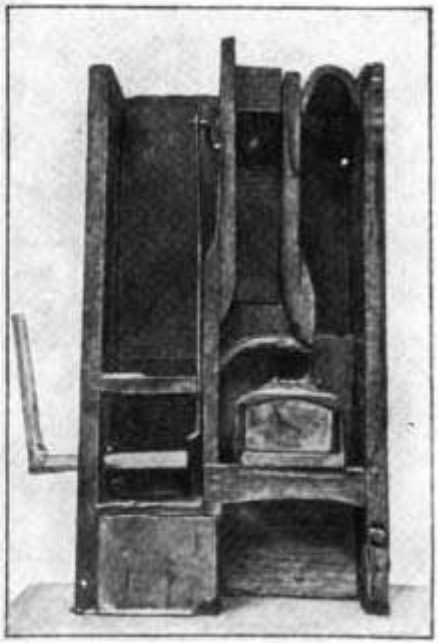
Russel, Ph., The first civilised American. New York, 1927.

Sanford Ch. L., Benjamin Franklin and the American character. Boston, 1955.

Stourgh L., Benjamin Franklin and American foreign policy. Chicago, 1954.

Иллюстрации

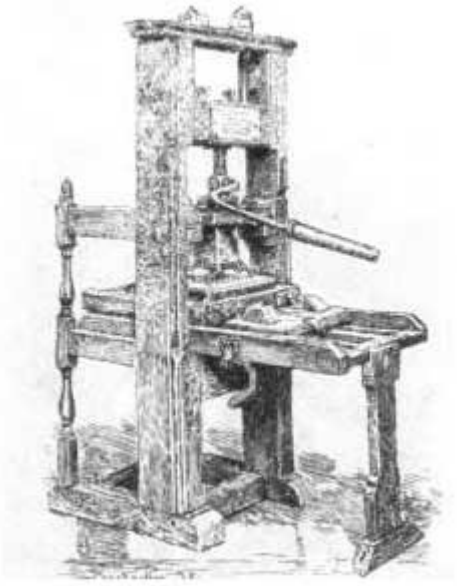
Камин, сконструированный Франклином.



Франклин проводит эксперименты с электричеством. Французская статуэтка.

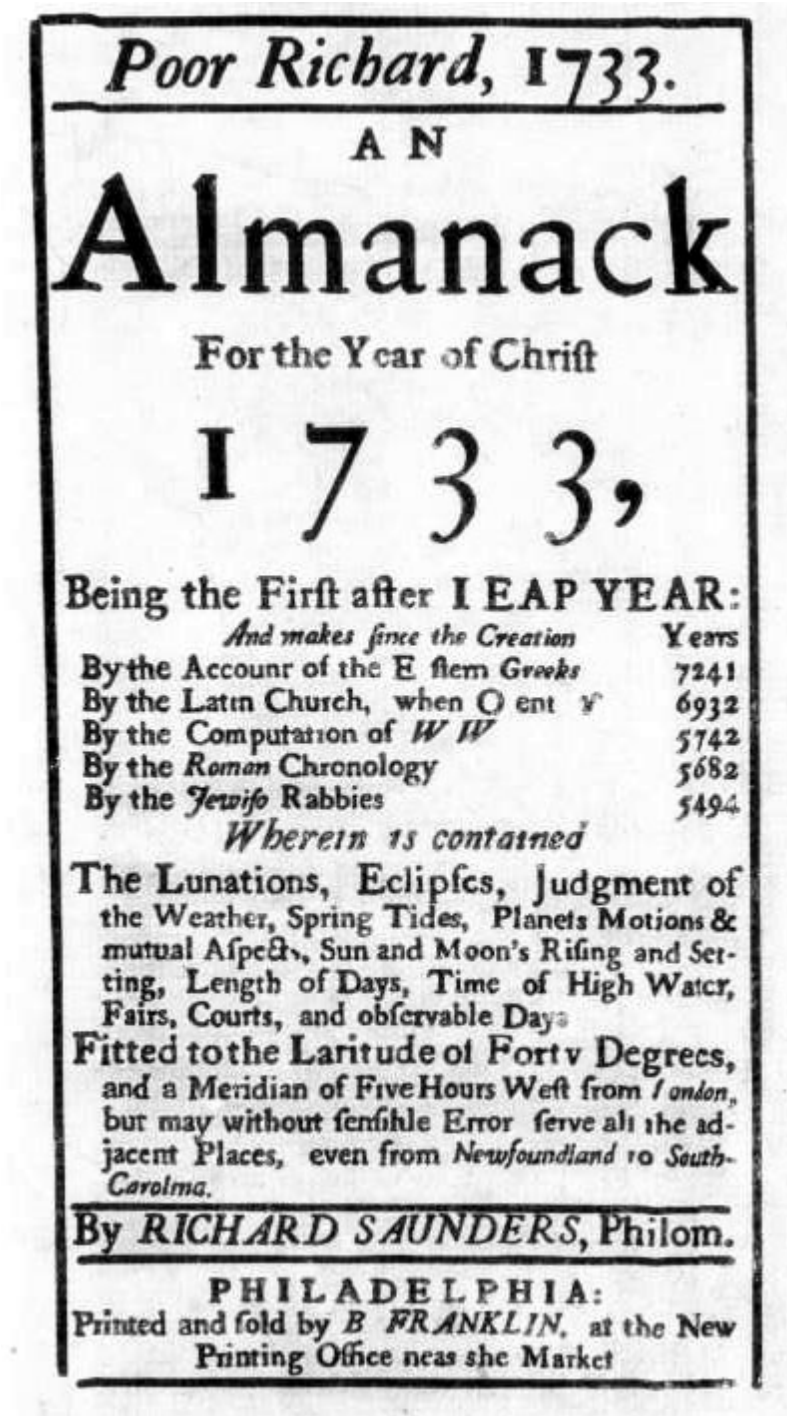
Хай-стрит (Маркет-стрит). Филадельфия.

Печатный станок, на котором работал Франклин в типографии Уоттса в 1725 году.



Улица в Лондоне, на которой жил Франклин в 1726 году.

Титульный лист первого издания альманаха «Бедный Ричард».



Poor Richard, 1733.

AN

Almanack

For the Year of Chriſt

1733,

Being the Firſt after LEAP YEAR:

And makes ſince the Creation	Years
By the Accounr of the Eſtern *Greeks*	7241
By the Latin Church, when O ent ♈	6932
By the Computation of *W W*	5742
By the *Roman* Chronology	5682
By the *Jewiſh* Rabbies	5494

Wherein is contained

The Lunations, Eclipſes, Judgment of the Weather, Spring Tides, Planets Motions & mutual Aſpects, Sun and Moon's Riſing and Setting, Length of Days, Time of High Water, Fairs, Courts, and obſervable Days.

Fitted to the Laritude of Forty Degrees, and a Meridian of Five Hours Weſt from *London*, but may without ſenſible Error ſerve all the adjacent Places, even from *Newfoundland* to *South-Carolina*.

By *RICHARD SAUNDERS*, Philom.

PHILADELPHIA:
Printed and ſold by *B. FRANKLIN*, at the New Printing Office near the Market

Бенджамин Франклин (1738—1746 гг.)

Стихи юного типографа.

THE YEARLY VERSES

Of the Printer's Lad, who carrrieth about the *Pennſylvania GAZETTE*, to the Cuſtomers thereof.

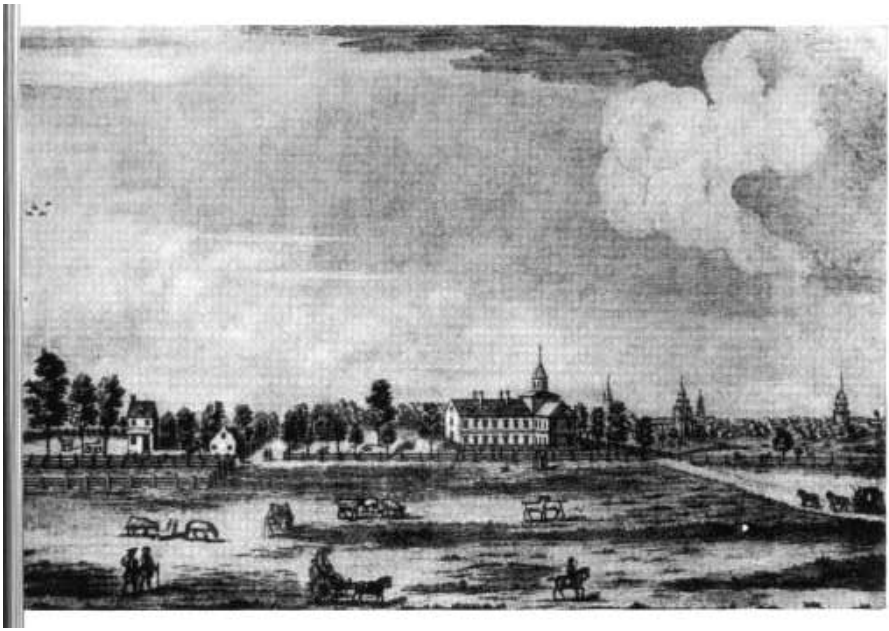
Jan. 1. 1741.

MY Labour's done for one unreckon'd Year,
And to account, kind SIR, I now appear.
'Twould give Offence, could I the News rehearſe,
T' attempt it all, here, in my ſcanty Verſe;
But if th' important Parts are nam'd again
That ſtrike the Paſſions and inſpire the Pen,
Tho' Grief, and Joy, and Anger, thoſe may raiſe,
And ſome deſerve Reproach, and others Praiſe;
Such Parts, by Cuſtom due, ye will expect;
And ſuch will make the noble Mind reflect.

Медаль Коплея, присужденная Франклину за открытия в области электричества.

Западная часть Филадельфии во времена Франклина.

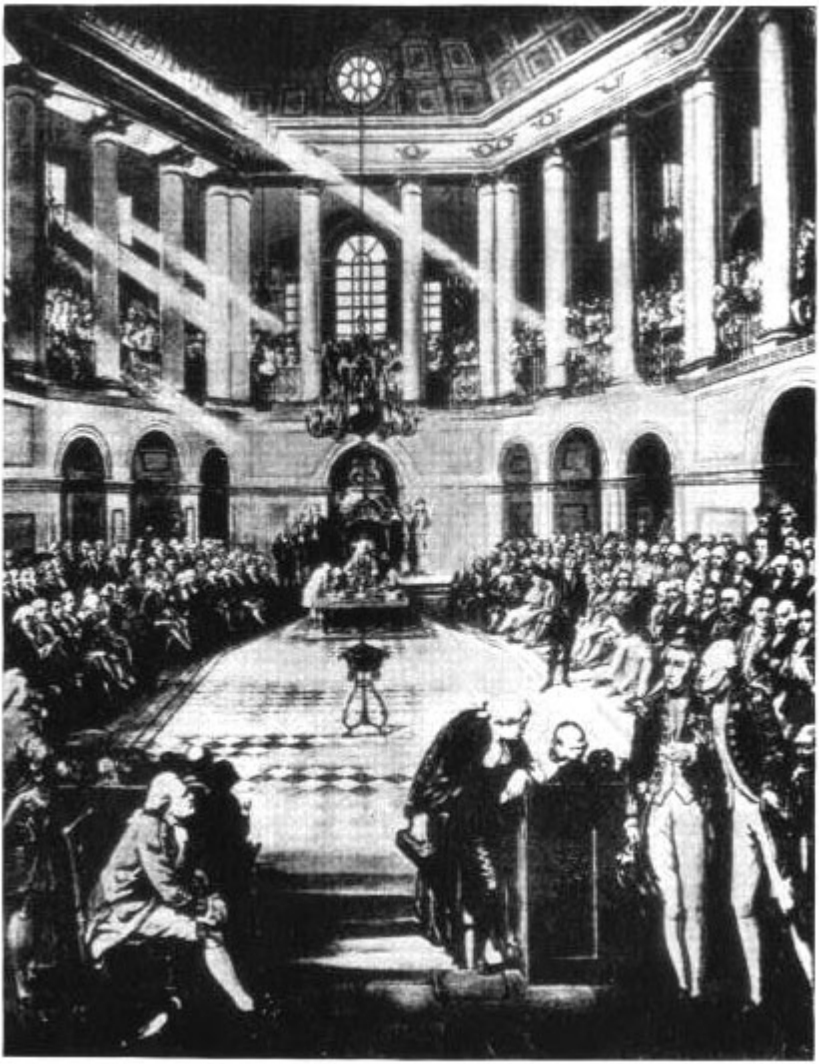
Пенсильванская больница.



Дом, в котором жил Франклин в Лондоне в 1760 году.

Карта путешествия Франклина в 1771 году.

Ирландский парламент во времена Франклина.



Уильям Стрехэм.

Ушльям Питт.

Томас Пейн.

Капитан Джеймс Кук.

Двухдолларовая бумажная купюра, выгравированная Франклином.

Медаль в ознаменование американской свободы. Изготовлена для Франклина в Париже в 1783 году.

Дебора Франклин.

Джейн Франклин.

Салли Франклин.

Уильям Франклин.

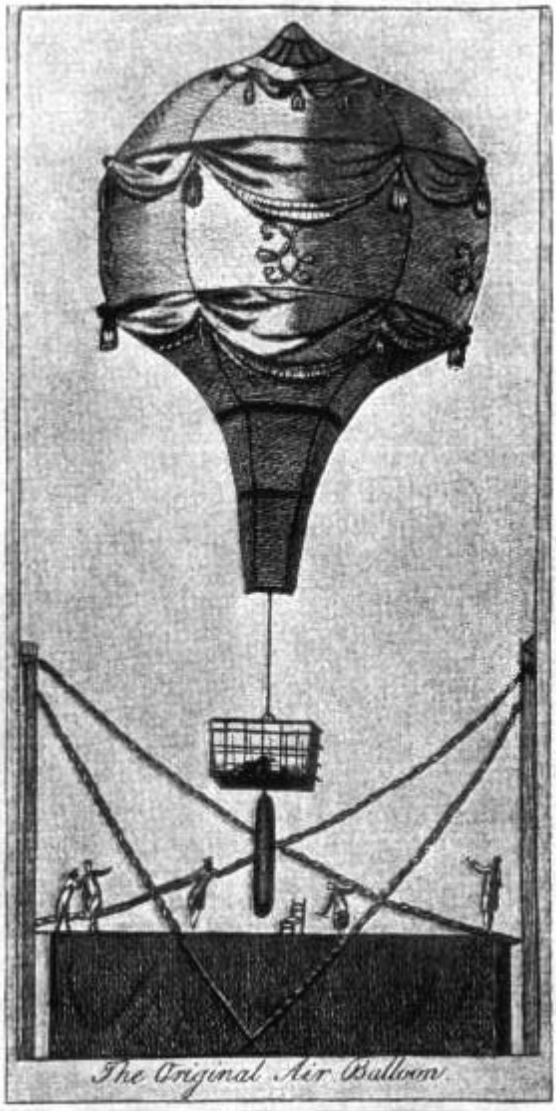
Губернатор Уильям Франклин.

Френсис Форгер Франклин.

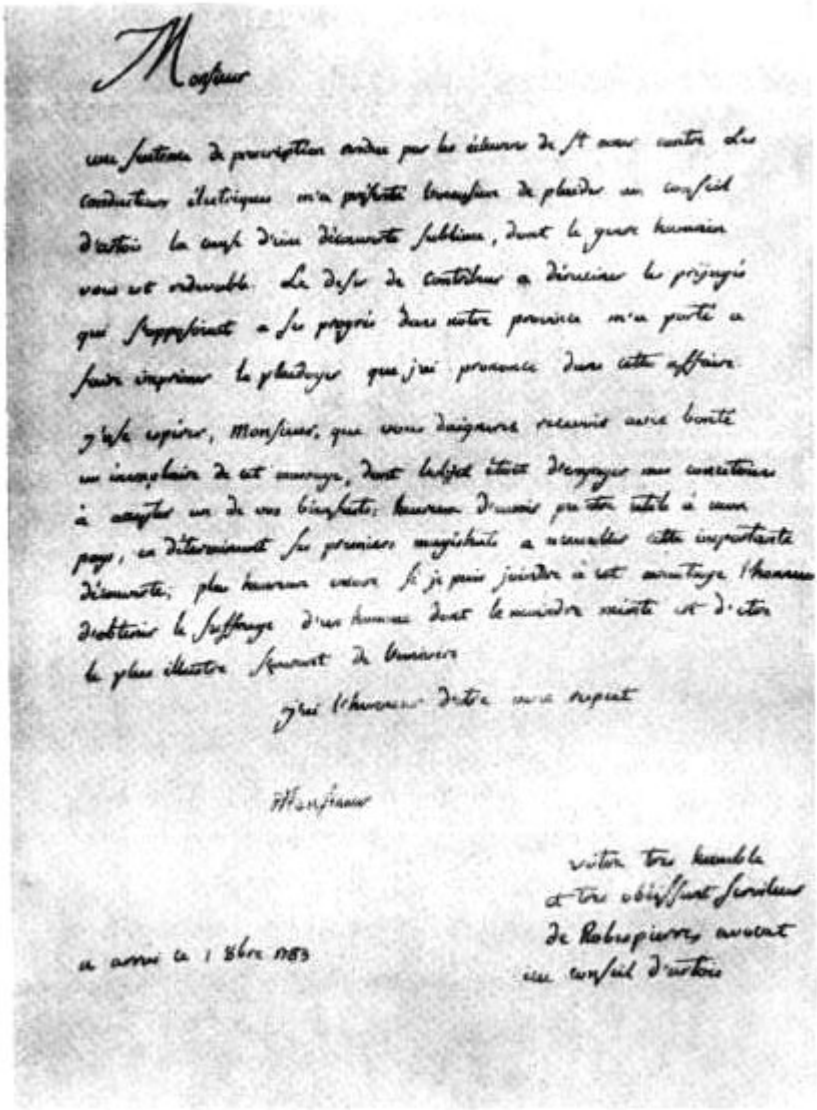
Френсис Форгер Франклин (1736—1737 гг.).

Библиотека Филадельфии. 1799 год.

Первый воздушный шар Монгольфье.



Письмо Робеспьера Франклину.



Monsieur

une sentence de prescription rendue par les écrivains de St Omer contre les conducteurs électriques m'a présenté l'occasion de plaider au conseil d'artois la cause d'une découverte sublime, dont le genre humain vous est redevable. Le desir de contribuer à déraciner les préjugés qui s'opposoient à ses progrès dans notre province m'a porté à faire imprimer le plaidoyer que j'ai prononcé dans cette affaire.

J'ose espérer, Monsieur, que vous daignerez recevoir avec bonté un exemplaire de cet ouvrage, dont l'objet étoit d'engager mes concitoyens à accepter un de vos bienfaits; heureux d'avoir pu être utile à mon pays, en déterminant ses premiers magistrats à accueillir cette importante découverte; plus heureux encore si je puis joindre à cet avantage l'honneur d'obtenir le suffrage d'un homme dont le moindre mérite est d'être le plus illustre souvent de l'univers

J'ai l'honneur d'être avec respect

Monsieur

votre très humble
et très obéissant serviteur
de Robespierre, avocat
au conseil d'artois

a arrivé le 1 8bre 1783

Дом Франклина в Пасси. Рисунок Виктора Гюго.

Бенджамин Франклин.

Бенджамин Франклин. Французская статуэтка.

Тюрго.

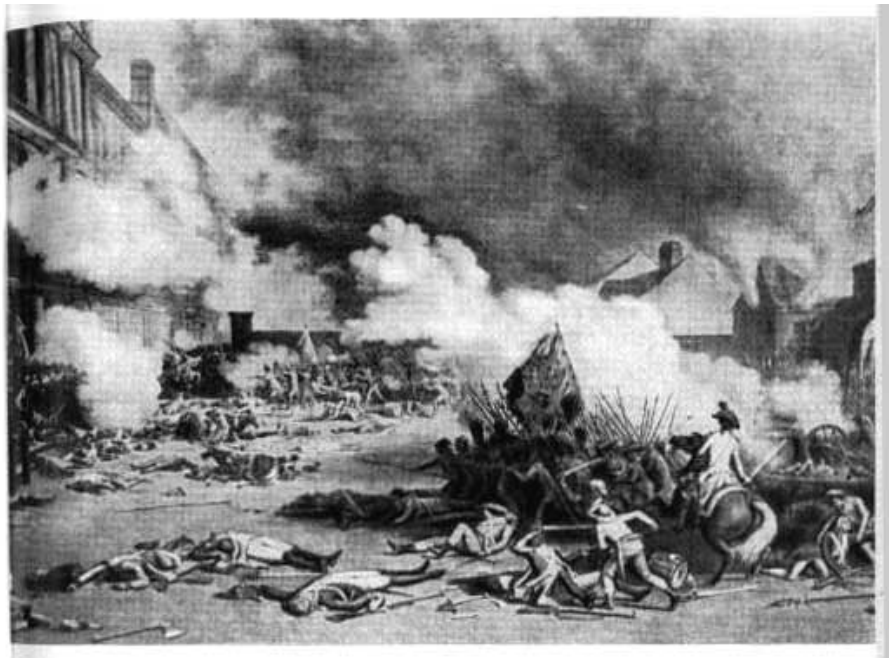
Бенджамин Франклин. 1782 г. Эмалевая миниатюра.

События на площади Людовика XV 12 июля 1789 года. По рисунку Приера, гравюра Берто.

Жан-Поль Марат. Современный портрет.

Робеспьер.

Взятие Тюильри 10 августа 1792 года. Картина Дюплесси-Берто.



Место захоронения Франклина на кладбище христианской церкви в Филадельфии.

notes

Примечания

1

Очень популярный английский нравственно-сатирический журнал, издававшийся в 1711—1712 годах.

2

Джон Тиллотсон (1630—1694) – английский теолог, архиепископ Кентерберийский.

3

Уильям Питт (1708—1778), который в 1757—1761 годах фактически возглавлял английское правительство, снял лорда Лаудона с занимаемой должности. Ярый экспансионист, Питт прекрасно понимал, что с такими главнокомандующими, как Лаудон, не только не захватишь новых владений, во и потеряешь все колонии в Америке. Аргументируя снятие Лаудона, Питт заявил, что «никогда ничего не слышал от него и не знает, чем он занимается».